

В. П. БОЖЬЕВ

**УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ
ПРАВООТНОШЕНИЯ**

Москва – 1975

В. П. БОЖЬЕВ

**УГОЛОВНО-
ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ
ПРАВООТНОШЕНИЯ**

«ЮРИДИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»

Москва – 1975

34С65

Б 76

Годь 6/7/75

Божьев В. П.

Б 76 Уголовно-процессуальные правоотношения.
М., «Юрид. лит.», 1975.

176 с.

Первая в юридической литературе работа, в которой уголовно-процессуальные отношения рассматриваются в связи с проблемой эффективности правовых норм, раскрываются понятие, содержание и форма уголовно-процессуальных отношений, их связь с уголовными правоотношениями.

Работа рассчитана на преподавателей и студентов юридических высших учебных заведений, научных работников, а также судей, прокуроров, следователей, адвокатов.

Б $\frac{11002-039}{012(01)-75}$ 49-75

34С65

ОБЩЕСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ, ПРАВООТНОШЕНИЯ. УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

§ 1. Социалистические общественные отношения в советском обществе

Социалистическое общество, будучи многогранным социальным образованием, представляет собой комплекс самых различных, по-разному связанных между собой общественных отношений. Необходимым компонентом каждого общественного отношения является человек, без него невозможно существование общественных отношений. К. Маркс и Ф. Энгельс обоснованно считали человека первой предпосылкой всякой человеческой истории¹, рассматривая в качестве таковой «не что иное, как деятельность преследующего свои цели человека»².

Но общество—это не беспорядочное и хаотичное соединение различных людей, их конгломерат. Общество можно представить в виде системы всевозможных отношений между людьми на самых различных уровнях. «Общество,—писал К. Маркс,—не состоит из индивидов, а выражает сумму тех связей и отношений, в которых эти индивиды находятся друг к другу»³. Прежде всего такие отношения между людьми складываются в процессе производства материальных благ, их распределения и обмена. При этом по своей сути производственные отношения являются материальными, поскольку они существуют объективно, т. е. независимо от воли и сознания людей. Они составляют базис общества и оказывают непосредственное влияние на формирование

¹ См. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 3, стр. 19.

² К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 2, стр. 102.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 46, стр. 214.

надстройки, которая в свою очередь призвана обслуживать нужды базиса.

Люди, как показывает опыт истории, не могут в одиночестве не только производить материальные блага, но и создавать духовные ценности, которые им также необходимы, как хлеб. Жизненная необходимость побуждает человека вступать в отношения с себе подобными. Как многогранна жизнь, так многогранны и отношения людей. К. Маркс писал: «...сущность человека не есть абстракт, присущий отдельному индивиду. В своей деятельности она есть совокупность всех общественных отношений»¹.

Жизнь общества, однако, составляет не только деятельность людей, их отношения в процессе этой деятельности, но и различные материальные блага и духовные ценности—продукты творения человека. И все же основа любого человеческого общества—люди и отношения между ними. Вне этих отношений, составляющих живую ткань социального организма, предметы, вещи и другие всевозможные ценности и блага как компоненты общественной жизни теряют социальное содержание². Одна из заслуг основоположников марксизма-ленинизма в том и состоит, что в отношении вещей они усмотрели отношения людей, тем самым сняв пелену с тайны рождения, изменения, динамики развития общества.

Сказанное позволяет согласиться с Д. А. Керимовым, считающим общество чем-то большим, чем просто сумма отдельных составляющих его личностей, хотя общество не может иметь ни блага, ни цели, ни оправдания своего существования вне или помимо личностей, его составляющих. Личности находятся в различных отношениях друг с другом, обусловленных в конечном счете социально-экономической основой общества. Все необходимое для существования, деятельности и развития личности создается обществом³. Это правильное положение согласуется и вытекает из утверждения К. Маркса: «Если человек по природе своей обществен-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 3, стр. 3.

² См. Н. Д. Ермолаев, Законы развития общества и строительство коммунизма, М., 1971, стр. 13.

³ См. Д. А. Керимов, Философские проблемы права, М., 1972, стр. 439.

ное существо, то он, стало быть, только в обществе может развить свою истинную природу, и о силе его природы надо судить не по силе отдельных индивидуумов, а по силе всего общества»¹.

Структура общественных отношений в социалистическом обществе многогранна. В силу этого их классификация возможна и с познавательных позиций, необходима под различным углом зрения, в разных направлениях, с учетом далеко не однозначных критериев. Анализ структуры общества и общественных отношений как основных его компонентов можно проводить в аспекте соотношения материальных и идеологических, объективных и субъективных, управляемых и управленческих отношений².

Структуру общественных отношений можно исследовать с позиций соотношения различных сфер и уровней социальной организации общества, выявления и уяснения качественной характеристики той или иной группы общественных отношений, а также установления особенностей и специфики взаимосвязи внутри и вне отдельных видов и разновидностей отношений в обществе³.

Различие критериев, их качественное разнообразие, как было отмечено, позволяет и предопределяет возможность разноплановой классификации (группировки) общественных отношений. При всем этом важно подчеркнуть неравнозначность таких группировок. Не случайно основоположники марксизма-ленинизма, поставившие перед собой цель раскрыть природу общественных отношений, главную, стержневую идею усматривали в том, что «общественные отношения делятся на материальные и идеологические. Последние представляют собой лишь надстройку над первыми, складывающимися помимо воли и сознания человека, как (результат) форма деятельности человека, направленной на поддержание его существования»⁴.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 2, стр. 146.

² См. И. И. Камынин, М. Я. Ковальзон, О специфике материальных общественных отношений коммунистической формации, «Вопросы философии» 1962 г. № 1; Г. Е. Глезерман, Диалектика объективных условий и субъективного фактора в строительстве коммунизма, «Вопросы философии» 1965 г. № 6.

³ См. И. Д. Ермолаев, указ. соч., стр. 14—21.

⁴ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 1, стр. 149.

В. И. Ленин подчеркивал, что материальные отношения «складываются, не проходя через сознание людей: обмениваясь продуктами, люди вступают в производственные отношения, даже и не сознавая, что тут имеется общественное производственное отношение»¹, в то время как идеологические отношения, «прежде чем им сложиться, проходят через сознание людей»². С этих позиций все правовые отношения относятся к числу идеологических.

Всегда и при всех условиях, оставаясь идеологическим, любое правовое отношение по своей сути является правовой формой выражения общественных отношений, материальных или идеологических. Основываясь на этом, Имре Сабо выделяет следующие группы правовых отношений:

а) правоотношения, представляющие собой правовое выражение материальных общественных отношений, которые, таким образом, выступают одновременно в качестве материальных и идеологически-правовых общественных отношений (например, производственные отношения, выступающие в форме отношений собственности);

б) правоотношения, выражающие идеологические общественные отношения, которые сообразно с этим являются идеологическими и по содержанию, и по форме (к их числу И. Сабо относит политические правовые отношения);

✓ в) правоотношения, носящие исключительно правовой характер³.

Последняя группа правоотношений (в которую включаются и процессуальные отношения), как считает автор приведенной классификации, не является выражением других правоотношений (материальных или идеологических), а представляет собой «специфические отношения, возникающие в результате правовой регламентации».

Если первые два подразделения классификации представляются вполне обоснованными, то этого в полной мере нельзя сказать о третьем.

¹ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 1, стр. 137.

² Там же.

³ См. Имре Сабо, Социалистическое право, М., 1964, стр. 311—312.

Попытка поставить процессуальные отношения в силу их специфики на особое место среди других правовых отношений, идеологических по форме и содержанию, на деле означает не что иное, как стремление объяснить определенную группу правовых отношений вне связи с иными жизненными отношениями, как попытку понять их «из самих себя». Беспочвенность и несостоятельность подобных попыток была показана К. Марксом¹.

В. Н. Щеглов усматривает идеологический характер процессуальных отношений в том, что:

а) деятельность субъектов, составляющих содержание правоотношения, по характеру и целевой направленности является идеологической;

б) идеологической является и форма этого правоотношения — субъективные права и обязанности².

Прежде чем сложиться, процессуальные отношения, говоря словами В. И. Ленина, «проходят через сознание людей», как и нормы процессуального права, обуславливающие существование процессуальных отношений. Таким образом, «осознанной является не только потребность в правовой форме такого рода отношения, но и в самом фактическом поведении его субъектов (содержании), состоящем в действиях по охране и принудительному осуществлению правовых норм»³. Все это дает основания «правовые отношения, носящие исключительно правовой характер», рассматривать как разновидность второй группы правоотношений, поскольку они также являются правовым выражением идеологических общественных отношений.

В самом общем виде специфика уголовно-процессуальных отношений внешне выражена в наличии особого метода правового регулирования, отличного от методов регулирования других сфер общественных отношений, составляющих объект правового регулирования. Это и предопределяет выделение той или другой совокупности норм в самостоятельную отрасль права⁴.

¹ См. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 13, стр. 6.

² См. В. Н. Щеглов, Процессуальные правоотношения как идеологические общественные отношения, «Труды Томского государственного университета», т. 216, Томск, 1972, стр. 198.

³ В. Н. Щеглов, указ. соч., стр. 199—200.

⁴ См. С. С. Алексеев, Общие теоретические проблемы системы советского права, М., 1961, стр. 23—24.

Уголовно-процессуальные отношения, возникающие в процессе возбуждения, расследования и судебного рассмотрения уголовных дел, весьма разнообразны как по характеру, так и по субъективному составу. Тем не менее все эти разнообразные отношения образуют единый предмет правового регулирования, что, как нам представляется, обусловлено по меньшей мере тремя взаимосвязанными обстоятельствами:

а) все эти отношения имеют единую цель—установление истины;

б) эта цель обусловлена наличием общего объекта всего того множества общественных отношений, которые имеют место в процессе производства по уголовному делу. Таким объектом является содержание уголовно-правового отношения;

в) уголовно-процессуальным отношениям в силу специфики их содержания и объекта присуще публично-правовое начало.

Приведенные соображения позволяют сделать вывод, что специфика уголовно-процессуальных правоотношений предопределяется прежде всего особенностями метода их правового регулирования, обусловленного в свою очередь своеобразием предмета регулирования норм уголовно-процессуального права.

Для исследования правовых отношений в целом или отдельных их разновидностей недостаточно основываться лишь на философском представлении и делении отношений на материальные и идеологические, а необходимо учитывать еще и близлежащие к ним (но не равнозначные) объективные и субъективные отношения. К последним, в частности, следует обращаться при определении объекта, например, уголовно-правовых и уголовно-процессуальных отношений.

В философской литературе подчеркивается, что понятие объективных отношений шире понятия материальных отношений¹, что «объективные отношения включают не только материальные отношения, которые всегда носят объективный характер, но и определенную часть идеологических, скажем политических и даже ду-

¹ См., например, В. Г. Афанасьев, Научное управление обществом, М., 1973, стр. 121—122; Г. Е. Глезерман, Исторический материализм и развитие социалистического общества, М., 1973, стр. 44—45.

ховных, отношений»¹. Сообразно этому объективные отношения определяются как «отношения, которые складываются и функционируют за пределами сознания субъекта, с которым они соотносятся. В свою очередь субъективные отношения представляют собой такие отношения, которые складываются на основе объективных отношений, но функционируют в сфере субъективной деятельности в виде осознанных действий общества, класса, партии или какой-либо другой социальной организации»².

Если рассматривать право и правоотношения с точки зрения соотношения общественного бытия и общественного сознания, право, как и все регулируемые им общественные отношения,—явление производное, вторичное, зависимое от общественного бытия. Познанию и применению права всегда предшествует процесс его создания законодателем (субъектом)³. Право возникает как продукт сознания, однако функционирует оно не в сфере сознания, а в реальной действительности, будучи явлением социальной жизни⁴. Определяющий момент объективной реальности права в том и состоит, что оно, «возникнув в соответствии с общественным сознанием социальных сил, господствующих в классовом обществе, практически функционирует далее как явление, объективно реальное для всех и каждого, т. е. вне и независимо от чьего бы то ни было сознания. Объективная реальность права состоит в государственной обязательности его норм для всех и каждого (разрядка моя.—В. Б.). Оно определяет направление, характер и цели деятельности людей, организаций и учреждений»⁵.

Устанавливая веления и запреты, предусматривая права и обязанности граждан, организаций, должностных лиц, право тем самым определяет правила поведения субъектов общественных отношений в различных

¹ И. Д. Ермолаев, указ. соч., стр. 16.

² Там же.

³ См. П. Е. Недбайло, Объективное и субъективное в праве, «Правоведение» 1974 г. № 1, стр. 17.

⁴ См. С. Ф. Кечекьян, Правоотношения в социалистическом обществе, М., 1958, стр. 11; С. С. Алексеев, Объективное и субъективное в праве, «Правоведение» 1971 г. № 1, стр. 116.

⁵ П. Е. Недбайло, указ. статья, стр. 21. См. также С. С. Алексеев, Социальная ценность права в советском обществе, М., 1971, стр. 63.

областях реальной жизни. Именно поэтому, и прежде всего поэтому, объективный характер права особенно четко и наглядно проявляется в правоотношениях.

Хотя правоотношения не существуют без права, однако оно не создает, а лишь регулирует общественные отношения, существующие в обществе. Считая, что правоотношения сами по себе объективны, П. Е. Недбайло подчеркивает их свойство выступать в качестве непосредственной правовой формы экономических, политических, социально-культурных, управленческих, семейных и других общественных отношений и тем самым обеспечивать устойчивость общественных отношений, регулируемых правом. Как и другие идеологические общественные отношения, правоотношения — это существующие в действительности практические связи людей, выходящие за рамки сознания, так как практическая деятельность — это необходимое условие их существования. С этих позиций всякое правовое отношение представляет собой явление объективной действительности.

Но, как правильно отмечено в литературе, не следует считать, что правовая действительность для одних его составных элементов — явление всегда объективное, для других — всегда субъективное. Необходимо исследовать эти свойства, их соотношение применительно к отдельным частям правовой надстройки, основу которой составляют правовые нормы¹.

Основываясь на сказанном, можно сделать вывод, что уголовно-правовые и уголовно-процессуальные отношения, будучи явлениями реальной действительности, сами по себе объективны, что не исключает наличия в них субъективных моментов; важно выявить характер рассматриваемых отношений, их соотношение друг с другом как двух составных частей правовой надстройки.

Рассматривая названные две группы регулируемых правом общественных отношений, мы, в частности, полагаем, что к числу объективных относится уголовно-правовое отношение, возникшее в момент совершения преступления между государством и лицом, совершившим это преступление. Сказанное не означает, что в уголовном правоотношении вообще отсутствует субъективный

¹ См. П. Е. Недбайло, указ. статья, стр. 19, 21.

момент. Как и в любом другом правоотношении, он здесь имеет место постольку, поскольку в каждой правовой (в том числе и уголовно-правовой) норме заключена воля государства, господствующего класса, а применительно к советскому праву — воля всего народа. Субъективный момент в уголовно-правовых отношениях присутствует и потому, что юридический факт, вызвавший уголовно-правовые отношения, — это всегда волевое, виновное действие или бездействие лица, совершившего уголовно-наказуемое деяние.

Но не это определяет характер взаимодействия двух смежных групп общественных отношений при делении их на объективные и субъективные. Сами отношения, связи между субъектами (государством и преступником¹), возникая в момент совершения преступления, являются объективными² по отношению к сознанию и действиям лиц (судьи, суда, следователя, прокурора, лица, производящего дознание), которые в силу предписаний закона обязаны установить реально существующие уголовно-правовые отношения или могут участвовать в деятельности по их установлению (потерпевший, защитник, эксперт и т.п.).

Иная характеристика в рассматриваемом аспекте может быть дана тем правовым общественным отношениям, которые возникают в процессе установления уголовно-правового отношения. Этот процесс протекает в форме уголовно-процессуальных отношений, которые субъективны по своему характеру, как субъективно вообще всякое процессуальное отношение. Если, скажем, Н. украл из квартиры А. золотые часы, то это единичное явление, как и всякое вообще преступление, представляет собой реальный факт объективной действительности.

¹ Имеется в виду лицо, фактически совершившее преступление, а не лицо, признанное в установленном законом порядке виновным в совершении преступления.

² Объективный характер уголовно-правовых отношений признается рядом авторов (см. В. Н. Кудрявцев, Теоретические основы квалификации преступлений, М., 1963, стр. 45; И. М. Гальперин, Взаимодействие государственных органов и общественности по борьбе с преступностью, М., 1972, стр. 74; «Советский уголовный процесс. Общая часть» под ред. Б. А. Викторова и В. Е. Чугунова, М., 1973, стр. 63; В. П. Божьев, Е. А. Фролов, Уголовно-правовые и процессуальные правоотношения, «Советское государство и право» 1974 г. № 1, стр. 90).

При этом, как правильно замечает В. Н. Кудрявцев, не следует смешивать признаки преступления, выявленные и зафиксированные в материалах дела, со всей массой признаков конкретного деяния. «Несмотря на то, что некоторые индивидуальные черты деяния не находят отражения в уголовном деле, они тем не менее объективно являются его признаками. Поэтому, когда мы говорим о конкретном преступлении как единичном явлении, событии объективной действительности, то мы имеем в виду всю совокупность присущих ему признаков, как имеющих уголовно-правовое значение, так и не имеющих такового, и притом независимо от того, в какой степени они были выявлены и отражены следователем или судом в уголовном деле»¹.

Сообразно сказанному есть основания считать, что независимо от сознания следователя возникают уголовно-правовые отношения, порожденные юридическим фактом — совершением преступления. Уголовно-процессуальные отношения детерминированы уголовно-правовыми. В уголовно-процессуальных отношениях находит отражение характер объективно существующих уголовно-правовых отношений. Это и понятно, ибо установление характера уголовно-правовых отношений — сугубо творческий процесс, невозможный без отражения действительности. Деятельность следователя и суда по установлению уголовно-правовых отношений — поиск истины, являющейся не пассивным и «мертвым» отражением объекта в сознании субъекта, а результатом взаимодействия субъекта с действительностью, в процессе познания которой происходит «приближение мышления к объекту», «...от субъективной идеи человек идет к объективной истине *через* «практику»...»².

Однако как бы следователь и суд ни приблизились к объективному, они, как и вообще субъекты уголовно-процессуальных отношений, не могут выйти за пределы субъективного. В этом суть диалектического соотношения объективного и субъективного, которое В. И. Ленин выразил словами: «Субъективность (или понятие) и объект — *то же суть и не то же*»³.

¹ В. Н. Кудрявцев, Теоретические основы квалификации преступлений, М., 1963, стр. 45.

² В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 29, стр. 177, 183.

³ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 29, стр. 165.

Исходя из марксистской концепции познаваемости мира и окружающей нас объективной действительности, в силу которой истина определяется как высшая форма субъективного отражения объективной действительности¹, следует сделать общий вывод, что истина, в поисках которой следователь и суд вступают в самые разные субъективные процессуальные отношения, вполне достижима.

Общественные отношения, на которые посягает преступник, как и другие признаки (объективные и субъективные), репрезентируются в акте отражения и тем самым опосредствованно участвуют в возникновении доказательств. Судить же по отражению об отражаемом (иначе говоря, по доказательствам о преступлении) можно в зависимости от того, насколько успешно следователю (или суду) удалось выявить, установить, понять, зафиксировать и правильно оценить отражаемое (т. е. доказательства)². На это, собственно, и направлены те многочисленные процессуальные отношения и протекающая в их рамках деятельность следователя, органа дознания, суда. Отсюда делается вполне обоснованный вывод, что содержанием объективной истины, устанавливаемой на предварительном следствии (как, впрочем, и в суде), являются такие представления, понятия, образы, которые опираются на объективно существующую вне нас действительность, правильно отраженную в сознании³.

Однако уголовно-процессуальные отношения не трансформируются в объективные, оставаясь по своей природе субъективными. Это обусловлено тем, что «сознание (идеальное), отражая объективно реальные явления, может достигнуть высокой степени адекватности этим явлениям, т. е. объективности, но в силу своей субъек-

¹ См. Т. Павлов, Теория отражения, М., 1948, стр. 350; «Ленинская теория отражения и современность» под ред. Т. Павлова, А. П. Шептулица и др., Москва—София, 1969, стр. 360—365; А. Шептулин, А. Спирина, Крупный вклад в развитие марксистской философии, «Коммунист» 1972 г. № 12, стр. 118.

² См. Р. С. Белкин, Ленинская теория отражения и методологические проблемы советской криминалистики, М., 1970, стр. 10.

³ См. И. М. Лузгин, Расследование как процесс познания, М., 1969, стр. 159.

ективной природы никогда не превращается в объективно реальное»¹.

Прежде чем анализировать правоотношения в системе общественных отношений, необходимо уяснить, что такое общественное отношение вообще.

Ф. Энгельс писал: «Уже самый факт, что это есть *отношение*, означает, что в нем есть две стороны, которые *относятся друг к другу*. Каждую из этих сторон мы рассматриваем отдельно; из этого вытекает характер их отношения друг к другу, их взаимодействие»². Таким образом, в каждом отношении можно выделить, по крайней мере, три момента: а) стороны (субъекты, участники); б) состояние отношения, т. е. определенную более или менее устойчивую социальную связь; в) наличие интереса между сторонами, который как порождает самое состояние связи, так и в некоторой степени способствует ее развитию и даже прекращению. Последнее обстоятельство прямо не выражено Ф. Энгельсом, но оно, как нам представляется, предполагается, так как всякая связь между участниками общественных отношений на чем-то основывается, по поводу чего-то функционирует, более или менее продолжительное время развивается и в связи с реализацией интереса (достижением результата) либо получает дальнейшее развитие, либо трансформируется в другую общественную связь, либо, наконец, прекращается (погашается). Например, в сфере уголовного судопроизводства общественное отношение, допустим, между следователем и потерпевшим или свидетелем устанавливается в силу необходимости совершить определенные действия. При этом правомочия и обязанности здесь взаимны, хотя и не адекватны. Но, как бы они ни были различны, они все же создают и удерживают определенное время связь между субъектами (по Ф. Энгельсу — между сторонами) общественного отношения.

Возвращаясь к приведенному положению Ф. Энгельса, в котором предельно сжато выражена сущность общественных отношений, хотелось бы подчеркнуть, что в нем изложена не только идея взаимной зависимости участ-

¹ Г. Н. Полянская, Р. Д. Сапир, Еще раз о соотношении объективного и субъективного в праве, «Правоведение» 1972 г. № 4, стр. 100.

² К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 13, стр. 497—498.

ников общественных отношений, находящихся как бы в состоянии «вынужденного» противостояния. Когда Ф. Энгельс уяснение характера отношений между сторонами связывает с рассмотрением каждой из сторон в отдельности, то тем самым он отмечает их определенную самостоятельность и независимость¹.

Аналогичный подход к изучению общественных отношений мы находим и в других работах основоположников марксизма-ленинизма. Рассматривая общество как «продукт взаимодействия людей»² и общественные отношения как «продукт деятельности живых личностей»³, К. Маркс и В. И. Ленин как бы акцентировали внимание на результатах функционирования общественных отношений. В. И. Ленин подчеркивал, что изучение определенных общественных отношений людей предполагает изучение реальных личностей, «из действий которых и слагаются эти отношения»⁴. Е. А. Фролов обоснованно делает из этих слов В. И. Ленина вывод, что главное— это динамизм, подвижность общественного отношения⁵. Иначе говоря, рекомендуется изучать явление всесторонне: как его устойчивые стороны, так и его изменчивые (динамичные) свойства. При этом следует иметь в виду, что «изменчивость и устойчивость — два органически связанных, друг друга предполагающих, вместе существующих момента или стороны предмета. Предмет в одно и то же время и устойчив, и изменчив, представляет собой относительно устойчивую систему движения. И сущность его неизменно включает в себя как тот, так и другой моменты»⁶.

Сказанное позволяет сделать вывод, что подвижные и устойчивые свойства общественного отношения не могут противопоставляться. Целостная и законченная картина общественного отношения может быть понята лишь

¹ См. по этому вопросу Е. А. Фролов, Объект уголовно-правовой охраны и его роль в организации борьбы с посягательствами на социалистическую собственность. Докт. дисс., Свердловск, 1971, стр. 100.

² К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 27, стр. 402.

³ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 1, стр. 427.

⁴ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 1, стр. 424.

⁵ См. Е. А. Фролов, указ. соч., стр. 106.

⁶ А. П. Шептулин, Система категорий диалектики, М., 1967, стр. 293. См. также Е. А. Фролов, указ. соч., стр. 102—103.

тогда, когда эти два взаимопредполагающих и обуславливающих друг друга свойства общественного отношения исследуются не изолированно, а во взаимосвязи.

Заметим, что в советской юридической литературе выдвинуто положение, согласно которому общественные отношения, регулируемые правом, могут находиться как в статическом, так и в динамическом состоянии¹. Такая позиция представляется не вполне правильной. Состояние покоя не присуще правоотношениям (как и общественным отношениям вообще). Нормы права, вернее установленные ими дозволения и запреты (правомочия и обязанности), находят реализацию в правоотношениях благодаря совершаемым действиям. Всякое же действие само по себе предполагает состояние движения, развития, изменения, а не покоя. «Правоотношение динамично: оно служит активной деятельности людей, классов, стремящихся достичь поставленной цели, обеспечить определенный интерес. Только в действиях лиц, реализующих правомочия и исполняющих юридические обязанности, находит свое полное осуществление значительное число правовых норм»².

Более того, как правильно отмечалось в литературе, социальные отношения между людьми предполагают действия не только как необходимый элемент в структуре данных отношений, но и «как их движущую силу, постоянно изменяющую систему общественных отношений и вместе с тем социальную организацию общества»³. Таким образом, без действий людей не могут существовать общественные отношения, вне которых в свою очередь не существуют действия людей в обществе. Но в общественном отношении находят выражение не только действия людей, но и их общие социальные связи, предпосылки и условия поведения⁴.

¹ См. П. С. Элькин, *Сущность советского уголовно-процессуального права*, Л., 1963, стр. 25; Т. В. Свистунова, *Нормы уголовно-процессуального права и правоотношения*. Автореферат канд. дисс., Л., 1969, стр. 9.

² «Марксистско-ленинская общая теория государства и права. Основные институты и понятия», М., 1970, стр. 551.

³ Г. В. Мальцев, *Социалистическое право и свобода личности*, Л., 1968, стр. 8.

⁴ См. «Общая теория советского права», под ред. С. Н. Братуся и И. С. Самошенко, М., 1966, стр. 16.

§ 2. Правовые отношения в системе социалистических общественных отношений

Каждое общество как сложное социальное образование состоит из множества элементов, организованных в определенную систему. Для уяснения многообразия структурных образований этой системы современная теория исторического материализма рекомендует выделять два аспекта анализа общества. «Во-первых, это подход к обществу, к общественной формации как к объективной системе разнообразных социальных институтов, различных взаимосвязанных друг с другом сторон общественной жизни, учреждений, организаций и т. д. . . . Во-вторых, это подход к обществу как продукту взаимодействия людей, как совокупности отношений между людьми, результату их деятельности»¹. Именно второй из названных аспектов имеет место при исследовании правоотношений, как и вообще любых общественных отношений.

Не все общественные отношения, складывающиеся в социалистическом обществе, регулируются правом. Это верно, как верно то, что весьма значительная их часть находится в сфере правового регулирования.

Будучи частью надстройки, зависимой от экономического базиса и в то же время относительно самостоятельной, право активно воздействует на общественные отношения, способствуя развитию одних, сдерживая интенсивность других, препятствуя возникновению и развитию третьих.

Право само по себе не создает новых общественных отношений, но при наличии к тому объективных предпосылок активно содействует их становлению и развитию. «Это означает, что право не только закрепляет уже сложившиеся отношения, но и способствует зарождению тех отношений, к которым законодатель сознательно стремился»². Сказанное вполне соотносится со словами К. Маркса о том, что «правовые отношения, так же

¹ В. Ж. Келле, М. Я. Ковальзон, Курс исторического материализма, М., 1969, стр. 64.

² «Марксистско-ленинская общая теория государства и права. Основные институты и понятия», М., 1970, стр. 388. См. по этому вопросу также О. С. Иоффе, Юридические нормы и человеческие поступки, «Актуальные вопросы советского гражданского права», М., 1964, стр. 11—16.

точно, как и формы государства, не могут быть поняты ни из самих себя, ни из так называемого общего развития человеческого духа, что, наоборот, они коренятся в материальных жизненных отношениях»¹. В другом месте, подчеркивая производный характер правовых институтов по отношению к материальному производству, К. Маркс писал, что «право никогда не может быть выше, чем экономический строй и обусловленное им культурное развитие общества»².

Итак, марксистско-ленинская теория права исходит из того, что право: а) производно от уровня экономического строя общества; б) закрепляет уже сложившиеся отношения; в) способствует зарождению и развитию отношений, выгодных и угодных господствующему классу. Все это приводит к мысли, что законодатель не создает, а лишь находит наилучший в данной конкретной обстановке вариант воздействия на общественные отношения³.

Одна из основных функций права — регулирование общественных отношений. Стало быть, объектом права являются общественные отношения. При этом разнообразие общественных отношений предопределяет выбор неодинаковых средств и методов правового регулирования, с учетом которых советское право делится на части, именуемые отраслями права.

Исходя из оснований деления права на отрасли, можно сделать общий вывод: предметом любой отрасли права является определенная область (сфера) общественных отношений. При этом, как подчеркивалось в литературе, взаимосвязь права и общественных отношений представляет не что иное, как взаимосвязь формы и содержания: правовые отношения, возникающие в результате реализации правовых норм, являются особой формой существования общественных отношений⁴. Если же норма права в соприкосновении с общественными отношениями, на регулирование которых она направлена, не приводит к подобным результатам, значит, эта норма

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 13, стр. 6.

² К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 19, стр. 19.

³ См. В. Ф. Яковлев, Объективное и субъективное в методе правового регулирования, «Правоведение» 1970 г. № 6, стр. 59; М. Д. Шаргородский, Право и объективные законы общественной жизни, «Правоведение» 1972 г. № 5, стр. 100.

⁴ См. П. С. Дагель, Диалектика правового регулирования общественных отношений, «Правоведение» 1971 г. № 1, стр. 51—52.

либо принята преждевременно, либо не соответствует характеру и уровню общественных отношений.

Но нормы права (любой отрасли) могут адресоваться только воле участников общественных отношений, предписывая им делать одно, запрещая делать другое, дозволяя делать третье и т. д.¹ Между тем, как отмечалось, в системе общественных отношений есть такие, которые существуют независимо от воли и сознания людей, — материальные отношения. Стало быть, право может регулировать не все и не любые, а лишь волевые общественные отношения, так как содержащиеся в нормах права веления и запреты рассчитаны на сознание и волю людей. В то же время марксистско-ленинская теория исходит из того, что «человек только в том случае несет полную ответственность за свои поступки, если он совершил их, обладая полной свободой воли»². Свободу личности нельзя понимать как произвол, как неограниченную свободу от общества. Человек, живущий в обществе, не может быть свободен от него. Поэтому право, определяя права гражданина, одновременно формулирует и его обязанности, тем самым устанавливает пределы возможного, дозволенного.

Сказанное не исключает определенной свободы человека в выборе решений для совершения тех или иных действий или воздержания от них. Однако человек должен учитывать обстановку, условия и обстоятельства, в которых он принимает решение. «Свобода воли означает... не что иное, как способность принимать решения со знанием дела»³. Именно в этом понимании свобода трактуется как познанная необходимость. Следовательно, есть основания сделать вывод, что действия человека, его поведение в обществе в определенных пределах находятся в прямой зависимости от выбора им варианта поведения, т. е. от свободно принятого решения. Это в свою очередь предопределяет и возможность регулировать общественные отношения и ответственность человека за содеянное. Все сказанное позволяет разделять господствующее в общей теории права определение правоотношения как волевого общественного отношения

¹ См. «Общая теория советского права» под ред. С. Н. Братуся и И. С. Самощенко, М., 1966, стр. 16.

² К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 21, стр. 82.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 20, стр. 116.

надстроечного характера, урегулированного нормами права¹.

Хотя мы и рассматриваем правоотношения как волевые общественные отношения, содержанием которых являются действия (равно как и воздержание от них) участников этих отношений в пределах, предусмотренных юридическими нормами правомочий и обязанностей, нельзя сводить правовые отношения только к этому.

В теории права обоснованно обращается внимание на то, что правовые отношения выступают как независимый от сознания отдельного человека объективный результат множества перекрещивающихся актов поведения². Тем не менее предписания правовых норм обращены к сознанию и воле людей как потенциальных участников правовых отношений. Стало быть, законодатель исходит из того, что границы действия правовых предписаний ограничиваются теми отношениями, которые зависят от воли людей, несмотря на то что воля человека детерминирована³.

Юридическая норма, формулирующая правило поведения, — это, конечно, предпосылка наличия правоотношения, как и правового регулирования вообще. В. И. Ленин, придавая большое значение закону, вместе с тем неустанно обращал внимание на то, что принятие закона не самоцель, что главное — это его фактическая реализация⁴.

Актуальность этого ленинского положения в современных условиях подчеркивал Л. И. Брежнев, говоря, что «мало выработать хороший закон, мало его принять. Закон живет, действует лишь тогда, когда он исполняется»⁵.

Итак, нельзя считать, что правовая норма, закон порождают правоотношения. Они коренятся в фактических отношениях, экономических и политических. Однако не может быть правоотношения, если возможность его существования не предусмотрена правовой нормой. Следовательно, правовая норма, предусматривающая правоотношения,

¹ См. «Марксистско-ленинская общая теория государства и права. Основные институты и понятия», М., 1970, стр. 545.

² См. там же, стр. 393.

³ См. «Общая теория советского права» под ред. С. Н. Братуся и И. С. Самощенко, М., 1966, стр. 17.

⁴ См. В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 36, стр. 182—183.

⁵ Л. И. Брежнев, Ленинским курсом, т. 3, М., 1972, стр. 49.

пошение, и государство, обеспечивающее реализацию этой нормы, — необходимые условия возникновения и развития правоотношений¹.

Связь права и общественных отношений, однако, не является односторонней. Право — не только средство воздействия государства на общественные отношения. Общественные отношения, будучи предметом правового регулирования, в свою очередь оказывают непосредственное воздействие на процесс формирования права; вместе с тем они определяют предмет устанавливаемых законодателем велений и запретов. Отмечая активную роль общественных отношений в их взаимодействии с правом, А. Нашиц правильно подчеркивает, что общественные отношения направляют нормативные решения прежде всего в силу того, что законодатель, осуществляя правовое регулирование, вынужден учитывать специфическую природу отношений, подлежащих урегулированию, характерные свойства и особенности этих отношений и участвующих в них субъектов². «Как только он (речь идет о законе) перестанет соответствовать общественным отношениям, — писал К. Маркс, — он превратится просто в пачку бумаги»³. Не менее определенно эта же мысль высказана В. И. Лениным, считавшим, что, «если закон препятствует развитию революции, он отменяется или исправляется»⁴.

§ 3. Общественные отношения как предмет регулирования уголовно-процессуального права

Каждой отрасли советского права соответствует определенный предмет регулирования в виде большего или меньшего числа волевых общественных отношений. Это положение, твердо устоявшееся в науке общей теории права, однако, не разделяется полностью, когда речь идет о предмете регулирования процессуального права (и гражданского, и уголовного): нередко на место общественных отношений либо наряду с ними ставятся

¹ См. Л. С. Явич, *Право и общественные отношения*, М., 1971, стр. 106.

² См. А. Нашиц, *Правотворчество*, М., 1974, стр. 23—24.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс, *Соч.*, т. 6, стр. 259.

⁴ В. И. Ленин, *Полн. собр. соч.*, т. 36, стр. 504.

действия или деятельность участвующих в процессе лиц.

Так, Д. С. Карев пишет: «Советское уголовно-процессуальное право является отраслью социалистического права, регулирующей деятельность суда, прокуратуры и органов расследования по производству уголовных дел.

Советское уголовно-процессуальное право представляет собой совокупность норм, установленных Советским социалистическим государством в целях защиты, закрепления и развития отношений, возникающих в процессе расследования и судебного рассмотрения уголовных дел»¹.

М. А. Чельцов долгие годы считал, что нормы уголовно-процессуального права регулируют уголовно-процессуальную деятельность². Позже, изменив свои взгляды, М. А. Чельцов пришел к выводу, что уголовно-процессуальное право регулирует «деятельность по расследованию и разбирательству дел о преступлениях и отношения, возникающие в ходе этой деятельности между отдельными органами государства, между органами государства и участниками уголовного процесса, между органами государства и общественными организациями, учреждениями и отдельными гражданами»³.

Аналогична позиция Н. Н. Полянского, И. И. Малхазова; С. В. Бородина, считающих, что уголовно-процессуальное право регулирует деятельность суда, прокуратуры и органов расследования по уголовным делам и сопутствующие этой деятельности отношения с гражданами, участвующими в судопроизводстве⁴. М. С. Строгович также рассматривает эту деятельность и эти отношения как равнозначные элементы предмета регулирования советского уголовно-процессуального права⁵.

¹ «Советский уголовный процесс» под ред. Д. С. Карева, М., 1968, стр. 17.

² См. М. А. Чельцов, Советский уголовный процесс, М., 1962, стр. 15.

³ «Уголовный процесс» под ред. М. А. Чельцова, М., 1969, стр. 16.

⁴ См. Н. Н. Полянский, Вопросы теории советского уголовного процесса, Л., 1956, стр. 220; «Уголовный процесс РСФСР» под ред. В. Е. Чугунова и Л. Д. Кокорева, Воронеж, 1968, стр. 12; «Советский уголовный процесс. Общая часть» под ред. Б. А. Викторова и В. Е. Чугунова, М., 1973, стр. 14.

⁵ См. М. С. Строгович, Курс советского уголовного процесса, т. I, М., 1968, стр. 36.

Не вполне последовательно формулирует предмет регулирования уголовно-процессуального права А. С. Кобликов. Давая определение советского уголовно-процессуального права, он называет предметом регулирования порядок деятельности органов расследования, прокуратуры и суда при производстве по уголовному делу¹. Однако в другом месте работы он утверждает, что советское уголовно-процессуальное право регулирует общественные отношения, возникающие в связи с расследованием, разбирательством и разрешением уголовных дел².

В. А. Познанский, А. Л. Цыпкин, П. С. Элькинд считают, что предметом регулирования уголовно-процессуального права являются общественные отношения, складывающиеся в сфере уголовного судопроизводства³.

Таким образом, в процессуальной науке не отвергается общетеоретическое положение о том, что предмет регулирования любой отрасли права является соответствующая область общественных отношений. Однако предмет регулирования уголовно-процессуального права определяется различно: одни авторы утверждают, что уголовно-процессуальное право регулирует общественные отношения, другие — деятельность (действия), третьи — деятельность и отношения.

Наибольшее распространение в науке советского уголовного процесса имеет третья точка зрения, наименьшее — вторая, причем взгляды ученых, которые предметом регулирования уголовно-процессуального права считают и действия, и отношения, далеко не однородны и не всегда последовательны. В этом нетрудно убедиться, проанализировав предлагаемые определения понятия уголовного процесса, его сущности.

Д. С. Карев и М. А. Чельцов определяют предмет регулирования данной отрасли права дважды: один раз, формулируя понятие уголовного процесса как

¹ См. «Советский уголовный процесс» под ред. А. С. Кобликова, М., 1972, стр. 16.

² См. там же, стр. 17.

³ См. П. С. Элькинд, Сущность советского уголовно-процессуального права, Л., 1963, стр. 5—7, 90; «Советский уголовный процесс. Часть общая», Саратов, 1968, стр. 12; «Уголовный процесс» под ред. Н. С. Алексеева, В. З. Лукашевича, П. С. Элькинд, М., 1972, стр. 24.

¹ См. Д. С. Карев, указ. учебник, стр. 14—15; «Уголовный процесс» под ред. М. А. Чельцова, М., 1969, стр. 10.

деятельности суда, прокуратуры, органов расследования, второй,— говоря о сущности уголовно-процессуального права. Представляется непоследовательным и противоречивым считать предметом правового регулирования одни явления, а сущностью регулируемых явлений — другие.

С этих позиций не вполне последовательны, как нам представляется, и взгляды П. С. Элькинд. С одной стороны, она на протяжении ряда лет отстаивает общетеоретическую конструкцию предмета правового регулирования, считая, что уголовно-процессуальное право регулирует общественные отношения в сфере уголовного судопроизводства. С другой стороны, П. С. Элькинд содержанием уголовного процесса считает не только правоотношения, но и деятельность участвующих в деле лиц¹.

А. С. Кобликов советским уголовным процессом считает деятельность органов расследования, прокуратуры и суда. Не включая в понятие уголовного процесса правоотношения, он, однако, отмечает участие в упомянутой деятельности граждан, общественных организаций и коллективов трудящихся, реализующих свои права и исполняющих обязанности².

Следует отметить еще одно своеобразное положение: при разных исходных позициях при определении предмета регулирования уголовно-процессуального права Н. Н. Полянский, М. А. Чельцов, В. А. Познанский и А. Л. Цыпкин приходят к одним и тем же выводам при определении сущности (содержания) советского уголовного процесса, усматривая ее в деятельности (системе действий) государственных органов³.

В то же время, аналогично определяя предмет регулирования уголовно-процессуального права, ученые-процессуалисты по-разному определяют сущность уголовного процесса: М. А. Чельцов и Н. Н. Полянский усматривают ее в деятельности органов дознания, след-

¹ См. «Уголовный процесс» под ред. П. С. Алексеева, В. З. Лукашевича, П. С. Элькинд, М., 1972, стр. 19—20.

² См. «Советский уголовный процесс» под ред. А. С. Кобликова, М., 1972, стр. 9.

³ См. «Советский уголовный процесс. Часть общая», Саратов, 1968, стр. 6; Н. Н. Полянский, указ. соч., стр. 41; М. А. Чельцов, указ. соч., стр. 10.

ствия, прокурора и суда; М. С. Строгович и И. И. Мал-хазов — в деятельности названных органов и возникающих в процессе этой деятельности правоотношениях¹.

Заметим, что даже те авторы, которые не рассматривают правоотношения в качестве составной части понятия или сущности уголовного процесса, не отрицают их существования. Как было показано, наличие правоотношений в уголовном процессе признают и Н. Н. Полянский, и М. А. Чельцов, и Д. С. Карев, и В. А. Познанский, и А. Л. Цыпкин, и А. С. Кобликов.

Д. С. Карев считает возможным включение отношений в качестве элемента уголовного процесса при определении последнего, но сам этого не делает, так как главным и определяющим для уголовного процесса считает деятельность государственных органов. В. А. Познанский и А. Л. Цыпкин не включают правоотношения в определение процесса, так как правоотношения, по их мнению, порождаются уголовно-процессуальными действиями. Подобные доводы приводят и другие ученые.

Характерно, что ни один автор при этом не опровергает общетеоретического определения предмета регулирования права в целом и его отдельных отраслей. Между тем господствующей в общей теории права является позиция, согласно которой действия представляют собой содержание правового отношения, что не мешает им выступать в качестве юридических фактов, порождающих правоотношения.

Говоря об уголовно-процессуальном праве и судопроизводстве, следует помнить, что деятельность в уголовном процессе ограничена пределами установленных УПК прав и обязанностей соответствующих участников уголовного процесса. При таком положении возникают сомнения в необходимости включать в определение уголовного процесса в качестве равнозначных компонентов действия и правоотношения. Если это и необходимо, то не иначе как оговорив, что первые являются содержанием вторых. Следовательно, в определении уголовного процесса акцент должен быть сделан на правоотношениях.

Заметим, что в науке гражданского процессуального права не без оснований высказываются предложения

¹ См. М. С. Строгович, указ. соч., стр. 29—30, 34; «Уголовный процесс РСФСР», стр. 6.

ограничиться в определении процесса указанием на правоотношения. В. Н. Щеглов, в частности, пишет: «Деятельность участников правоотношения не выделяется как отдельная категория в других отраслях советской правовой науки. Нет необходимости выделять ее и в процессуальной теории»¹.

Представляется, что нет оснований выделять действия в качестве предмета регулирования уголовно-процессуального права (как и процессуального права вообще). Всякие общественные отношения реальны лишь постольку, поскольку их участники совершают определенные действия; процессуальные отношения ничем не отличаются от других правовых отношений, хотя содержание процессуальных действий специфично. Иначе говоря, составные элементы любого правоотношения едины, хотя их содержание различно.

В процессуальном отношении, пожалуй, ярче выражена чисто внешняя сторона их правовой сущности. Субъекты уголовно-процессуального отношения являются таковыми лишь потому, что это предусмотрено правом. Они совершают действия лишь постольку, поскольку это предусмотрено уголовно-процессуальным кодексом, определившим границы их должного или возможного поведения. Такая обусловленность действий правовыми рамками в равной степени относится как к государственным органам и их представителям, так и к гражданам.

Тот факт, что действие в уголовном процессе может выступать и как форма жизни правоотношения, и как средство его реализации, и как юридический факт, порождающий иные правоотношения, не ставит его вне правоотношения, над ним или рядом с ним, а лишь подчеркивает динамическую и системную сущность уголовно-процессуальных отношений. Конечно, поскольку в деятельности (действиях) участников процесса выражается качественная сущность правоотношения, внешне действия выступают довольно ярко, заметно, но это отнюдь не означает, что процессуальная деятельность мо-

¹ В. Н. Щеглов, Гражданское процессуальное правоотношение, М., 1966, стр. 51; См. также Н. И. Авдеевко, Механизм и пределы регулирующего воздействия гражданского процессуального права, Л., 1969, стр. 37—38.

жет быть вынесена за пределы урегулированных правом общественных отношений¹.

Стремление рассматривать действия и отношения в качестве составных частей предмета регулирования уголовно-процессуального права столь же неоправданно, как и преувеличение роли действий по сравнению с правоотношениями. Правоотношение и действие связаны между собой не только как форма и содержание, но и как целое и часть (действие). Все сказанное позволяет нам согласиться с В. П. Мозолиным и И. Жеруолисом, которые отрицают возможность самостоятельного существования процессуальных отношений и процессуальных действий и не считают их равнозначными элементами предмета правового регулирования².

Вместе с тем мы не можем согласиться с мнением И. Жеруолиса, считающего, что в качестве предмета правового регулирования могут быть названы либо действия, либо правоотношения³. Если эти явления неравнозначны (а именно так считает И. Жеруолис), стало быть, они не могут не только стоять рядом как однопорядковые, но и заменять друг друга. Кроме того, регулирование отношений и по существу не может быть сведено к регламентации действий. Для того чтобы регулировать отношения, необходимо не только регламентировать допустимые или возможные действия, но и предусмотреть, кто их может или должен совершать, в связи с чем и при каких условиях.

Сказанное, однако, не лишает возможности признать, что действие, будучи ядром, содержанием регулируемого общественного отношения, представляет собой главный элемент правоотношения. Поэтому есть основания согласиться с тем, что «отношение не находится где-то вне или над действующими людьми, но обретает свою реальность в определенных действиях людей», что «общественные отношения, являющиеся предметом правового

¹ На это правильно обратили внимание Н. И. Авдеевко (см. указ. соч., стр. 38—40) и другие представители науки гражданского процессуального права.

² См. В. П. Мозолин, О гражданском процессуальном правоотношении, «Советское государство и право» 1955 г. № 6, стр. 50; И. Жеруолис, Сущность советского гражданского процесса, Вильнюс, 1969, стр. 49.

³ См. И. Жеруолис, указ. соч., стр. 49.

го регулирования, во всех случаях и исключительно являются отношениями действующих людей»¹.

Следует отметить, что взгляд на уголовный процесс как на совокупность общественных отношений, возникающих при расследовании и разрешении уголовных дел, был в свое время высказан С. А. Голунским и М. С. Строговичем². Недостатком этого определения было то, что в нем не показан характер связей, существующих между действиями и отношениями.

Между тем если последовательно исходить из того, что уголовно-процессуальное право регулирует общественные отношения в сфере уголовного судопроизводства, то из этого логически вытекает единственно возможный вывод: *суть уголовного процесса — система уголовно-процессуальных отношений, содержанием которых являются действия их участников*. При таком подходе представляется возможным анализировать содержание и форму уголовного процесса, находящиеся в состоянии внутренней взаимосвязи и взаимообусловленности. Предлагаемый взгляд на сущность уголовного процесса позволяет четче проследить диалектическую связь между процессуальными и материальными отношениями, между уголовным и уголовно-процессуальным правом.

¹ В. Кнапп, По поводу дискуссии в системе права, «Советское государство и право» 1957 г. № 5, стр. 115.

² См. «Труды Военно-юридической академии РККА», вып. II, Ашхабад, 1942, стр. 19; М. С. Строгович, Уголовный процесс, М., 1946, стр. 10.

НОРМЫ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРАВА И ПРАВООТНОШЕНИЯ

§ 1. Нормы уголовно-процессуального права — регулятор общественных отношений

В самом общем виде уголовно-процессуальная норма, как и всякая другая правовая норма, представляет собой не что иное, как правило поведения людей. Критикуя авторов, считающих каждую норму права правилом, но не всегда правилом поведения, А. В. Мицкевич подчеркивает, что слово «правило» не имеет смысла, когда не указан объект приложения правила. Применительно к праву таким объектом может быть только человеческое поведение¹. Сообразно этому каждая норма уголовно-процессуального права в конечном итоге направлена на регулирование поведения государственных органов, должностных лиц, граждан и представителей общественности в сфере уголовного судопроизводства.

Пользуясь выражением С. С. Алексеева, можно сказать, что уголовно-процессуальная норма представляет собой первоначальную, исходную «клеточку» советского социалистического уголовно-процессуального права, из которых слагаются правовые институты и отрасль уголовно-процессуального права². Находясь в соотношении с отраслью права как отдельное и общее, каждая норма составляет «единство общего и единичного, основанное на том, что связывает закономерно всю совокупность норм в исторически определенную систему права»³.

¹ См. А. В. Мицкевич, Акты высших органов советского государства, М., 1967, стр. 32.

² См. С. С. Алексеев, Проблемы теории права, т. I, Свердловск, 1972, стр. 203.

³ Б. В. Шейндлин, Сущность советского права, Л., 1959, стр. 12; см. также «Марксистско-ленинская общая теория государства и права. Социалистическое право», М., 1973, стр. 226.

Нормы уголовно-процессуального права всегда представляют предписания государства в лице его высших органов. Эти предписания (дозволения или запреты) содержатся лишь в нормах закона—общесоюзного или республиканского (ст. 1 Основ, ст. 1 УПК РСФСР), т. е. в нормативных актах, обладающих высшей юридической силой. Как и другие правовые нормы, они носят властный и общеобязательный характер. Общеобязательность уголовно-процессуальных норм состоит в том, что они распространяются на неограниченное количество случаев, однотипных или однородных по своему характеру, что все они рассчитаны на неоднократное применение.

Причем, если в других отраслях права, как считают некоторые авторы, наряду с нормами, обращенными к персонально неопределенным субъектам, могут быть нормы с конкретным, персонифицированным адресом¹, в уголовно-процессуальном праве это исключено; если в иных отраслях права могут быть нормы с абсолютно неопределенным адресом, в уголовно-процессуальном праве норма обычно адресована большей или меньшей группе лиц (прокурорам, следователям, потерпевшим, экспертам, свидетелям и т. п.).

Правила поведения, сформулированные, например, в ст. 53 УПК РСФСР, распространяются на потерпевших, но не распространяются на обвиняемых, свидетелей, специалистов и т. п. При этом предписания ст. 53 УПК РСФСР² распространяются на всех потерпевших от преступления граждан: как на тех, которым уже причинен вред, так и на тех, кому он может быть причинен в будущем. Правила ст. 53 УПК РСФСР адресованы каждому потерпевшему независимо от характера преступления, категории уголовного дела, его подсудности или подследности³.

¹ См. А. В. Мицкевич, указ. соч., стр. 45.

² Здесь и далее при ссылках на статьи УПК РСФСР имеются в виду и соответствующие статьи УПК других союзных республик.

³ Здесь следует, однако, уточнить: по делам так называемого частного обвинения объем прав потерпевшего шире, чем по всем остальным делам (ч. 3 ст. 27, ст. 53 УПК РСФСР). По делам о преступлениях, по которым предварительное следствие не обязательно, потерпевший имеет возможность ознакомиться с материалами дела не по окончании расследования, а после предания обвиняемого суду (ст. ст. 120, 236 УПК РСФСР).

Общеобязательность уголовно-процессуальной нормы, конечно, не означает, что каждая норма распространяется на всех участников процесса по уголовному делу. Вполне обоснованно отстаивая это положение, П. С. Элькин подчеркивает, что своим общеобязательным воздействием нормы уголовно-процессуального права охватывают не всех участников уголовного судопроизводства, а только тех, которых они непосредственно касаются. Вместе с тем нельзя безоговорочно согласиться с автором, когда она утверждает, что правила поведения, например, обвиняемого не распространяются на других участников уголовного судопроизводства¹. Гражданин не может самостоятельно реализовать свои права без участия в этом государственного органа или его представителя (суда, прокурора, следователя, лица, производящего дознание). Именно поэтому правилами ст. 58 УПК РСФСР на суд, прокурора, следователя и лицо, производящее дознание, возложены обязанности разъяснить участвующим в деле лицам их права и обеспечить возможность осуществления этих прав.

Положения, предусмотренные ст. 46 УПК РСФСР, хотя и адресованы непосредственно обвиняемому, имеют также непосредственное отношение к следователю и другим вышеперечисленным государственным органам. Это и понятно, так как субъективные права одного участника (в данном случае обвиняемого) могут быть реализованы лишь в том случае, если им соответствуют обязанности другого участника (например, следователя).

В рассмотренных случаях, как видим, нормы уголовно-процессуального права, содержащиеся в ст.ст. 46 и 53 УПК, действуют неодинаково: в одном случае по прямому адресу², т. е. распространяются непосредственно на лиц, для регулирования поведения которых они созданы; во втором случае адресат определяется с помощью другой нормы, сформулированной в ст. 58 УПК РСФСР.

Предписания, содержащиеся в ст. 58 УПК РСФСР, носят универсальный характер. Воспроизводя правила, содержащиеся в ст. 27 Основ уголовного судопроизводства,

¹ См. П. С. Элькин, Толкование и применение норм уголовно-процессуального права, М., 1967, стр. 11.

² Имеется в виду не конкретный адресат, а адресат, обладающий родовыми признаками (суд, обвиняемый, прокурор).

ства Союза ССР и союзных республик, законодатель РСФСР подчеркнул, что нормы уголовно-процессуального права, посвященные формулированию правового статуса граждан, участвующих в сфере уголовного судопроизводства, носят двусторонний, представительнo-обязывающий характер¹: каждая норма уголовно-процессуального права, представляющая гражданам уголовно-процессуальные права, одновременно возлагает на государственные органы (суд, прокурора, следователя, лицо, производящее дознание) юридические обязанности.

Было бы, однако, неправильно считать, что в уголовно-процессуальном праве «дополнительный адрес» (т. е. адрес, не обозначенный в самой норме) имеют лишь нормы, которые направлены на регулирование правового положения граждан. Есть нормы, основным и дополнительным адресатом которых являются государственные органы. Например, ст. 329 УПК РСФСР установлено, что в случае пропуска срока на обжалование или опротестование приговора по уважительным причинам лица, имеющие право на подачу кассационной жалобы или протеста, могут ходатайствовать перед судом, постановившим приговор, о восстановлении пропущенного срока. Как видим, рассмотрение вопроса о восстановлении пропущенного срока — обязанность суда первой инстанции. Наряду с этим законом (ч. 2 ст. 329 УПК РСФСР) установлено, что определение суда об отказе в восстановлении пропущенного срока может быть обжаловано или опротестовано в общем порядке в вышестоящий суд, который вправе восстановить пропущенный срок и рассмотреть дело по жалобе или протесту по существу. Из предписаний, содержащихся в чч. 1 и 2 ст. 329 УПК РСФСР, вытекает, что, если ходатайство о восстановлении пропущенного срока на обжалование поступило в вышестоящий суд, он обязан направить его для рассмотрения в суд, вынесший приговор.

Другой пример. Устанавливая, что приговор подлежит отмене, если дело рассмотрено без участия защит-

¹ О представительнo-обязывающем характере юридических норм см. А. Ф. Шебанов, Нормы советского социалистического права, М., 1956, стр. 42; П. Е. Недбайло, Применение советских правовых норм, М., 1960, стр. 76—77; С. С. Алексеев, указ. соч., стр. 216—217, и др.

ника в тех случаях, когда по закону его участие обязательно (п. 4 ч. 2 ст. 345 УПК РСФСР), законодатель прежде всего адресует это правило суду кассационной инстанции. Однако дополнительными адресатами являются прокурор, защитник и другие лица, имеющие право на кассационное обжалование приговора.

Кроме того, суд первой инстанции и следователь должны знать, что закон признает настолько существенным нарушение закона об обязательном участии защитника на предварительном следствии и в суде, что это всегда вызывает неблагоприятные последствия — отмену приговора с направлением дела на новое рассмотрение со стадии предварительного следствия или судебного разбирательства (в зависимости от того, в какой стадии нарушен закон)¹. Как видим, в последнем примере норма обращена не только к вышестоящим судам, которым она непосредственно адресована, но и к гражданам, их защитникам и представителям, а также к государственным органам (суду первой инстанции, следователю, прокурору).

Как представляется, для уголовно-процессуального права характерно наличие сложных норм, в которых регламентируются правила поведения различных групп (видов, разновидностей) участников судопроизводства. Например, в ст. 245 УПК РСФСР сказано, что в судебном разбирательстве равными правами по представлению доказательств, участию в исследовании доказательств и заявлению ходатайств пользуются обвинитель, подсудимый, защитник, а также потерпевший, гражданский истец, гражданский ответчик и их представители. К аналогичным нормам можно отнести правила, содержащиеся в ч. 1 ст. 61, ч. 3 ст. 63, ч. 2 ст. 64, ч. 2 ст. 66, ч. 1 ст. 276, ч. 1 ст. 294 и некоторых других статьях УПК РСФСР.

Закону присущи такие свойства, как регулирование общественных отношений², абстрактность³ всеобщность⁴,

¹ См. «Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР. 1924—1973», М., 1974, стр. 319; «Бюллетень Верховного Суда РСФСР» 1968 г. № 4, стр. 10; 1973 г. № 8, стр. 11—12.

² См. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 1, стр. 499; т. 2, стр. 411.

³ См. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 2, стр. 197; В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 29, стр. 36.

⁴ См. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 3, стр. 336—337.

общее установление¹. Несомненно, все эти свойства при-
сущи и уголовно-процессуальным нормам.

Общий, абстрактный характер нормы права (закона) вытекает, по мнению И. С. Самощенко, из того, что норма права — регулятор общественных отношений. «Она потому и обща, абстрактна, что образует меру, масштаб, правило для развития общественных отношений, взятых с какой-то одной стороны, в той или иной плоскости, без учета всех других сторон этих отношений, а тем более индивидуальных черт и особенностей каждого из них»².

Сказанное не дает оснований признать обоснованным утверждение, согласно которому уголовно-процессуальная норма определяет правила поведения участников процесса применительно к индивидуально определенной процессуальной ситуации³.

По-видимому, было бы точнее сказать, что абстрактные предписания норм права воплощаются в конкретных (или индивидуальных) правоотношениях, так как здесь речь может идти о применении общей нормы к конкретному факту. Акт применения нормы права тем и отличается от нормы права, что он рассчитан на индивидуально определенный случай, тогда как норма права как государственно-волевой, общеобязательный регулятор общественных отношений имеет своим предметом не конкретные отношения, а определенный вид их, не конкретный случай, а определенный вид случаев, целый ряд общественных отношений определенного вида⁴. Р. О. Халфина правильно считает, что норма права — это правило, основанное на глубоко обобщенном познании сущности явлений; а правоотношение — это реальное явление, отражающее жизнь⁵.

Непременным условием существования уголовно-процессуальной нормы является ее формальная определен-

¹ См. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 3, стр. 63.

² См. «Теоретические вопросы систематизации советского законодательства», М., 1962, стр. 47.

³ См. Л. Б. Зусь, Субъекты применения норм уголовно-процессуального права, «Ученые записки Дальневосточного государственного университета», вып. 41, Владивосток, 1970, стр. 126.

⁴ См. «Теоретические вопросы систематизации советского законодательства», М., 1962, стр. 48, 58, 60; А. Ф. Шебанов, указ. соч., стр. 10.

⁵ См. Р. О. Халфина, Норма и правоотношение, «Проблемы государства и права на современном этапе», вып. 5, М., 1972, стр. 11.

ность, состоящая в точном формулировании правового положения участников уголовного процесса, их прав и обязанностей. Норма не может быть признана правовой, если она не отвечает этим требованиям. Между тем в уголовно-процессуальном праве имеется немало норм, содержащих формулировку задач уголовного судопроизводства, отдельных юридических понятий и терминов, принципов процесса, подсудности, последственности и т. п. (ст. ст. 2, 3, 11—20, 26, 34—35, 125, 126, 240, 241, 374 УПК РСФСР).

В литературе была высказана мысль, что подобного рода нормы не содержат правил поведения¹. Есть основания согласиться с тем, что не всякая норма уголовно-процессуального права — правило поведения. В принципе допуская возможность существования подобных норм, С. С. Алексеев их наличие объясняет тем, что в результате специализации права наряду с основной массой норм, имеющих представительно-обязывающий характер, сложились также правоохранные и специализированные нормы, которые не обладают отмеченной выше чертой (нормы, содержащие определения юридических категорий; нормы, закрепляющие отдельные элементы регулируемых отношений, и др.)².

Иную позицию занимают В. И. Каминская и П. С. Элькинд, считающие, что все уголовно-процессуальные нормы содержат правила поведения³. При этом в основе их позиции лежит такой довод: поскольку положение включено в уголовно-процессуальный закон, постольку оно становится правилом.

Совершенно очевидно, что это не ответ на поставленный вопрос, так как его нужно доказать, а этого авторы не сделали. Во-первых, не каждое положение, включен-

¹ См. О. С. Иоффе, М. Д. Шаргородский, Вопросы теории права, М., 1961, стр. 141.

² «Специализированные нормы, — считает С. С. Алексеев, — в отличие от регулятивных и охранительных носят дополнительный характер. Они не являются самостоятельной нормативной основой для возникновения правоотношений. При регламентировании общественных отношений они как бы присоединяются к регулятивным и правоохранным, образуя в сочетании с ними единый регулятор» (С. С. Алексеев, указ. соч., стр. 241, 217).

³ См. «Демократические основы советского социалистического правосудия», М., 1965, стр. 127—128; П. С. Элькинд, указ. работа, стр. 7—9.

ное в уголовно-процессуальный закон, автоматически трансформируется в уголовно-процессуальное правило. Хорошо известно, что даже при такой высшей форме систематизации законодательства, какой является кодификация, в кодифицированный акт «падают» по тем или другим причинам (в основном субъективного порядка) нормы из других отраслей права. Например, ч. 2 ст. 360 УПК РСФСР установлено, что после вступления в законную силу приговора, которым осужденный, содержащийся под стражей, приговорен к лишению свободы или ссылке, администрация места заключения обязана поставить в известность семью осужденного о том, куда он направляется для отбывания наказания. Совершенно очевидно, что данное нормативное предписание не направлено на регулирование процессуальных отношений. Таким образом, хотя правила, изложенные в ч. 2 ст. 360 УПК РСФСР, помещены в уголовно-процессуальном законе, норма эта не имеет отношения к уголовно-процессуальному праву. Больше того, даже те нормы, которые имеют отношение к сфере уголовного судопроизводства, не всегда непосредственно содержат процессуальные дозволения или запреты.

Определение в УПК РСФСР таких понятий, как «обвиняемый» (ч. 1 ст. 46), «потерпевший» (ч. 1 ст. 53), «прокурор» (п. 6 ст. 34), «начальник следственного отдела» (п. 6а ст. 34), «законные представители» (п. 8 ст. 34), «доказательства» (ч. 1 ст. 69) и т. п., имеет важное юридическое, точнее уголовно-процессуальное, значение. Но в этих нормах нет ни дозволений, ни запретов, ни управомочивающих моментов.

В. И. Каминская признает, что наиболее распространенным является деление правовых норм на запрещающие, обязывающие и управомочивающие¹. Более того, она считает данную группировку вполне приемлемой и даже важной для классификации уголовно-процессуальных норм в их общепринятом понимании — как правил поведения.

Но если норма не входит ни в одну из приведенных групп, стало быть, в ней не содержатся правила поведения; сама по себе она не может выполнять функцию

¹ См. «Демократические основы советского социалистического правосудия», М., 1965, стр. 120—122.

регулятора общественных отношений. Этим самым мы, однако, не отвергаем регулятивной роли таких норм вообще (определение понятия обвиняемого (ст. 46) обеспечивает его своевременное вступление в правовые отношения со следователем, прокурором, лицом, производящим дознание). Напротив, как показывает практика, когда в законе отсутствует четкое определение понятия того или другого субъекта права, это приводит к ошибочному истолкованию и применению правовых предписаний. Например, по данным В. А. Здриковского и П. И. Соловья, то, что в законе четко не определено понятие «понятой» и не указаны обстоятельства, исключющие его участие, привело к тому, что среди практических работников нет четкого представления о том, кто может быть понятым. Из числа опрошенных оперативных работников и следователей только один достаточно полно перечислил те свойства, которыми должен обладать гражданин, приглашенный для участия в уголовном процессе в качестве понятого. Весьма значительный разницей наблюдается и в ответах на вопрос о том, кто не может быть понятым. Вот почему заслуживает внимания предложение названных авторов дать в УПК РСФСР четкое определение «понятой», перечислив (по примеру УПК других союзных республик¹) обстоятельства, препятствующие лицу участвовать при производстве предварительного расследования в качестве понятого².

Полнота и точность в определении понятия субъекта права — необходимая предпосылка реализации установленных в УПК правил поведения. Например, лишь наличие четкого определения понятия «начальник следственного отдела» (п. 6а ст. 34 УПК РСФСР) позволяет установить исчерпывающий круг лиц, наделенных правами, обозначенными в ст. 127¹ УПК РСФСР. Было бы ошибкой отрицать значение этих и подобных юридических положений для возникновения и развития правовых отношений в уголовном процессе, хотя нормы, в которых содержатся приведенные определения или разъяснения, непосредственно не регулируют поведение субъектов.

¹ См. ст. 126 УПК Киргизской ССР, ст. 138 УПК Латвийской ССР, ст. 144 УПК Туркменской ССР.

² См. В. А. Здриковский, П. И. Соловей, Участие понятого в стадии предварительного расследования, «Труды Омской высшей школы милиции МВД СССР», вып. 12, Омск, 1972, стр. 71.

Они воздействуют на объект не непосредственно, а через другие нормы, которые предусматривают правила поведения. Иными словами, рассматриваемые нормы действуют в совокупности с другими нормами¹.

Аналогично воздействуют на общественные отношения уголовно-процессуальные нормы, формулирующие задачи суда, органов расследования и прокурора, вопросы подследственности или подсудности, компетенцию различных звеньев судебной системы и т. п.

В связи с рассмотрением и анализом норм уголовно-процессуального права, не содержащих правил поведения, следует иметь в виду и отличать общие принципы права, общие задачи, особый характер их нормативности в отличие от норм права, нормативность (т. е. обязательность) которых состоит в определении правил поведения (прав и обязанностей) участников общественных отношений². Видимо, это не вполне учитывается отдельными авторами, когда они пытаются усмотреть в каждой уголовно-процессуальной норме правило поведения.

Поэтому целесообразно специально проанализировать значение принципов уголовного процесса для регулирования общественных отношений при возбуждении, расследовании и судебном рассмотрении уголовных дел.

Как известно, принципами советского уголовного процесса признаются такие положения, которые имеют основополагающее значение, на которых строится уголовный процесс. В науке уголовного процесса большинство ученых признают принципами лишь такие основополагающие, руководящие уголовно-процессуальные идеи, которые закреплены в правовых нормах³. Принципы советского уголовного процесса имеют определяющее значение для всей системы процессуальных форм и ин-

¹ См. «Теоретические вопросы систематизации советского законодательства», М., 1962, стр. 68; «Общая теория советского права», М., 1966, стр. 184—185; С. С. Алексеев, указ. соч., стр. 217.

² См. «Марксистско-ленинская общая теория государства и права. Социалистическое право», М., 1973, стр. 233—236.

³ См. Н. Н. Полянский, Вопросы теории советского уголовного процесса, М., 1956, стр. 84; М. Л. Якуб, Демократические основы советского уголовно-процессуального права, М., 1960, стр. 26—27; Т. П. Добровольская, Принципы советского уголовного процесса, М., 1971, стр. 9—11; «Советский уголовный процесс. Часть Общая» под ред. Б. А. Викторова и В. Е. Чугунова, М., 1973, стр. 77.

ституты, отражают наиболее существенные свойства советского уголовного процесса¹.

Принципы уголовного процесса получили нормативное закрепление в Конституции СССР, в Основах уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик, а также в республиканских уголовно-процессуальных кодексах.

В интересной монографии А. В. Мицкевича, посвященной теории нормативных актов высших органов Советского государства, отмечается различие во взглядах советских ученых на природу правовых принципов: одни ученые рассматривают принципы права как разновидность наиболее общих по своему содержанию правовых норм, которые получают затем развитие в конкретных нормах текущего законодательства; другие, признавая нормативный характер принципов, подчеркивают, что они непосредственно не регулируют общественных отношений, не формулируют правил поведения и потому отличаются от статей, устанавливающих эти последние; третьи рассматривают статьи, содержащие принципы советского права, как базу для создания иных юридических норм, подчеркивая, что они содержат определенные требования, элементы, характерные для норм права².

Применительно к уголовно-процессуальному праву, с учетом специфики конструирования системы уголовно-процессуальных норм лишь в известной степени представляется приемлемой последняя точка зрения³. В уголовно-процессуальном праве есть нормы, в которых содержатся положения, формулирующие сущность принципа и в то же время предписывающие правила поведения участников процесса. К числу таких норм можно отнести предписания ст. 18 УПК РСФСР, в которой гласность судебного разбирательства определяется как открытое разбирательство дел во всех судах. Одновременно устанавливается, что судебное разбирательство должно быть закрытым, когда открытое рассмотрение дела про-

¹ См. М. С. Строгович, Курс советского уголовного процесса, т. 1, М., 1968, стр. 124.

² См. А. В. Мицкевич, Акты высших органов советского государства, М., 1967, стр. 144. При этом мы оставляем в стороне некоторую неточность терминологии, допускаемую авторами изложенных взглядов.

³ См. О. С. Иоффе, М. Д. Шаргородский, Вопросы теории права, М., 1961, стр. 155—156.

тиворечит интересам охраны государственной тайны. Кроме того, закрытое заседание допускается по мотивированному определению суда по делам о преступлениях лиц, не достигших 16-летнего возраста, по делам о половых преступлениях, а также по другим делам в целях предотвращения разглашения сведений об интимных сторонах жизни участвующих в деле лиц. При этом приговоры судов во всех случаях провозглашаются публично.

Можно привести и другие нормы, в которых формулировка принципа сочетается с правилами поведения.

Однако такое построение норм уголовно-процессуального права нельзя считать типичным. Чаще принципы, как наиболее общие нормы, не формулируют всех сторон деятельности исполнителей закона. В этом мы вполне солидарны с А. В. Мицкевичем, который отмечает, что принципы «представляют *особую категорию норм права*, отражающих такие стороны правового регулирования общественных отношений социалистического общества, которые являются общими для всего советского права или для его отдельных отраслей. Они должны пронизывать собой содержание каждой нормы данной отрасли или института советского права. Но в отличие от других общих положений законодательства формулирование принципов права ведет к созданию особых норм, получающих относительную самостоятельность в правовой системе»¹.

Обратимся к конкретному примеру. Статья 19 УПК РСФСР, формулируя принцип обеспечения обвиняемому права на защиту, указывает, что: а) обвиняемый имеет право на защиту; б) суд, прокурор, следователь и лицо, производящее дознание, обязаны обеспечить обвиняемому возможность защищаться установленными законом средствами и способами от предъявленного ему обвинения и обеспечить охрану его личных и имущественных прав. Совершенно очевидно, что если бы законодатель ограничился лишь данной нормой, то высказанные в ней положения остались бы лишь добрыми пожеланиями, которые невозможно выполнить. В ст. 19 не указаны ни субъективные права, которые предоставляются обвиняемому, ни юридические обязанности, которые возлагают-

¹ А. В. Мицкевич, указ. соч., стр. 145.

ся в связи с этим на государственные органы. Поэтому принцип обеспечения обвиняемому права на защиту развит и конкретизирован в ст.ст. 46—51 УПК РСФСР, а также в многочисленных статьях УПК, регулирующих общественные отношения при производстве по делу в различных стадиях уголовного процесса (ст.ст. 148, 149, 151, 152, 185, 193, 201, 202, 204, 236, 237, 245—247, 273, 295—298, 325, 327, 336—337 и др. УПК РСФСР).

Сказанное подтверждает обоснованность выдвинутого в науке положения о том, что: а) принципы обычно применяются лишь опосредствованно — через иные правовые предписания (нормы поведения), в совокупности с которыми принципы приобретают все структурные качества правовых норм; б) принципы определяют лишь направление правового регулирования всего комплекса возникающих в данной области общественных отношений и именно в этом качестве выступают как правила поведения¹.

Нормы уголовно-процессуального права (императивные и диспозитивные; запрещающие, обязывающие и управомочивающие; абсолютно определенные и относительно определенные²) воздействуют на общественные отношения, возникающие в сфере судопроизводства, путем регламентации всего процесса производства по уголовному делу. В этих целях нормы уголовно-процессуального права определяют: круг возможных субъектов уголовно-процессуальных отношений; перечень обстоятельств, исключающих участие граждан в качестве тех или других субъектов уголовного процесса (судей, прокуроров, следователей, лиц, производящих дознание, экспертов, специалистов, свидетелей); объем и пределы прав каждого субъекта уголовно-процессуального права; содержание их юридических обязанностей; гарантии прав участников уголовного судопроизводства.

В нормах уголовно-процессуального права сформулированы юридические факты, от которых зависит возникновение, изменение, развитие и прекращение правоотношений. Уголовно-процессуальные нормы устанавливают перечень обстоятельств, подлежащих доказыванию по делу; средства и способы их доказывания; определяют

¹ См. А. В. Мицкевич, указ. работа, стр. 145.

² О классификации норм см. «Демократические основы советского социалистического правосудия», М., 1965, стр. 120—128; С. С. Алексеев, указ. соч., стр. 233—250.

круг действий и решений, которые допускается проводить или принимать при возбуждении, расследовании и судебном рассмотрении дел, а также порядок, содержание, последовательность и сроки проведения процессуальных действий.

Эти, как и другие, нормативные средства обеспечивают эффективное регулирование общественных отношений в области уголовного судопроизводства и их реализацию. Достижение задач, поставленных законом перед уголовным судопроизводством (ст. 2 Основ, ст. 2 УПК РСФСР), предопределяет установление и реализацию уголовно-правовых отношений с последующим приведением в действие механизма уголовной ответственности в отношении лиц, совершивших преступление. Это означает реализацию норм уголовного права, т. е. достижение тех материальных целей, без которых уголовный процесс и вся система норм, приводящая его в движение, потеряли бы всякий юридический смысл.

§ 2. Применение уголовно-процессуальной нормы — основная форма реализации ее предписаний в правоотношении

В юридической литературе есть попытки рассматривать уголовно-процессуальные нормы преимущественно как нормы правоохранные. При этом не без оснований отмечается, что они предназначены для регламентации отношений, складывающихся в результате специфической правоприменительной деятельности, когда уполномоченные субъекты осуществляют расследование, судебное рассмотрение и разрешение уголовных дел¹.

Обоснованность сказанного находит подтверждение, например, в предписаниях ст. 2 Основ законодательства о судостроительстве Союза ССР, союзных и автономных республик, согласно которой правосудие в СССР призвано охранять от всяких посягательств: а) закрепленный Конституцией СССР и конституциями союзных и автономных республик общественный и государственный строй Союза ССР, социалистическую систему хозяйства и социалистическую собственность; б) политические, трудо-

¹ См. В. М. Горшенев, Разновидности процессуальных норм в советском праве, «Правоведение» 1969 г. № 2, стр. 26.

вые, жилищные и другие личные и имущественные права и интересы граждан СССР, гарантированные Конституцией СССР и конституциями союзных и автономных республик; в) права и охраняемые законом интересы государственных учреждений, предприятий, колхозов, кооперативных и иных общественных организаций. Названные в ст. 2 Основ законодательства о судостроительстве цели правосудия вполне согласуются с задачами уголовного судопроизводства, указанными в ст. 2 Основ уголовного судопроизводства.

Однако о правоохранительных нормах уголовно-процессуального права необходимо вести речь прежде всего и главным образом тогда, когда уголовно-процессуальное право, равно как и уголовное судопроизводство с присущими ему общественными отношениями, изучается и сопоставляется с другими общественными отношениями. Именно в связи с этим закон исходит из того, что уголовное судопроизводство должно способствовать укреплению социалистической законности, предупреждению и искоренению преступлений, воспитанию граждан в духе неуклонного исполнения советских законов и уважения правил социалистического общежития (ст. 2 Основ уголовного судопроизводства, ст. 2 УПК РСФСР).

Между тем исследование уголовного процесса, как и уголовно-процессуального права, возможно не только по отношению к другим социальным явлениям — политике, экономике и др. Изучение уголовно-процессуального права может быть обращено и вовнутрь уголовного судопроизводства как самостоятельного социального явления с присущими ему внешними и внутренними формами и содержанием¹. При таком подходе к изучению норм уголовно-процессуального права необходимо отметить их регулятивный характер, поскольку они направлены на регламентирование общественных отношений в сфере уголовного судопроизводства путем предоставления участникам этих общественных отношений прав и возложения на них юридических обязанностей².

Только при выполнении нормами уголовно-процессуального права регулятивных (правоустановительных)

¹ См. А. Ф. Шебанов, Форма советского права, М., 1968, стр. 14.

² О регулятивных и правоохранительных нормах см. С. С. Алексеев, Проблемы теории права, т. I, Свердловск, 1972, стр. 236—237.

функций могут быть установлены уголовно-правовые отношения вместе с юридическими фактами (преступными деяниями), вызвавшими их возникновение. Установление же уголовных правоотношений предопределяет решение вопроса о возможности и необходимости применения материально-правовых санкций, т. е. приведения в действие механизма уголовной ответственности. Это в свою очередь означает выполнение правоохранительных функций нормами уголовно-процессуального права и органами, их применяющими. Таким образом, хотя создание регулятивных норм в уголовно-процессуальном праве в конечном итоге обусловлено обеспечением выполнения правоохранительных функций уголовного судопроизводства, эффективность их действия предопределяет выполнение уголовно-процессуальным правом правоохранительных задач.

Сообразно тому, что уголовно-процессуальные отношения представляют собой средство установления уголовно-материальных отношений, применение норм процессуального права в конечном итоге связано с применением норм уголовного материального права. Поэтому в процессе применения уголовно-процессуальных норм происходит и применение норм уголовного закона. Субъектом применения норм уголовного права является прежде всего суд, однако это не означает, что уголовно-правовые нормы не применяются до и после вынесения приговора.

Поскольку привлечение к уголовной ответственности, признание виновным, осуждение и наказание составляют исключительную компетенцию государственных органов, указанных в законе, постольку применение норм уголовного права представляет собой предмет деятельности только этих органов. Важнейшим процессуальным актом применения нормы уголовного права является приговор суда — итоговый акт деятельности суда первой инстанции по осуществлению правосудия. Так как никто не может быть признан виновным в совершении преступления и подвергнут уголовному наказанию иначе как по приговору суда (ст. 7 Основ), есть основания утверждать, что применение норм уголовного права — это прежде всего компетенция суда первой инстанции.

Придавая приговору как акту социалистического правосудия важнейшее юридическое значение, уголовно-процессуальный закон исчерпывающим образом регламентирует порядок его вынесения, структуру и содержание.

Больше того, предусматривая круг вопросов, подлежащих разрешению при постановлении приговора, и последовательность их разрешения (ст. 303 УПК РСФСР), законодатель тем самым регламентирует процесс применения норм уголовного права. Однако это не означает, что кроме суда, рассматривающего дело в стадии судебного разбирательства, больше никто не применяет уголовный закон. В стадиях кассационного и надзорного производства суды, проверяя законность и обоснованность приговоров, также применяют нормы уголовного закона (см., например, ст. ст. 339, 340, 342, 346, 347, 350, 379, 380 УПК РСФСР).

Круг субъектов применения норм уголовного права, однако, не может быть сведен только к судам. Нормы уголовного права применяются и органами дознания, и следователем, и прокурором, и судьей, и судом.

Устанавливая в ст. 215 УПК РСФСР право прокурора при утверждении обвинительного заключения применить закон о менее тяжком преступлении, законодатель тем самым подчеркивает, что квалификация преступления — это действие по применению уголовного закона. Следовательно, уголовный закон применяет не только прокурор, изменяющий квалификацию деяния обвиняемого, но и орган дознания, следователь, ранее квалифицировавшие деяние. Вместе с тем характер, порядок, объем, цели и правовые последствия этой деятельности, как правильно подчеркивает В. Н. Кудрявцев, на различных стадиях уголовного процесса различны: если суд при постановлении обвинительного приговора в полном объеме применяет и диспозицию уголовно-правовой нормы, и ее санкцию, то другие органы (лицо, производящее дознание, следователь, прокурор, а также судья или суд в стадии предания суду) применяют лишь диспозицию уголовно-правовой нормы¹. Различный объем применения уголовно-правовых норм вызывает и различные юридические последствия.

Вопрос о применении норм уголовного права возникает уже в стадии возбуждения уголовного дела, поскольку положительное решение вопроса о возбуждении дела находится в прямой зависимости от наличия достаточных данных, указывающих на признаки преступления

¹ См. В. Н. Кудрявцев, Общая теория квалификации преступлений, М., 1972, стр. 19.

(ст. 108 УПК РСФСР). Требование ст. 112 УПК РСФСР указывать в постановлении о возбуждении уголовного дела статьи уголовного закона, по признакам которых возбуждается уголовное дело, означает не что иное, как возложение обязанности на государственный орган, возбуждающий уголовное дело, применить уголовный закон¹.

Законодатель указывает на применение норм уголовного права в предписаниях ст. ст. 6, 7, 8, 9, 144, 154, 205, 211, 213—215, 222 УПК РСФСР и в других процессуальных нормах, регулирующих общественные отношения при производстве по уголовному делу на этапах, предшествующих постановлению приговора.

Применение норм уголовного права при постановлении обвинительного приговора вызывает не только уголовно-правовые последствия — оно представляет сложный юридический факт, вызывающий к жизни ряд уголовно-процессуальных отношений в связи с обжалованием или опротестованием приговора в кассационном порядке и рассмотрением дела в суде второй инстанции. Применение норм уголовного права следователем, лицом, производящим дознание, прокурором, а также судьей (или судом) в стадии предания суду порождает главным образом процессуальные последствия (изменение подсудности или подсудности, возвращение дела на доследование, избрание меры пресечения или ее изменение, различный порядок предания суду, вступление защитника на различных этапах производства по делу и т. п.). Однако применение диспозиции нормы уголовного права имеет и некоторое уголовно-правовое значение, так как означает «предварительную» квалификацию, с которой обязаны считаться и другие государственные органы (например, начальник следственного отдела, прокурор, суд), призванные проверить эту квалификацию на основе доказательственного материала².

Заметим, что применение норм уголовного права невозможно без одновременного применения норм уголовно-процессуального права. Постановление о возбуждении уголовного дела, постановление о привлечении лица в ка-

¹ В. Н. Кудрявцев правильно подчеркнул, что квалификация деяний на этой стадии процесса носит предположительный характер (см. В. Н. Кудрявцев, указ. соч., стр. 227).

² См. В. Н. Кудрявцев, указ. соч., стр. 19—20.

честве обвиняемого, обвинительный приговор, кассационное определение и т. п.— это не только акты применения норм уголовного права, но и акты применения норм уголовно-процессуального права, представляющие итог функционирования общественных отношений в той или иной стадии уголовного судопроизводства и одновременно являющиеся юридическими фактами, с которыми связано возникновение, изменение, развитие и прекращение уголовно-процессуальных отношений.

Именно в результате применения норм уголовного и уголовно-процессуального права возникают, изменяются, развиваются и прекращаются уголовно-процессуальные отношения (в частности, отношение между органом государства и обвиняемым).

Акты одновременного применения норм уголовного и уголовно-процессуального права имеют ключевое значение, так как с ними связано возникновение не одного, а нескольких уголовно-процессуальных правоотношений¹. Иначе говоря, применение в подобных случаях определенной нормы права к конкретной правовой ситуации в силу взаимозависимости правовых норм должно служить рычагом, приводящим в движение другие нормы права, имеющие отношение к данной ситуации².

Охранять социалистические общественные отношения, пишет П. С. Дагель, от наиболее опасных нарушений нормы уголовного права могут лишь путем их применения в уголовно-процессуальной деятельности: процессуальные нормы, регулирующие принудительное осуществление материально-правовых санкций, служат, с одной стороны, обеспечением исполнимости, реальности этих санкций, а с другой — гарантией прав личности. Именно поэтому форма уголовного процесса характеризует политический режим государства, степень развития демократии и обеспечения прав личности³.

¹ См. «Советский уголовный процесс. Часть Общая», М., 1973, стр. 66—67; В. П. Божьев, Е. А. Фролов, Уголовно-правовые и процессуальные отношения, «Советское государство и право» 1974 г. № 1, стр. 94.

² См. В. А. Кириин, Функциональные связи правовых норм, «Советское государство и право» 1972 г. № 5, стр. 38.

³ См. П. С. Дагель, Взаимодействие уголовного материального и процессуального права в регулировании общественных отношений, «Правоведение» 1972 г. № 2, стр. 85; С. С. Алексеев, Социальная ценность права в социалистическом обществе, М., 1971, стр. 123.

В рассмотренных случаях, когда происходит одновременное применение норм уголовного материального и процессуального права, исключительными субъектами применения правовых норм являются государственные органы (суд, следователь, орган дознания и т. п.). Значит ли это, что правоотношения в сфере уголовного судопроизводства — результат применения норм права лишь государственными органами? Ответ на этот вопрос требует разрешения других тесно связанных с ним вопросов.

Среди норм уголовно-процессуального права немало таких, которые прямо обращены к гражданам, их представителям, представителям общественных организаций. Наиболее ярко это выражено в предписаниях статей, регулирующих права и обязанности участников процесса (см., например, ч. 2 ст. 46, ч. 2 ст. 52, чч. 2 и 3 ст. 53, чч. 2 и 3 ст. 54, ч. 2 ст. 55, чч. 2 и 3 ст. 250 УПК РСФСР). Между тем нормы (обязывающие либо управомочивающие) не всегда могут быть реализованы теми субъектами, которым они адресованы. Поэтому как в общесоюзном (ст. 27 Основ), так и в республиканском (ст. 58 УПК РСФСР) уголовно-процессуальных законах содержатся категорические предписания: суд, прокурор, следователь и лицо, производящее дознание, обязаны разъяснить участвующим в деле лицам их права и обеспечить возможность осуществления этих прав.

Государственные органы, в обязанность которых входит выполнение подобных предписаний, именуются правоприменительными органами. Эти органы, осуществляя свои функции, не создают права ни в объективном, ни в субъективном смысле. Они устанавливают на основе действующих нормативных актов наличие субъективных прав и обязанностей; а при наличии спора — их объем и пределы, определяют момент возникновения и время действия субъективных прав и обязанностей; обеспечивают процессуальный контроль и надзор (прокурорский, судебный) за обеспечением прав участвующих в деле лиц¹.

Уголовно-процессуальная норма реализуется в правоотношении прежде всего и раньше всего вследствие применения норм уголовно-процессуального права. Но при-

¹ См. В. В. Лазарев, Применение советского права, Казань, 1972, стр. 29.

менение их следует ограничивать от иных форм реализации уголовно-процессуальных норм. Обращая на это внимание, П. Е. Недбайло отмечал, что применением правовых норм является лишь такая правомерная деятельность, которая сопряжена с организацией осуществления правовых норм в правоотношениях и воздействием на обязанных лиц в этих отношениях¹. При согласии с этой позицией нельзя не признать властность как свойство субъекта, применяющего правовую норму², так как акт применения права всегда содержит властное веление специально уполномоченного на то органа государства, выражающего его направляющую и решающую роль в ходе и исходе уголовного процесса³.

Применение нормы уголовно-процессуального права— это всегда правомерные действия либо следователя, либо лица, производящего дознание, либо прокурора, либо суда. Именно поэтому к ним с полным основанием могут быть отнесены слова Л. И. Брежнева о всеобщей обязательности советского закона, о том, что «его должны исполнять все без исключения, независимо от положения, чина и ранга»⁴. «Любые попытки отступления от закона или обхода его, чем бы они ни мотивировались, терпимы быть не могут»⁵.

Считая властное начало при применении норм уголовно-процессуального права проявлением принципа публичности, мы не можем согласиться с теми учеными, которые считают возможным применять уголовно-процессуальную норму при отсутствии властного начала⁶.

В процессе производства по уголовному делу граждане (обвиняемые, потерпевшие, свидетели, переводчики) реализуют свои процессуальные права и обязанности. Однако не всякая реализация нормы есть ее применение.

¹ См. П. Е. Недбайло, Применение советских правовых норм, М., 1960, стр. 137.

² См. В. В. Лазарев, указ. соч., стр. 32—33.

³ См. В. С. Элькинд, Толкование и применение норм уголовно-процессуального права, М., 1967, стр. 148.

⁴ Л. И. Брежнев, Ленинским курсом, т. 3, М., 1972, стр. 49.

⁵ «Материалы XXIV съезда КПСС», М., 1971, стр. 81.

⁶ См. Л. Б. Зусь, Субъекты применения норм уголовно-процессуального права, «Ученые записки Дальневосточного государственного университета», вып. 41 (серия юридическая), Владивосток, 1970, стр. 127—129; И. Б. Пономарев, Обвиняемый в стадии предварительного расследования, Автореферат канд. дисс., М., 1971, стр. 9—10.

Соблюдение правовых установлений, исполнение обязанностей и использование предоставленных прав основываются на том, что субъект соотнобразовывает собственные действия и поступки с нормами права; это относится не только к органам государства и должностным лицам, но и к гражданам¹.

Применение же уголовно-процессуальной нормы всегда содержит обращенное к участникам уголовного процесса властное веление органов государства, выражающее их направляющую роль в ходе расследования или судебного рассмотрения дела². Эта форма реализации нормы права всегда внешне выражена в каких-либо процессуальных актах, хотя применение нормы уголовно-процессуального права нельзя свести лишь к принятию решения. Доказывание фактических обстоятельств дела, как и вообще вся деятельность суда, судьи, прокурора, следователя, органа дознания, предшествующая принятию процессуального решения, регламентирована нормами уголовно-процессуального права. Поэтому применением норм уголовно-процессуального права является не только само решение, но и процесс установления фактических обстоятельств дела³, а равно и вообще вся деятельность названных органов власти, предшествующая принятию решения и направленная на реализацию последнего.

Допуская возможность применения уголовно-процессуальных норм гражданами и общественными организациями, авторы, помимо прочих моментов, не дают надлежащей оценки тому факту, что для признания, привлечения или допуска названных лиц в уголовный процесс (отчего зависят сам факт реализации субъективных прав и момент его наступления) необходим акт применения нормы прав представителями власти. Без такого правоприменительного акта немислима реализация гражданами их процессуальных прав.

¹ См. «Общая теория советского права» под ред. С. Н. Братуся и И. С. Самощенко, М., 1966, стр. 263.

² См. С. С. Алексеев, Механизм правового регулирования в социалистическом государстве, М., 1966, стр. 94; П. С. Элькинд, Толкование и применение норм уголовно-процессуального права, М., 1967, стр. 148, 154.

³ См. П. А. Лупинская, Законность и обоснованность решений в уголовном судопроизводстве, М., 1972, стр. 16.

Чрезмерно широкое понимание применения права вызвано, на наш взгляд, недооценкой таких форм реализации уголовно-процессуального права, как соблюдение, исполнение и использование норм права.

Соблюдение правовых предписаний — наиболее пассивная форма реализации норм права. В сфере уголовного судопроизводства такая форма реализации права имеет место, например, при выполнении обвиняемым обязанностей, обусловленных избранием в отношении него меры пресечения. В частности, при избрании меры пресечения в виде подписки о невыезде от обвиняемого отбирается обязательство не отлучаться с места жительства или временного нахождения без разрешения соответственно лица, производящего дознание, следователя, прокурора, суда (ст. 93 УПК РСФСР). Правомерное поведение обвиняемого состоит в соблюдении данного обязательства, представляющего собою не что иное, как правовой запрет. Обязанность обвиняемого состоит лишь в том, чтобы воздерживаться от совершения действий, которые бы вызвали невыполнение данного обязательства. Несоблюдение подписки о невыезде — правонарушение, которое может вызвать применение санкции в виде более строгой меры пресечения.

Заметим, что соблюдение нормы права как форма ее реализации сочетается с ее применением, так как избрав меру пресечения, следователь или суд применили тем самым норму права. Таким образом, постановление (определение) об избрании меры пресечения как юридический факт порождает со стороны обязанного лица соблюдение нормы права. Если же обвиняемый не соблюдает предписанных нормой правил поведения, это расценивается как правонарушение, вызывающее применение санкции нормы. Само по себе соблюдение правовой нормы не порождает новых уголовно-процессуальных правоотношений¹, оно лишь выражает реальность, наличие возникшего общественного отношения.

Исполнение правового предписания (в отличие от соблюдения) предполагает активное действие. При этом исполнение правового предписания, как и его соблюдение, не вызывает новых правоотношений. Например, представление гражданским истцом по требованию суда имеющихся в его распоряжении документов, связанных

¹ См. П. С. Элькинц, указ. соч., стр. 147.

с предъявленным иском (ч. 3 ст. 54 УПК РСФСР), является исполнением нормы при реализации существующего отношения между судом и гражданским истцом.

Использование права является также одной из форм реализации нормы права. В отличие от вышеназванных форм реализации норм (соблюдения, исполнения) при использовании права субъект может сам выбрать вариант поведения¹. Например, право обвиняемого иметь защитника с момента, предусмотренного ст. 47 УПК РСФСР, означает, что обвиняемый может этим правом воспользоваться своевременно, может не воспользоваться, может прибегнуть к помощи защитника на более позднем этапе (не на предварительном следствии, а в судебном разбирательстве либо в стадии кассационного производства). Аналогичный характер носит большинство правовых норм, наделяющих участников уголовного процесса процессуальными правами (ст.ст. 46, 52, 53, 65, 250 и др.). Поскольку праву одного участника процесса всегда соответствует обязанность другого, использование права (например, права обвиняемого на ознакомление с материалами дела по окончании предварительного следствия) означает одновременно обязанность государственного органа, должностного лица (следователя) обеспечить реализацию права участника процесса. Подобные правовые явления возникают при использовании любого права каждым участником процесса. Иными словами, использование прав всегда вызывает возникновение новых уголовно-процессуальных правоотношений.

Все это позволяет признать не вполне точной позицию П. С. Элькинд, которая, не усматривая различий между исполнением и использованием права, полагает, что исполнение правовых норм иногда вызывает к жизни правоотношения или влечет изменение уже сложившихся правоотношений². С нашей точки зрения, использование права всегда вызывает возникновение правоотношений, а исполнение и соблюдение права не порождает правоотношений, а, наоборот, возможно только в связи и на основе существующих правовых отношений. Когда возникновение уголовно-процессуального правоотношения связано с использованием права, самый факт возникновения или изменения правоотношения должен быть опосредст-

¹ См. В. В. Лазарев, указ. соч., стр. 10.

² См. П. С. Элькинд, указ. соч., стр. 147.

вован компетентным органом государства (следователем, лицом, производящим дознание, прокурором, судом), т. е. опять-таки применением соответствующей правовой нормы¹.

Таким образом, применение нормы уголовно-процессуального права властным органом государства представляет основную форму реализации норм уголовно-процессуального права. Причем, во-первых, как отмечено выше, эта форма не является единственной; во-вторых, признание применения нормы права важнейшей формой ее реализации не означает, что основой уголовного процесса служат односторонние властные полномочия соответствующих должностных лиц².

Выделение применения нормы в особую форму реализации права не должно ослаблять внимания к другим формам, так как и в них протекает процесс реализации нормы³.

В иных формах происходит реализация норм уголовно-процессуального права до их применения государственным органом. Например, с применением предписаний ст. 143 УПК РСФСР следователем в уголовном судопроизводстве появляется обвиняемый, один из главных участников процесса, которому следователь обязан разъяснить его права (ст. 149 УПК РСФСР). Зная свои права, обвиняемый может заявить ходатайства о проведении дополнительных следственных действий, истребовании дополнительных материалов, прекращении дела производством. Использование обвиняемым своих прав, таким образом, является итогом применения следователем нормы права и в то же время предшествует применению нормы права в связи с заявленным ходатайством.

П. Е. Недбайло обоснованно усматривает специфическое место процессуальных норм в системе правовых гарантий именно в том, что они дают возможность заинтересованным лицам в той или иной форме принимать

¹ См. П. С. Элькин, указ. соч., стр. 147.

² Подобный взгляд был выражен в литературе М. А. Чельцовым (см. «Советский уголовный процесс», М., 1962, стр. 17; «Уголовный процесс» под ред. М. А. Чельцова, М., 1969, стр. 21), но был обоснованно подвергнут критике (см. М. С. Строгович, Курс советского уголовного процесса, т. I, М., 1968, стр. 38—39, 46; П. С. Элькин, указ. работа, стр. 32—34; Л. Д. Кокорев, Участники правосудия по уголовным делам, Воронеж, 1971, стр. 26—27).

³ См. В. В. Лазарев, указ. соч., стр. 33.

участие в разборе конкретных дел, обеспечивают объективное исследование фактов, что является основой правильного применения норм права¹. Нельзя, однако, весь процесс применения норм права сводить лишь к принятию следователем, прокурором или судом решения. Принятие решения — это итог правоприменительной деятельности, ее результат.

Сделав в целом правильный вывод о том, что отрасли материального права вызывают к жизни необходимость соответствующих процессуальных норм там и постольку, где и поскольку сама реализация этих норм требует определенной правоприменительной деятельности уполномоченных на то субъектов, некоторые ученые считают, что процессуальные предписания не требуют по отношению к себе правоприменительного процесса, так как они в основном соблюдаются, исполняются и используются². Так, В. В. Лазарев (такой же точки зрения придерживается и В. М. Горшенев) утверждает, что только отдельные нормы процессуальных законов не могут быть осуществлены без специального «вмешательства» компетентных правоприменительных органов: следователь, например, не может осуществить свою процессуальную деятельность в случае несогласия с указаниями прокурора о привлечении в качестве обвиняемого, о квалификации преступления и объеме обвинения, о направлении дела для предания обвиняемого суду или о прекращении дела. Он обращается к вышестоящему прокурору, а последний, применяя норму ст. 127 УПК РСФСР, отменяет указание нижестоящего прокурора или поручает производство следствия другому следователю³.

Автор правильно подчеркнул, что вышестоящий прокурор применяет норму права, разрешая спор между следователем и прокурором по любому из пяти вопросов, названных в ч. 2 ст. 127 УПК РСФСР. Но он принципиально неправ, считая, что, давая указания следователю, надзирающий прокурор не применяет нормы пра-

¹ См. П. Е. Недбайло, Система юридических гарантий применения советских правовых норм, «Правоведение» 1971 г. № 3, стр. 45.

² См. В. В. Лазарев, указ. работа, стр. 35; В. М. Горшенев, Способы и организационные формы правового регулирования в социалистическом обществе, М., 1972, стр. 225—226.

³ См. В. В. Лазарев, указ. соч., стр. 35.

ва. Нам представляется, что, подтверждая эти указания, вышестоящий прокурор применяет норму права.

Столь же непоследовательным и ошибочным, с нашей точки зрения, является утверждение, что следователь не применяет норму права, возражая против указаний прокурора и приостанавливая при этом исполнение его указаний по вопросам, перечисленным в ч. 2 ст. 127 УПК РСФСР (ст. 212 УПК РСФСР), а вышестоящий прокурор, соглашаясь с мнением следователя, применяет норму права.

В рассматриваемых случаях, как нам представляется, и следователь, и прокурор, и вышестоящий прокурор — субъекты применения нормы права — ч. 2 ст. 127 УПК РСФСР. Применением нормы права был бы и тот случай, когда следователь, согласившись с указаниями прокурора, претворил бы их в жизнь. Несомненно, дача указаний прокурором — это тоже применение нормы права.

Все те положения, о которых идет речь в ч. 2 ст. 127 УПК РСФСР, как и многие другие, могут быть воплощены в общественных отношениях лишь в случае их реализации в форме применения нормы права со стороны государственных органов, наделенных властными полномочиями. Для того чтобы уголовное судопроизводство могло обеспечить выполнение задач, зафиксированных в ст. 2 УПК РСФСР (ст. 2 Основ), государственные органы наделены властными полномочиями, в силу которых они могут не только указывать, но и обязывать, решать важнейшие процессуальные вопросы — возбуждать уголовные дела, собирать доказательства, предъявлять обвинение, прекращать уголовные дела, направлять уголовные дела в суд, выносить приговоры, опротестовывать приговоры, отменять, изменять, оставлять без изменения судебные решения. В перечисленных случаях, а также при избрании, отмене или изменении меры пресечения, при производстве обыска или выемки, приводе обвиняемого, наложении ареста на имущество и т. п. реализация нормы процессуального права невозможна без проявления органом государства властного начала.

Именно это властное начало прежде всего и главным образом отличает применение нормы уголовно-процессуального права от других форм ее реализации — соблюдения, исполнения, использования. Каждая из этих

форм, будучи самостоятельной разновидностью реализации нормы права, является вместе с тем составной частью процесса применения нормы процессуального права. Но только применению нормы права свойственно властное начало.

Авторы критикуемой нами позиции не учитывают того положения, что уголовно-процессуальные отношения — это канал, через который не только применяются уголовно-правовые нормы, но и устанавливаются уголовные правоотношения. Нельзя применить норму уголовного права, не установив всех элементов уголовно-правового отношения, не установив преступления, которое выступает как юридический факт, вызвавший к жизни материальные правовые отношения. Применение норм уголовного закона происходит в процессуальной форме. Следовательно, нельзя применить норму уголовного материального права, не применив одновременно норму процессуального права. Невозможно обеспечить правильное применение норм уголовного права, не установив точно и полно состав преступления. Нормы уголовно-процессуального права регламентируют процесс установления состава преступления. Должностные лица государства применяют нормы процессуального права, чтобы обеспечить выполнение этой двуединой задачи. Не случайно к приговору предъявляется требование не только законности, но и обоснованности (ст. 301 УПК РСФСР); он признается неправильным при ошибочном применении как норм уголовного, так и норм уголовно-процессуального права (ст. 342 УПК РСФСР).

Наконец, утверждая, что нормы уголовно-процессуального права в основном соблюдаются, исполняются и используются, авторы не учитывают, что, например, лицо, выступающее в качестве потерпевшего (гражданского истца), может использовать процессуальные права лишь после того, как следователь, прокурор или суд признает его потерпевшим (гражданским истцом), что может быть сделано лишь в результате осуществления властных полномочий должностного лица, т. е. вследствие применения норм ст.ст. 53, 54 УПК РСФСР.

И последнее. Уголовно-процессуальные нормы содержат санкции, так как они исполняются и соблюдаются не всегда добровольно, как и не всегда правильно применяются. Органы государства и должностные лица, наделенные властными полномочиями в сфере уголовного

судопроизводства, применяют эти санкции. Например, следователь, прокурор или суд применяют санкции к поручителям при нарушении обвиняемым предписаний, возлагаемых на него в связи с избранием меры пресечения в виде личного поручительства (ст. 94 УПК РСФСР). Применением санкции является также избрание более строгой меры пресечения при нарушении подписки о невыезде (ст. 93 УПК РСФСР); привод обвиняемого в случае неявки без уважительных причин (ст. 147 УПК РСФСР); наложение денежного взыскания на специалиста, уклоняющегося от выполнения своих обязанностей (ст. 133¹ УПК РСФСР).

В связи с нарушением предписаний норм уголовно-процессуального права (уголовно-процессуальные правонарушения) применяются санкции, различные по характеру и правовой природе. Процессуальные санкции специфичны, что не всегда учитывается при анализе их сущности. Это правильно подметил В. М. Горшенев, указав, что санкция процессуальной нормы представляет собой указание на невыгодные (лучше было бы сказать «неблагоприятные») последствия невыполнения предписаний, содержащихся в диспозиции. Производная природа процессуальных норм, как полагает В. М. Горшенев, определяет и специфику их санкций, которые выражаются главным образом в таких последствиях, как отмена правоприменительного акта, принятого в нарушение процессуальной нормы, или признание недействительным, юридически ничтожным действия, не соответствующего требованиям диспозиции¹. Приведенная точка зрения заслуживает внимания, хотя неблагоприятные процессуальные последствия, возникающие в результате ненадлежащего применения, исполнения, соблюдения или использования норм уголовно-процессуального права, разнообразнее. Многообразие уголовно-процессуальных норм и им соответствующих уголовно-процессуальных правоотношений предполагает и различие процессуальных последствий, с которыми связывается совершение уголовно-процессуального правонарушения.

Средства процессуального реагирования на нарушения предписаний уголовно-процессуальных норм весьма разнообразны как по характеру, так и по «тяжести».

¹ См. В. М. Горшенев, указ. соч., стр. 227--228.

Так, если следователем или органом дознания необоснованно возбуждено уголовное дело, прокурор своим постановлением отменяет постановление, отказывая в возбуждении уголовного дела, либо прекращает дело производством, если по нему были проведены следственные действия (ст. 116 УПК РСФСР). Если решение о приостановлении или прекращении дела производством необосновано, прокурор в отношении актов органов расследования, а вышестоящий суд в отношении определений суда вправе принять решение об отмене ранее принятого постановления или определения¹ (ст.ст. 211, 331 УПК РСФСР). Незаконность или необоснованность приговора (что всегда является следствием неправильного применения норм права) может вызвать различные процессуальные последствия: отмену приговора и направление дела на новое расследование или новое судебное рассмотрение², отмену приговора и прекращение дела производством³, изменение приговора⁴ (ст. 339 УПК РСФСР).

Различные процессуальные последствия наступают при неправильном применении норм УПК в процессе расследования: возвращение дела на дополнительное расследование⁵ (ст.ст. 211, 232, 258 УПК РСФСР), изменение обвинения прокурором или судом (ст.ст. 215, 254 УПК РСФСР), прекращение дела производством⁶ (ст.ст. 211, 234, 259 УПК РСФСР), вынесение оправдательного приговора (ст. 309 УПК РСФСР).

Выбор процессуальной санкции зависит от характера нарушения, возможности его устранения и т. п. Различные процессуальные последствия наступают при неявке в судебное заседание подсудимого (ст. 247 УПК РСФСР), прокурора, общественного обвинителя, защит-

¹ См. «Бюллетень Верховного Суда РСФСР» 1970 г. № 11, стр. 13; № 12, стр. 8.

² См. «Бюллетень Верховного Суда РСФСР» 1970 г. № 12, стр. 8—9; 1972 г. № 5, стр. 11; 1973 г. № 4, стр. 7—8.

³ См. «Бюллетень Верховного Суда СССР» 1973 г. № 5, стр. 17, 20.

⁴ См. «Бюллетень Верховного Суда РСФСР» 1969 г. № 4, стр. 10; 1974 г. № 7, стр. 9—10.

⁵ См. «Бюллетень Верховного Суда РСФСР» 1972 г. № 5, стр. 11; 1974 г. № 2, стр. 12—13.

⁶ См. «Бюллетень Верховного Суда РСФСР» 1972 г. № 1, стр. 6; 1974 г. № 2, стр. 8.

ника, общественного защитника (ст. 251 УПК РСФСР), гражданского истца, гражданского ответчика (ст. 252 УПК РСФСР), потерпевшего (ст. 253 УПК РСФСР)¹.

Неодинаковые процессуальные последствия вызывает и нарушение норм уголовно-процессуального права при собирании, проверке и оценке доказательств. Если, например, следователь неполно допросил свидетеля, этот пробел восполним в судебном заседании. Иные последствия наступают, скажем, при нарушении установленных законом порядка и последовательности проведения такого следственного действия, как предъявление для опознания: неправильно проведенное, это действие теряет доказательственное значение. Верховный Суд СССР, например, отвергает доказательственное значение фактических данных, полученных в результате опознания, если есть сомнения, возникшие в связи с нарушением процессуальных норм при проведении этого следственного действия.

К числу подобных нарушений Верховные Суды СССР и РСФСР относят: предъявление опознаваемого не в группе других лиц; отсутствие понятых²; непроведение предварительного допроса опознающего о приметах и особенностях объекта³; предъявление опознаваемого в группе лиц, резко отличающихся от него по возрасту; отсутствие в протоколе признаков, по которым лицо или предмет опознаны⁴; предъявление опознаваемому гражданина, подлежащего предъявлению для опознания, до проведения этого следственного действия⁵.

При наличии указанных нарушений проведенные действия признавались юридически ничтожными. При этом, если потеря доказательственного значения данных, полученных при предъявлении для опознания, ставит под сомнение фактические обстоятельства, установленные из других источников (показаний свидетелей, потерпевших, обвиняемых), ненадлежащее проведение предъявления для опознания, как правило, влечет от-

¹ См. «Бюллетень Верховного Суда РСФСР» 1969 г. № 5, стр. 6; 1971 г. № 4, стр. 15.

² См. «Бюллетень Верховного Суда СССР» 1970 г. № 1, стр. 36.

³ См. В. П. Божьев, В. К. Бобров, Нарушения на предварительном следствии норм УПК, влекущие отмену приговора, «Научный комментарий судебной практики за 1971 год», М., 1972, стр. 175.

⁴ См. «Бюллетень Верховного Суда СССР» 1971 г. № 2, стр. 37.

⁵ См. В. П. Божьев, В. К. Бобров, указ. соч., стр. 177.

мену приговора (если он вынесен) и возвращение дела для доследования. Однако, если потеря доказательственного значения протокола предъявления для опознания не ставит под сомнение вывод суда, указанные последствия могут и не наступить.

В процессе производства по делу иногда допускаются такие нарушения правовых норм, которые выходят за рамки чисто процессуальных. Степень их общественной опасности такова, что уголовный закон объявляет их преступлениями, охраняя и общественные отношения в сфере уголовного судопроизводства. Иначе говоря, уголовное судопроизводство и правосудие, призванные охранять и защищать общество от правонарушителей, сами становятся в случае совершения против них преступлений объектами уголовно-правовой охраны¹.

Специфическая особенность этих правонарушений в том и состоит, что, будучи процессуальными, они в то же время носят уголовно-правовой характер. Заведомо ложный донос (ст. 180 УК РСФСР), заведомо ложные показания (ст. 181 УК РСФСР), понуждение свидетеля или потерпевшего к даче ложных показаний или эксперта к даче ложного заключения либо подкуп этих лиц (ст. 183 УК РСФСР), отказ или уклонение свидетеля, потерпевшего от дачи показаний или эксперта от дачи заключения (ст. 182 УК РСФСР), разглашение данных предварительного следствия или дознания (ст. 184 УК РСФСР) — преступления, при совершении каждого из которых преступник, посягая на непосредственные объекты, всегда в большей или меньшей степени препятствует поступлению в распоряжение органов правосудия доказательств, тем самым мешая эффективному осуществлению правосудия². Все эти деяния представляют собой несоблюдение, неисполнение или неправильное применение норм УПК (например, ст.ст. 20, 110, 139, 158 УПК РСФСР).

Сказанное дает основание признать правильным мнение П. С. Элькинд, полагающей, что некоторые нормы уголовно-процессуального права охраняются как своими санкциями, так и санкциями других правовых

¹ См. И. С. Власов, Н. М. Тяжкова, Ответственность за преступления против правосудия, М., 1968, стр. 4, 25—54.

² См. там же, стр. 48.

норм¹, причем не только норм уголовного (см. ст.ст. 57, 94, 133¹, 263, 394, 323 УПК РСФСР), но и других отраслей права.

В связи с этим представляется правильной позиция Б. А. Галкина, утверждающего, что существуют различные виды мер принуждения к исполнению норм процессуального права: уголовно-правовые, процессуальные, административные и моральные². Думается, однако, что возможны и другие виды санкций, например гражданско-правовые.

Возражая П. С. Элькинд и Б. А. Галкину, В. М. Горшенев приводит один довод: административные и уголовные санкции применяются тогда, когда нарушена норма материального права³.

Мы не можем согласиться с этим доводом, ибо считаем, что в таких случаях возникают комплексные правовые отношения, которые одновременно регулируются не одной, а несколькими отраслями права.

Средством реагирования на допущенные в сфере уголовного судопроизводства правонарушения могут быть и гражданско-правовые санкции, причем эти санкции применяются не при рассмотрении и разрешении гражданского иска в уголовном процессе, как полагает П. С. Элькинд⁴, а в случаях, предусмотренных ч. 2 ст. 89 Основ гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик, т. е. в случаях причинения вреда неправильными служебными действиями должностных лиц органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры и суда. В этих случаях также возникают комплексные правоотношения.

Заметим, что, какие бы санкции ни применялись к допущенным в сфере уголовного судопроизводства правонарушениям, это всегда результат применения норм права органами и должностными лицами, наделенными властными полномочиями. Даже когда возникает необходимость использовать меры общественного воздействия, акту применения предшествуют властные действия государственных органов (представление следователя, частное определение суда).

¹ См. П. С. Элькинд, указ. соч., стр. 28.

² См. Б. А. Галкин, Советский уголовно-процессуальный закон, М., 1962, стр. 60.

³ См. В. М. Горшенев, указ. соч., стр. 228.

⁴ См. П. С. Элькинд, указ. соч., стр. 28.

§ 3. Источники норм права, регулирующих общественные отношения в сфере уголовного судопроизводства

Среди источников уголовно-процессуального права прежде всего следует назвать Конституцию СССР, в которой определены компетенция Союза ССР и союзных республик в области законодательства о судостроительстве и судопроизводстве, система уголовно-процессуального законодательства (ст.ст. 14, 32), основные начала организации и деятельности суда и прокуратуры (глава IX).

Конституция СССР гарантирует неприкосновенность личности, жилища и тайну переписки (ст.ст. 126, 127). В Основном законе СССР сформулированы и многие другие предписания, имеющие значение для формирования уголовно-процессуального права.

Специфической особенностью уголовно-процессуального права является то, что нормы, его составляющие, закреплены только в законе. На основании и в соответствии с предписаниями, содержащимися в ст.ст. 14, 32 Конституции СССР, Основы уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик устанавливают, что порядок производства по уголовным делам определяется Основами и издаваемыми в соответствии с ними другими законами Союза ССР и уголовно-процессуальными кодексами союзных республик (ст. 1).

В ст. 1 Основ уголовного судопроизводства, таким образом, сформулированы важнейшие положения, определяющие природу, систему и соотношение источников уголовно-процессуального права. В этой статье, в частности, даны следующие нормативные решения: а) закон — единственный источник уголовно-процессуального права; б) Основы — кодифицированный нормативный акт, важнейший общесоюзный закон, специально посвященный регулированию уголовно-процессуальных отношений; в) другие общесоюзные законы могут регулировать порядок производства по уголовному делу лишь при условии их соответствия Основам; г) уголовно-процессуальные кодексы союзных республик — источники законодательства союзных республик, регулирующие рассматриваемую сферу общественных отношений, к которым предъявляется требование соответствия Основам.

Сказанное позволяет отметить, что уголовно-процес-

суальное законодательство относится к совместному ведению Союза ССР и союзных республик. Это означает, что процессуальные нормы являются общесоюзными или республиканскими, но, как правильно считают некоторые ученые, не могут быть союзно-республиканскими¹.

Основы прежде всего формулируют общие положения уголовного процесса, его задачи, основные принципы. Но, кроме того, в этом акте нормативно закреплён ряд специальных наиболее важных вопросов, требующих единообразной регламентации на территории всего Союза ССР.

В то же время Основы не решили и не могли решить всех вопросов уголовно-процессуальной деятельности, они формулируют лишь исходные положения института или стадии процесса, которые представляют юридическую базу для республиканского законодательства. Именно в кодексах получает исчерпывающую регламентацию вся совокупность уголовно-процессуальных отношений, из которых слагается судопроизводство. Сопоставляя республиканские кодексы с Основами, нетрудно заметить, что в УПК много новых норм. Кроме того, в кодексах есть положения, дополняющие соответствующие нормы Основ, а также нормы, полностью воспроизводящие предписания этого акта.

Некоторые ученые подчеркивают, что нормы Основ или иных общесоюзных законов, включенные в республиканские кодексы, выступают в качестве не только общесоюзных норм прямого действия, но одновременно и в качестве республиканских норм². Таким образом, в УПК союзной республики содержатся нормы, принятие которых относится к компетенции СССР, к смешанной компетенции СССР и союзной республики, к компетенции союзной республики.

Вряд ли правильно исходить из того, что каждая норма Основ устанавливает определенные границы са-

¹ Применительно к уголовному праву на это обратили внимание Н. Д. Дурманов и Г. А. Кригер (см. «Вопросы борьбы с преступностью», вып. 19, М., 1973, стр. 179). Аналогична позиция Д. Л. Златопольского (см. «Советское государство и право» 1971 г. № 7, стр. 144).

² См. «Соотношение общесоюзного и республиканского законодательства» под ред. И. С. Самощенко и М. Г. Кириченко, М., 1967, стр. 25.

мостоятельного правотворчества союзных республик¹. Нам представляется, что эта конструкция практически вряд ли осуществима. В литературе обоснованно отмечалось, что республиканские кодексы дополняют Основы уголовного судопроизводства не только в тех случаях, когда республики прямо уполномочены к этому, но и когда в Основах не содержалось подобных предписаний².

Но на какой бы основе ни создавались нормы УПК союзных республик, к ним предъявляется общее требование — они должны соответствовать Основам (ст. 1 Основ). В более конкретной форме требования, которые следует предъявлять при создании УПК союзных республик, можно было бы свести к следующему:

а) общие нормы УПК должны соответствовать общим нормам Основ;

б) специальные нормы УПК должны соответствовать специальным нормам Основ;

в) специальные нормы УПК должны соответствовать общим нормам Основ;

г) специальные нормы УПК должны соответствовать общим нормам УПК;

д) общие нормы УПК должны соответствовать специальным нормам Основ;

е) общие нормы УПК должны находиться в соответствии между собой;

ж) специальные нормы УПК должны находиться в соответствии между собой.

Требование соответствия между нормами союзного и республиканского законодательства, однако, не означает, что если в республиканских кодексах по-разному решен тот или иной вопрос, то налицо несоответствие с союзным законодательством. Возможно несоответствие норм республиканских кодексов с нормами Основ и при единообразном решении вопроса несколькими союзными республиками, и, напротив, несоответствия может не быть при различных решениях. Таким образом, если имеются различные решения вопроса в УПК союзных

¹ См. В. И. Каминская, Теория советского уголовно-процессуального закона. Автореферат докт. дисс., М., 1967, стр. 23.

² См. К. Ф. Гуценко, Законодательство об уголовном судопроизводстве, «Соотношение общесоюзного и республиканского законодательства», М., 1967, стр. 339.

республик, то прежде всего необходимо установить, правомерны ли такие расхождения.

В отдельных случаях несоответствие между нормами союзного и республиканского законодательства вызвано необходимостью решить в кодексе такие вопросы, которые в момент принятия Основ не были в поле зрения законодателя (например, о прекращении уголовных дел в связи с передачей виновных на поруки). Конечно, законодательство не должно отставать от требований жизни, от политики партии. Это, однако, не означает, что в республиканский закон можно включить нормы, не соответствующие союзному закону. Если закон не соответствует политике, он должен быть отменен, дополнен или изменен в соответствующем порядке, но не может быть заменен республиканским законом.

Для республиканского уголовно-процессуального законодательства характерно расширение процессуальных прав участников процесса по сравнению с Основами, если в союзном законе вопрос не получил полного разрешения.

При этом для советского законодательства характерно не только влияние общесоюзного законодательства на республиканское, но и обратный процесс. Например, ст. 22 Основ 1958 года устанавливала, что участие защитника обязательно в случаях, определяемых законодательством союзных республик. УПК всех союзных республик установили, что участие защитника на предварительном следствии обязательно по делам несовершеннолетних и лиц, которые в силу физических или психических недостатков не могут сами осуществлять свое право на защиту. В то же время законодательством некоторых союзных республик было установлено, что участие защитника на предварительном следствии обязательно по делам о преступлениях, за которые в качестве меры наказания может быть применена смертная казнь¹, а также в случаях, когда обвиняемый не владеет языком, на котором ведется судопроизводство².

¹ См. ст. 45 УПК Армянской ССР, ст. 44 УПК Грузинской ССР, ст. 43 УПК Узбекской ССР («Законодательство об уголовном судопроизводстве Союза ССР и союзных республик», т. I, М., 1963, стр. 437, 644; т. II, М., 1963, стр. 585).

² См. ст. 45 УПК УССР, ст. 44 УПК Грузинской ССР (там же, т. I, стр. 211—212, 644).

Восприняв опыт союзных республик, общесоюзный законодатель внес изменения в ст. 22 Основ¹.

Основы уголовного судопроизводства — главный, но не единственный общесоюзный нормативный акт, посвященный регулированию общественных отношений в процессе производства по уголовному делу. В связи с чем возникают, по крайней мере, два взаимосвязанных вопроса: каков предмет этих законов и какие конкретно нормативные акты выступают в этом качестве.

С. Г. Новиков, в частности, высказал мысль, что в других общесоюзных актах, изданных в соответствии с Основами, имеются нормы, регулирующие общие вопросы возбуждения, расследования и судебного рассмотрения дел². К. Ф. Гуценко обоснованно подверг критике эту позицию, считая недопустимой регламентацию каким-либо другим актом, кроме Основ, общих вопросов возбуждения, расследования и судебного рассмотрения уголовных дел, полагая, что в этих законах могут решаться не общие, а лишь специфические вопросы³. Анализ процессуальных предписаний, содержащихся в таких общесоюзных нормативных актах, как Положение о прокурорском надзоре в СССР, Положение о Верховном Суде СССР, Положение о военных трибуналах, Положение о военной прокуратуре, Положение о предварительном заключении под стражу, свидетельствует, что все они носят не общий, а специальный характер⁴.

¹ См. «Ведомости Верховного Совета СССР» 1970 г. № 36, ст. 362; 1972 г. № 6, ст. 51.

² См. «Научно-практический комментарий к Основам уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик», М., 1960, стр. 10—11.

³ См. «Соотношение общесоюзного и республиканского законодательства», М., 1967, стр. 336—337.

⁴ Необходимо отметить, что С. Г. Новиков пересмотрел свои взгляды. В более поздней работе он пишет, что другие законы регулируют отдельные, специфические для органов прокуратуры и судебных органов СССР вопросы расследования и судебного рассмотрения дел, а также процессуальные вопросы, которые требуют единообразного решения на всей территории СССР (см. «Научно-практический комментарий Уголовно-процессуального кодекса РСФСР», М., 1970, стр. 4). Но и эта позиция ошибочна. Во-первых, в общесоюзных законах решаются не только специфические для органов суда и прокуратуры вопросы. Во-вторых, не все вопросы, требующие единообразного решения на всей территории СССР, могут быть решены этими законами. В ряде случаев законодатель вынужден внести изменения в Основы.

Заметим, что перечисленные нормативные акты (положения) являются кодифицированными и комплексными нормативными актами и лишь частично посвящены решению процессуальных вопросов. Поэтому требование соответствия этих актов (как и иных, в которых решаются процессуальные вопросы) Основам относится к ним постольку, поскольку в них регулируются процессуальные отношения.

Проблема соотношения других общесоюзных законов и республиканских уголовно-процессуальных кодексов не получила четкого решения ни в ст. 1 Основ, ни в УПК союзных республик. Поэтому решать ее следует на основании общего требования, содержащегося в ст. 20 Конституции СССР, согласно которой при противоречии союзного и республиканского законов действует союзный закон¹. Следовательно, республиканские уголовно-процессуальные законы должны соответствовать не только Основам, но и другим общесоюзным законам. Более сложен вопрос о соотношении последних между собой. Названные общесоюзные законы принимались в разное время. Возникающие противоречия в основном разрешались на различных этапах подготовки законопроектов. Однако в процессе их применения выявляются отдельные положения, которые не согласуются между собой, а иногда и вступают в противоречия, которые неизбежно приходится разрешать в процессе правоприменительной деятельности. Например, согласно ст. 26 Положения о прокурорском надзоре в СССР, Генеральный Прокурор СССР и его заместители вправе опротестовать в порядке надзора вступившие в законную силу приговор, определение, постановление любого суда СССР, союзной и автономной республики. Между тем права, предоставленные этой статьей заместителям Генерального Прокурора СССР, не могут быть реализо-

¹ Представляется плодотворной имевшая место в прошлом практика Пленума Верховного Суда СССР, когда он в случае противоречия между союзными и республиканскими законами прямо указывал на это в руководящем постановлении и обязывал суды в соответствии со ст. 20 Конституции СССР применять процессуальные нормы союзного закона. К сожалению, последний раз такое указание было дано в постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 28 июля 1950 г. «О судебном приговоре» (см. «Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР. 1924—1963», М., 1964, стр. 335).

ваны в полной мере, так как они не соответствуют обязанностям соответствующих судебных инстанций рассмотреть внесенные протесты. Мы имеем в виду ст. 9 Положения о Верховном Суде СССР, которая устанавливает, что Пленум Верховного Суда СССР рассматривает протесты в порядке надзора на приговоры, определения коллегий Верховного Суда СССР и постановления Верховных судов союзных республик, внесенные Председателем Верховного Суда СССР и Генеральным Прокурором СССР (но не его заместителями).

Основы уголовного судопроизводства не решили этот вопрос (ст. 48). Тем самым республиканский законодатель был поставлен перед дилеммой: сконструировать норму, либо соответствующую Положению о Верховном Суде СССР, но не соответствующую Положению о прокурорском надзоре в СССР, либо наоборот.

Как известно, союзные республики избрали первый вариант. По УПК РСФСР заместителям Генерального Прокурора СССР не предоставлено право опротестовывать постановления Президиума Верховного Суда РСФСР (ст. 371), а по УПК других союзных республик — постановления Пленума. Такое решение представляется правильным, если исходить не только из того, что Положение о Верховном Суде СССР издано позднее Положения о прокурорском надзоре в СССР¹, но и из предмета правового регулирования обоих нормативных актов. Именно с учетом названных двух моментов — времени издания акта и предмета регулирования — представляется возможным разрешать коллизии норм законодательных актов одного уровня.

До последнего времени в литературе иногда расширяется круг источников уголовно-процессуального права по сравнению с тем, который дан в ст. 1 Основ. Так, к числу источников уголовно-процессуального права многие авторы относят указы и постановления Президиума Верховного Совета СССР и Президиумов Верховных

¹ См. А. Я. Грун, Пересмотр приговоров в порядке судебного надзора, М., 1969, стр. 33; В. П. Божьев, Нормативно-правовые предпосылки повышения эффективности прокурорского надзора, «Совершенствование прокурорского надзора в СССР», М., 1973, стр. 162.

Советов союзных республик, причем, считая это, видимо, вполне очевидным, не мотивируют свои выводы¹.

Сложившаяся в последнее время практика издания Президиумами Верховных Советов указов об изменении действующих законов — соответственно Основ, или УПК — дает основания признать их источником уголовно-процессуального права. Указами вносятся изменения в закон по самым различным процессуальным вопросам. С этой точки зрения есть основание считать, что ими регулируются столь же важные вопросы, что и законом. Но все дело в том, что указы, которыми вносятся изменения и дополнения в закон (либо отменяются отдельные нормы), подлежат последующему утверждению на сессии Верховного Совета Союза ССР или союзной республики. Утверждение указа на сессии влечет два важнейших правовых последствия: указ обретает силу закона и вследствие этого нормативные предписания, составляющие содержание названного акта, автоматически инкорпорируются в тот законодательный акт, который они изменяют или дополняют, в качестве его составных частей. Например, Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 24 августа 1966 г.² установлены особенности производства по делам о хулиганстве. После утверждения этого Указа сессией Верховного Совета РСФСР его положения стали составными частями УПК. Таким образом, указ представляет собою нормативный акт временного действия — до его утверждения сессией Верховного Совета, после чего он получает юридическую силу, свойственную закону. Заметим, что сказанное не лишает возможности признать указы нормативными актами³.

Президиумы Верховных Советов издают нормативные указы лишь по вопросам, входящим в сферу их

¹ См., например, Б. А. Галкин («Советский уголовный процесс» под ред. Д. С. Карева, М., 1968, стр. 43—44); П. С. Элькин («Уголовный процесс» под ред. Н. С. Алексеева, В. З. Лукашевича, П. С. Элькина, М., 1972, стр. 59); С. В. Бородин («Советский уголовный процесс. Общая часть» под ред. Б. А. Викторова и В. Е. Чугунова, М., 1973, стр. 49—50).

² См. «Ведомости Верховного Совета РСФСР» 1966 г. № 35, ст. 946.

³ В литературе высказывалось предложение установить такой порядок, при котором изменения в действующие Основы или УПК вносились бы тем органом, который принял эти законы, т. е. сессией Верховного Совета (см. М. С. Строгович, Курс советского уголовного процесса, т. I, М., 1968, стр. 71).

совместного с высшим представительным органом власти ведения. Не случайно в последнее время наука все чаще характеризует такие указы как законодательные акты, а конституции многих социалистических стран закрепляют право Президиумов (Государственных Советов) издавать в период между сессиями высших представительных органов власти акты, имеющие силу закона¹.

Заметим, однако, что в рассматриваемом вопросе компетенция Президиумов Верховных Советов союзных республик и Президиума Верховного Совета СССР по своему характеру различна. Первые могут издавать лишь нормативные указы о внесении изменений или дополнений в уголовно-процессуальные кодексы (в масштабах союзной республики согласно ст. 1 Основ единственным законом, регулирующим уголовно-процессуальные отношения, является УПК). Президиум же Верховного Совета СССР может издавать и другие указы, так как источником уголовно-процессуального права являются не только Основы, но и другие законы (ст. 1 Основ). К числу других нормативных указов, принятых за последние годы, можно отнести такие, как Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26 июля 1966 г. «Об усилении ответственности за хулиганство»², Указ Президиума Верховного Совета СССР от 25 июня 1973 г. «О возмещении средств, затраченных на лечение граждан, потерпевших от преступления»³.

Итак, признавая нормативные указы источником уголовно-процессуального права, мы не можем согласиться с теми учеными, которые считают источником уголовно-процессуального права постановления Президиумов Верховных Советов, посвященные нормативному толкованию принятых законов (а иногда и указов, еще не утвержденных сессией Верховного Совета).

Постановление Президиума Верховного Совета — важный акт, имеющий большое значение для правильного применения действующих уголовно-процессуальных норм. Но, как нам представляется, этим актом разъясняются нормы, уже существующие, а не создаются новые.

¹ См. «Марксистско-ленинская общая теория государства и права. Социалистическое право», М., 1973, стр. 383.

² См. «Ведомости Верховного Совета СССР» 1966 г. № 30, ст. 595.

³ См. «Ведомости Верховного Совета СССР» 1973 г. № 27, ст. 348.

Акты нормативного толкования действуют не самостоятельно, а лишь наряду с разъясняемой нормой; отмена или изменение нормативного акта вызывает отмену или изменение акта, его разъясняющего¹. Поэтому мы считаем, что нет юридических оснований для признания актов толкования норм источниками права. В силу этого мы не можем согласиться с авторами, считающими, что легальное толкование акта имеет такую же юридическую силу, как и сам нормативный акт².

Не являются источниками права, а представляют собой акты нормативного толкования руководящие постановления Пленума Верховного Суда СССР и пленумов Верховных судов союзных республик. Их издание обусловлено тем, что в процессе правоприменительной деятельности у судов возникают трудности в толковании и применении отдельных процессуальных норм. Эти трудности обусловлены различными причинами: непониманием фактического содержания юридических терминов, неумением сопоставить одни нормы с другими для решения сложных вопросов, затруднением в истолковании оценочных понятий, пробелами в праве, необходимостью применения аналогии права или закона и т. п.

Трудности в применении общей нормы к конкретному факту в конечном итоге обуславливают необходимость толкования и разъяснения правовых норм со стороны высших судебных органов. Сказанное в достаточной мере объясняет то обстоятельство, что Верховные суды дают руководящие разъяснения, содержащие толкование правовых норм, как правило, лишь тогда, когда уже накоплен определенный опыт правоприменительной деятельности в той или иной области. Поэтому пленумы Верховных судов дают разъяснения (толкование) правовых норм на основе изучения и обобщения судебной практики, в связи с чем в описательной части руководящих постановлений обычно обращается внимание судов на выявленные ошибки и недостатки при применении тех или иных процессуальных норм, а в постановляющей части раскрывается смысл и содержание норм,

¹ См. «Марксистско-ленинская общая теория государства и права. Социалистическое право», М., 1973, стр. 484—485.

² См. П. С. Элькин д, Толкование и применение норм уголовно-процессуального права, М., 1967, стр. 72.

применение которых встретило затруднение на практике, даются конкретные рекомендации по применению процессуальных норм¹.

Руководящие постановления могут быть специально посвящены процессуальным вопросам, но могут быть посвящены разъяснению норм и уголовного, и процессуального права².

Если пленумы Верховных судов союзных республик дают разъяснения лишь по вопросам применения республиканского законодательства, то в руководящих постановлениях Пленума Верховного Суда СССР нередко одновременно разъясняются нормы общесоюзного и республиканского законодательства. Верховный Суд СССР разъясняет нормы республиканского законодательства, как правило, в тех случаях, «когда эти разъяснения представляют интерес для всех или по крайней мере для нескольких союзных республик»³.

Постановления пленумов Верховных судов обязательны для всех судов — соответственно страны или союзной республики. Общеобязательность руководящих постановлений пленумов дает основание считать их актами нормативного толкования.

Руководящие разъяснения распространяются не только на суды, но и на других участников уголовного судопроизводства. Если, например, Пленум Верховного Суда СССР разъяснил, что существенное нарушение права несовершеннолетнего обвиняемого на защиту имеет место, если участие защитника не обеспечено с момента предъявления обвинения⁴, то это адресуется не только судам, но и следователям, прокурорам. Не только суду, но и прокурору, органам расследования адресуются требования Пленума Верховного Суда СССР исследовать

¹ См., например, постановления Пленума Верховного Суда СССР от 30 июня 1969 г. «О судебном приговоре», от 16 марта 1971 г. «О судебной экспертизе по уголовным делам», от 17 декабря 1971 г. «О практике рассмотрения судами уголовных дел в кассационном порядке» («Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР. 1924—1973», М., 1974, стр. 580—590, 590—597, 603—612).

² См., например, постановление Пленума Верховного Суда СССР от 16 октября 1972 г. «О судебной практике по делам о хулиганстве» («Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР. 1924—1973», М., 1974, стр. 534—546).

³ См. «Верховный Суд СССР», М., 1974, стр. 169.

⁴ См. «Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР. 1924—1973», М., 1974, стр. 319.

материалы о первом правонарушении, если лицо привлекается к ответственности по ч. 1 ст. 206 УК РСФСР за повторное мелкое хулиганство¹.

Тот факт, что постановления Президиумов Верховных Советов и постановления пленумов Верховных судов не создают новых процессуальных норм², не означает, что они не играют роли в регулировании общественных отношений. Ориентируя государственные органы на правильное применение процессуальных норм, акты нормативного толкования тем самым оказывают активное воздействие на реализацию норм права в правоотношениях, способствуя своевременному возникновению одних, прекращению других, развитию третьих.

На основании ст. 8 Положения о прокурорском надзоре в СССР Генеральный Прокурор СССР вправе издавать приказы, инструкции и указания. В этих актах даются предписания, направленные на обеспечение и укрепление режима законности при производстве дознания и предварительного следствия по уголовным делам, на совершенствование прокурорского надзора за производством дознания и следствия, а также за соблюдением законов в деятельности судов первой, кассационной и надзорной инстанций. Названные акты содержат разъяснение действующего законодательства, анализ практики его применения, в них вскрываются ошибки и недостатки применения действующего союзного или республиканского законодательства, указываются пути их устранения.

Предписывая, например, прокурорам поддерживать государственное обвинение по делам о наиболее опасных преступлениях (путем перечисления категории дел), а в остальных случаях — с учетом общественного значения дела, его сложности, объема, опасности преступника и

¹ См. «Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР. 1924—1973», М., 1974, стр. 537.

² Т. Н. Добровольская, правильно считая руководящие постановления Пленума Верховного Суда СССР актами толкования норм права, а не источником права (см. «Верховный Суд СССР», М., 1964, стр. 96), вместе с тем ошибочно относит дачу руководящих разъяснений к области надзора за судебной деятельностью (см. там же, стр. 68—70). Надзор за судебной деятельностью вышестоящий суд осуществляет путем проверки и рассмотрения судебных дел.

состояния преступности в городе или районе¹, Генеральный Прокурор СССР тем самым не устанавливает новых норм и не изменяет старых, он формулирует пути реализации прокурорами задач, стоящих перед ними в сфере надзора за законностью деятельности суда по рассмотрению уголовных дел. Указывая, что при необходимости производства в других местностях обыска, выемки, ареста имущества или почтово-телеграфной корреспонденции к отдельным требованиям должны прилагаться соответствующие постановления с санкцией в определенных законом случаях прокурора, осуществляющего надзор за расследованием дела², Прокуратура СССР не изменяет установленного законом порядка производства по делу, но, разъясняя нормы права, указывая конкретных субъектов уголовно-процессуальных отношений, способствует упорядочению процессуальных отношений на основе и в соответствии с нормами УПК.

С точки зрения влияния ведомственных актов на упорядочение уголовно-процессуальных отношений представляют интерес рекомендации, содержащиеся в указаниях Прокуратуры СССР, посвященных разъяснению порядка прекращения дел за недоказанностью участия обвиняемого в совершении преступления. В этих указаниях, в частности, сказано:

а) если дело прекращается за недоказанностью участия обвиняемого в совершении преступления, то должны приниматься меры к установлению лиц, совершивших преступление;

б) если исчерпаны все возможности для собирания следственным путем дополнительных доказательств, необходимо дать органам дознания указания о принятии в соответствии со ст. 118 УПК РСФСР необходимых оперативно-розыскных мер;

в) дела, по которым такие указания даются органам дознания, приостанавливаются в соответствии с п. 3 ст. 195 УПК РСФСР;

г) не подлежат приостановлению дела, прекращенные за недоказанностью участия обвиняемого в совершении преступления, в случае неустановления события

¹ См. В. И. Басков, Прокурор в суде первой инстанции, М., 1968, стр. 13.

² См. А. И. Михайлов, Отдельное поручение следователя, М., 1971, стр. 26—27.

преступления или когда исключается совершение преступления другим лицом (например, по заявлению об изнасиловании в отношении конкретных лиц)¹.

Как видим, в этом акте отмечается характер правоотношений, функционирующих при прекращении дела, разъясняются обстоятельства, влекущие прекращение правоотношений, формулируются права и обязанности следователя и органов дознания. Содержащиеся в данном акте разъяснения не оставляют сомнений в их направленности на более эффективную реализацию действующих уголовно-процессуальных норм. В большей или меньшей степени это характерно для всех приказов и указаний Прокуратуры СССР.

Аналогичные акты в соответствии со ст. 11 Положения о Министерстве внутренних дел СССР издает Министр внутренних дел Союза ССР. Однако если акты Генерального Прокурора СССР, касающиеся деятельности органов дознания и следствия, распространяются на все органы расследования — прокуратуры, МВД, КГБ, то акты Министра внутренних дел адресуются лишь должностным лицам системы данного ведомства.

Акты Генерального Прокурора СССР и Министра внутренних дел не создают новых процессуальных норм, не изменяют и не дополняют действующих. Поэтому с их изданием нельзя прямо связывать возможность появления новых или прекращения функционирующих уголовно-процессуальных отношений. Но они направлены на укрепление режима законности в сфере уголовного судопроизводства и, следовательно, на правильное применение норм уголовно-процессуального права следователями, органами дознания и прокурорами, а также на полное и точное обеспечение прав граждан — участников уголовного процесса. Тем самым они способствуют более активной и правильной реализации прав и соблюдению обязанностей участниками уголовного процесса. Акты Генерального Прокурора СССР и Министра внутренних дел СССР способствуют реализации норм, которые уже существуют. Будучи основаны на изучении и обобщении практики следователей, прокуроров и органов дознания, ведомственные акты помогают правоприменительным ор-

¹ См. «Научно-практический комментарий Уголовно-процессуального кодекса РСФСР» под ред. Л. Н. Смирнова, М., 1970, стр. 265.

ганам правильно уяснить содержание правовых предписаний, понять допускаемые в практике ошибки и недочеты.

Например, рекомендуя следователям самим (а не через органы дознания) возбуждать уголовные дела, по которым предварительное следствие обязательно¹, Министр внутренних дел не отменяет правил, содержащихся в ст. 119 УПК РСФСР, а стремится к тому, чтобы возможно раньше привлечь квалифицированных работников к производству по делу, способствуя тем самым эффективному выполнению ст.ст. 3, 20 УПК РСФСР и полному соблюдению прав участников уголовного процесса.

Иногда в ведомственных актах в негативной форме разъясняется, как нельзя применять те или иные процессуальные нормы. Например, в Инструкции об организации работы с общественными следователями органов внутренних дел СССР² сказано, что общественным помощникам не может быть поручено производство обысков, допросов и других следственных действий. Такие действия должны производиться только самими следователями. Данное разъяснение полностью основано на нормах УПК³.

Итак, ведомственные акты могут конкретизировать уголовно-процессуальные нормы, однако они не должны создавать новых норм. Если необходима новая норма, ее нужно издать в установленном законом порядке, т. е. путем изменения или дополнения действующего уголовно-процессуального законодательства. В связи с этим вызывает решительное возражение имеющая иногда место попытка восполнить пробелы действующего законодательства с помощью ведомственных актов.

¹ См. Н. А. Щелоков, Советская милиция, М., 1971, стр. 63.

² Инструкция введена в действие приказом Министра внутренних дел СССР № 202 от 13 июля 1972 г. (см. «Советский уголовный процесс. Общая часть» под ред. Б. А. Викторова, В. Е. Чугунова, М., 1973, стр. 60).

³ Формы и пределы возможной помощи общественности в расследовании преступлений разъяснены также в приказах Генерального Прокурора СССР от 20 июля 1959 г., № 2 от 6 января 1960 г., от 31 мая 1965 г., № 75 от 30 июля 1966 г. (см. «Научно-практический комментарий Уголовно-процессуального кодекса РСФСР» под ред. Л. Н. Смирнова, М., 1970, стр. 187).

§ 4. Уголовно-процессуальные правоотношения

Признавая регулятивную роль нормы уголовно-процессуального права, нельзя тем самым не усмотреть ближайшую связь уголовно-процессуальной нормы с правоотношениями. В сфере уголовного судопроизводства находит полное подтверждение высказанное С. Ф. Кечекьяном два десятилетия тому назад положение: «Правоотношение — это норма в ее действии, в ее осуществлении. Образование прав и обязанностей, правоотношений означает реализацию нормы права в жизни общества»¹.

Регулирование нормами права общественных отношений при производстве по уголовному делу означает прежде всего наделение участвующих в нем лиц (должностных лиц и граждан) соответствующими правами и обязанностями. Реализуя свои права и обязанности, лица, участвующие, например, в стадии судебного разбирательства, вступают в отношения с судом. Эти отношения (как и отношения в любой другой стадии уголовного процесса) и являются уголовно-процессуальными правоотношениями, поскольку регулируются они нормами уголовно-процессуального права. Правоотношений не может быть, пока нет нормы, которая бы регулировала эти отношения. Иначе говоря, уголовно-процессуальное правоотношение — это всегда результат регулирования поведения граждан, государственных органов и должностных лиц при возбуждении дела, его расследовании, судебном разбирательстве и при производстве в других стадиях уголовного процесса. Интерпретируя в более поздней работе то, что он понимает под результатом действия нормы права, С. Ф. Кечекьян писал, что правоотношение как результат действия правовой нормы следует понимать в том смысле, «что это тот результат, ради которого установлены нормы права, тот результат, без которого нормы права лишены смысла. В правоотношениях, правах, обязанностях раскрывается социальное назначение норм права»².

Присоединяясь к точке зрения С. Ф. Кечекьяна, М. С. Строгович, как нам представляется, обоснованно

¹ С. Ф. Кечекьян, Нормы права и правоотношения, «Советское государство и право» 1955 г. № 2, стр. 24.

² С. Ф. Кечекьян, Правоотношения в социалистическом обществе, М., 1958, стр. 31.

подверг критике тех авторов, которые считают, что правоотношения не играют существенной роли в уголовном процессе и что будто бы деятельность суда, органов расследования и прокуроров представляет собой односторонние властные полномочия¹. Согласиться с подобного рода позицией — это значит вольно или невольно признать, что граждане в уголовном процессе выступают в качестве объектов властных полномочий органов государства, а не в качестве субъектов, осуществляющих свои права и выполняющих свои обязанности, что противоречит демократической природе советского уголовного судопроизводства и права, на котором оно основано².

Следователю, прокурору, суду принадлежат большие права, обеспечивающие возможность реально влиять на ход и исход уголовного процесса. Вместе с тем следует иметь в виду, что властные полномочия реализуются в форме субъективных прав и в рамках уголовно-процессуальных отношений. Всякие попытки представить властеотношения в уголовном процессе как односторонние полномочия беспочвенны. Сторонники этой позиции в обоснование своих взглядов приводят отдельные примеры, которые анализируют несколько односторонние³. Например, они утверждают, что уголовный процесс возникает как следствие односторонних действий должностного лица. Между тем известно, что до возбуждения дела должностное лицо, получив сообщение, обязано в определенный срок решить вопрос о возбуждении дела; заявитель вправе обжаловать принятое решение, а прокурор обязан своевременно рассмотреть эту жалобу и т. п. До возбуждения дела представитель власти может провести проверочные действия в течение установленного законом срока, и то и другое происходит в рамках уголовно-процессуальных правоотношений; в аналогичном порядке избирается или отменяется мера пресече-

¹ См. М. А. Чельцов, Советский уголовный процесс, М., 1962, стр. 14, 16; «Уголовный процесс» под ред. М. А. Чельцова, М., 1969, стр. 20—21.

² См. М. С. Строгович, Курс советского уголовного процесса, т. 1, М., 1968, стр. 38—39.

³ См. Б. А. Галкин, указ. соч., стр. 74—75, 87—88; М. А. Чельцов, Советский уголовный процесс, М., 1962, стр. 231—233; «Уголовный процесс» под ред. М. А. Чельцова, М., 1969, стр. 20—21.

ния, прекращается или направляется дело в суд. Эти и другие факты представляют собой не что иное, как реализацию представителем власти субъективных прав.

При этом вряд ли можно признать плодотворными попытки противопоставить общие обязанности должностного лица (ст. 3 УПК РСФСР) его субъективным правам¹. Первые представляют собой общую компетенцию определенного круга государственных органов в связи с совершением преступления, а вторые суть средство ее реализации. Здесь нет противоречий, а есть соответствие целого и части. Попытки поставить властеотношения в уголовном процессе вне или над правоотношениями подвергнуты обстоятельной критике в литературе². Л. Д. Кокорев правильно отметил, что взгляд на уголовный процесс как на одностороннюю деятельность суда, органов расследования и прокуратуры, которые не несут обязанности перед другими участниками процесса, приводит к тому, что не только в теоретических исследованиях, но и в практической деятельности при осуществлении правосудия личность в уголовном судопроизводстве с ее интересами остается незамеченной³.

В уголовном процессе, как и в любой другой сфере правового регулирования, один субъект (должностное лицо или гражданин) может реализовать свои права лишь в случае, если другой субъект при этом наделяется соответствующими обязанностями. Потерпевший может использовать право на заявление ходатайств лишь в том случае, если на следователя, суд, прокурора возложена обязанность их рассмотреть. Свидетель может реализовать право собственноручно записать показания на предварительном следствии, если следователь разъяснит ему это право и обеспечит возможность его осуществления. Во всех приведенных, как и в других, случаях советский уголовно-процессуальный закон исходит из того, что правам одного субъекта правоотношений соответствуют обязанности другого.

¹ См., например, Б. А. Галкин, указ. соч., стр. 73.

² См. П. С. Элькин, указ. соч., стр. 41; В. А. Стремовский, Участники предварительного следствия, Ростов, 1966, стр. 12; М. С. Строгович, Курс советского уголовного процесса, т. I, М., 1968, стр. 38; Л. Д. Кокорев, указ. соч., стр. 25—26, 32—34.

³ См. Л. Д. Кокорев, Участники правосудия по уголовным делам, Воронеж, 1971, стр. 27—28.

Однако, как правильно отмечено в литературе, нельзя соответствие прав и обязанностей представлять в уголовном процессе таким, каким оно имеет место в гражданско-правовых отношениях¹. Если бы в сферу уголовного процесса переносилась модель гражданско-правовых отношений, то это бы означало: заявил обвиняемый или потерпевший ходатайство — следователь или суд должны их удовлетворить; заявил защитник отвод следователю — прокурор обязан его удовлетворить. Между тем в рассмотренных случаях следователь и прокурор обязаны рассмотреть заявленные ходатайства и отводы, а удовлетворить — в зависимости от их законности и обоснованности. Аналогично действуют и иные правоотношения в рамках уголовного процесса. Поэтому мы не усматриваем препятствий к тому, чтобы анализировать и характеризовать уголовно-процессуальные правоотношения как корреспондирование прав и обязанностей и не разделяем сомнений на этот счет Б. А. Галкина².

Б. А. Галкин считает, что в уголовном процессе важная роль принадлежит органам власти. И в этом он прав. В этом с ним согласны все те, с кем он спорит и кто ему возражает³. Но даже когда представитель власти налицо, уголовно-процессуальное отношение не может существовать, если нет связи субъектов этого отношения на основе их взаимных интересов, которые выражаются в их правах и обязанностях. Недооценка механизма правоотношений в уголовном процессе, недопонимание того, что даже властные отношения представителя власти (следователя, прокурора и т. п.) с гражданином (потерпевшим, обвиняемым, подозреваемым и т. п.) протекают не иначе как в форме правоотношений, приводит к ошибочным решениям даже по тем вопросам, с которыми практические работники часто встречаются в своей повседневной практике. Допустим, в отношении Н. до предъявления обвинения была избрана мера пресечения в виде заключения под стражу. Через девять дней следователь предъявил Н. обвинение по ч. 2 ст. 89 УК РСФСР. Необходимо ли вынести постановление об избрании меры пресечения и

¹ См. М. С. Строгович, Вопросы теории правоотношений, «Советское государство и право» 1964 г. № 6, стр. 57.

² См. Б. А. Галкин, указ. соч., стр. 74.

³ См., например, П. С. Элькин, указ. соч., стр. 36—37.

вновь получить санкцию у прокурора? Среди практических работников по этому вопросу нет единодушия. Между тем, анализируя структуру возникающих отношений, можно прийти лишь к одному выводу: так как в рассматриваемом случае различны все элементы состава правоотношений (объект, субъекты, объем правомочий и обязанностей, характер действий) и различны юридические факты, вызвавшие эти отношения, различны должны быть и процессуальные акты, в которых выражен процесс их реализации. Поэтому необходим новый акт— постановление об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу в отношении обвиняемого. В свою очередь этот факт позволит прокурору усилить надзор за законностью и обоснованностью как меры пресечения, избранной в отношении обвиняемого, так и той меры пресечения, которая была избрана подозреваемому. Автоматическая пролонгация срока заключения под стражу чревата нарушениями законности и прав граждан. В обоснованности этих опасений убеждают данные практики. Выборочное изучение в четырех областях РСФСР уголовных дел, по которым обвиняемым была избрана в процессе расследования мера пресечения в виде заключения под стражу, позволило выявить тревожную картину: 9,5% подозреваемым, заключенным под стражу, обвинение вопреки требованиям ст. 90 УПК РСФСР было предъявлено с нарушением 10-дневного срока с момента избрания меры пресечения; 31,7% постановлений об избрании меры пресечения, вынесенных следователями и органами дознания, не содержали мотивировки применения меры пресечения, чем были нарушены требования ст. 92 УПК РСФСР¹.

Как показывает изучение практики применения норм действующего уголовно-процессуального права, установление в законе предписаний без достаточного учета возможности их реализации в правоотношениях приводит к тому, что эти нормы оказываются не совсем эффективными, а иногда и вообще не действуют. Для иллюстрации обратимся к анализу норм УПК, регулирующих порядок предания суду.

По действующему законодательству участники уголовного процесса имеют право по всем делам в стадии предания суду возбуждать ходатайства, в том числе о

¹ См. «Советская юстиция» 1974 г. № 15, стр. 3.

возвращении дела на дополнительное расследование, о прекращении дела, о возбуждении дела против новых лиц или по новому обвинению, о переквалификации преступления и др. Если судья согласен с ходатайством (и, следовательно, не согласен с обвинительным заключением), он вносит дело в распорядительное заседание суда, так как только суд может разрешить ходатайство по существу. Отказать в удовлетворении ходатайства судья может единолично, и при этом он даже не обязан (если строго следовать букве закона) выражать свой отказ в процессуальной форме с изложением мотивов принятого решения¹.

Создается весьма своеобразное положение: положительно разрешить ходатайство может только суд, причем лишь в том случае, если судья счел его обоснованным, а отказать в рассмотрении ходатайства может судья единолично. Возникает несоответствие: закон предоставляет участникам процесса возможность заявлять ходатайства в этой стадии, но не содержит достаточных гарантий, обязывающих их рассматривать. Таким образом, в известной мере односторонние² действия судьи выступают там, где должны иметь место обычные уголовно-процессуальные отношения субъектов (участников) этих отношений, наделенных соответствующими правами и обязанностями. Происходит это потому, что ходатайство в стадии предания суду подается не тому, кто компетентен его разрешить (суду), а тому, кто не наделен таким правом (судье).

Для того чтобы создать реальные гарантии разрешения ходатайств участников процесса в стадии предания суду, необходимо обеспечить возможность заявлять ходатайства (в частности, о прекращении дела, о возвращении его для дополнительного расследования, об изменении обвинения) тому, кто компетентен разрешить их по существу (суду).

¹ Лишь по делам о преступлениях несовершеннолетних и о преступлениях, за которые в качестве меры наказания может быть назначена смертная казнь, заявленные ходатайства решаются судом, так как вопрос о предании суду всегда рассматривается в распорядительном заседании (ст. 36 Основ, ст. 221 УПК РСФСР).

² В рассматриваемом случае нельзя сказать, что судья вообще свободен от обязанностей перед лицом, заявившим ходатайство. Поэтому мы говорим «в известной мере односторонние».

Следует заметить, что в подавляющем большинстве случаев обвиняемые, потерпевшие, гражданские истцы и ответчики не знают о своих правах в стадии предания суду, а также о месте и времени, когда будет решаться вопрос о предании суду. В уголовно-процессуальных кодексах союзных республик нет норм, обязывающих ставить в известность участников процесса о том, где и когда будет рассматриваться вопрос о предании обвиняемого суду. Стоит ли удивляться тому, что в стадии предания суду участники процесса заявляют ходатайств меньше, чем могло бы быть заявлено¹? Практика свидетельствует, что из судебного разбирательства возвращаются на дополнительное расследование значительно больше дел, чем из стадии предания суду, хотя нередко и в том и в другом случае суд располагает одними и теми же данными.

Считая существующий порядок предания суду несовершенным, мы полагаем, что необходимо внести изменения в действующее уголовно-процессуальное законодательство. В частности, мы считаем целесообразным сделать ряд предложений, направленных на расширение оснований внесения дела в распорядительное заседание, с тем чтобы обеспечить коллегиальный порядок предания суду во всех случаях, когда встает вопрос о переоценке данных предварительного следствия, причем не только по инициативе судьи, как это имеет место в настоящее время, но и по ходатайствам участников уголовного процесса, если в этих ходатайствах ставится вопрос о возвращении дела на дополнительное расследование, о прекращении дела, об изменении квалификации преступления или исключении отдельных пунктов обвинения¹.

Однако одного лишь расширения круга оснований, по которым дело вносится в распорядительное заседание, недостаточно, чтобы активизировать роль участников процесса в стадии предания суду и повысить значение этой стадии. В связи с этим, по нашему мнению, следо-

¹ Весьма обстоятельно проанализированы причины, затрудняющие подачу обвиняемыми и их защитниками ходатайств в стадии предания суду, в монографии В. З. Лукашевича «Гарантии прав обвиняемого в стадии предания суду» (Л., 1966, стр. 124—141).

² См. В. П. Божьев, Пути совершенствования законодательства о предании суду, «Правоведение» 1969 г. № 6, стр. 75.

вало бы включить в уголовно-процессуальные кодексы нормы, которые обеспечили бы активность обвиняемых, потерпевших, их защитников, представителей и других участников процесса¹ на данном этапе судопроизводства (направлять участникам процесса до предания суду копии обвинительного заключения, разъяснять им их права в данной стадии, своевременно сообщать им о времени рассмотрения дела в стадии предания суду и т. п.).

В уголовно-процессуальных кодексах союзных республик есть и другие нормы (их, правда, немного), которые недействительны именно потому, что в законе не предусмотрен достаточно эффективный механизм реализации их предписаний в правоотношениях. Например, нормы, устанавливающие возможность допуска по постановлению прокурора к участию в деле защитника с момента предъявления обвинения (ч. 1 ст. 47 УПК РСФСР); присутствия защитника с разрешения следователя при производстве следственных действий (п. 7 ст. 202 УПК РСФСР); участия по усмотрению суда в стадии предания суду лиц, заявивших ходатайства (ст. 223 УПК); участия по усмотрению суда в заседании надзорной инстанции осужденного, оправданного или их защитников (ч. 3 ст. 377 УПК РСФСР).

Проведенные выборочные исследования свидетельствуют о том, что в некоторых областях и им соответствующих административных подразделениях названные нормы почти не применяются².

Нам представляется, что в подобных случаях для законодателя существует лишь альтернатива: либо отка-

¹ См. В. З. Лукашевич, Гарантии прав обвиняемого в стадии предания суду, Л., 1966, стр. 124, 130; В. П. Божьев, указ. соч., стр. 75—76.

² По данным отдела адвокатуры Министерства юстиции СССР, из 1000 дел, рассмотренных судами в 1972 году во всех союзных республиках, адвокаты в стадии предания суду участвовали менее чем по 0,1% дел. В то же время адвокаты участвовали на предварительном следствии по 35%, а в судебном разбирательстве — по 76% дел. Почти не участвуют адвокаты в судах надзорной инстанции (1% к числу поданных жалоб в порядке надзора). По Московской городской коллегии адвокатов в течение года адвокаты участвовали в надзорной инстанции всего в двух случаях, а по Волгоградской, Горьковской, Челябинской и многим другим коллегиям таких случаев вообще нет (см. И. Ю. Сухарев, Организация и деятельность адвокатуры в СССР. Автореферат канд. дисс., М., 1974, стр. 11, 16).

заться от перечисленных норм, исключив их из УПК, либо модифицировать их таким образом, чтобы они могли быть реально воплощены в уголовно-процессуальных правоотношениях.

Характеризуя уголовно-процессуальные отношения, необходимо обратить внимание на такое их свойство, как существование их не иначе как в форме правовых отношений. Это означает, что уголовно-процессуальные отношения возникают и формируются в строгом соответствии с нормами уголовно-процессуального права, определяющего их свойства и элементы¹. Сказанное не означает, однако, противопоставления правовых отношений фактическим. Л. С. Явич обоснованно усматривает связь правовых отношений как формы реализации права с фактическими общественными отношениями в том, что определенная часть волевых актов субъектов фактических отношений, их предусмотренное законом волевое поведение выступает в качестве непосредственного содержания правоотношений. «По форме правоотношения — это явления еще юридического характера, по своему непосредственному содержанию они уже выходят за чисто юридические рамки, относятся не к правовому должностованию, а к действиям фактического порядка, осуществляемым на основе предоставленных правомочий и возложенных юридических обязанностей»².

Как нам представляется, точно и четко сущность уголовно-процессуального правоотношения выразил Ю. К. Толстой (хотя он не имел в виду именно уголовно-процессуальные отношения), когда писал: «Если общественное отношение выступает как предмет правового регулирования, то это отношение с самого начала возникает в правовой форме. Процесс образования общественного отношения неотделим здесь от процесса придания этому отношению правовой формы. Правоотношение появляется в результате взаимодействия нормы права с общественным отношением, составляющим предмет правового регулирования. Но эта реакция происходит в тот же самый момент, когда возникает и само фактическое

¹ См. Т. В. Свистунова, Нормы уголовно-процессуального права и правоотношения. Автореферат канд. дисс., Л., 1969, стр. 7—8.

² Л. С. Явич, Право и общественные отношения, М., 1971, стр. 117. .

общественное отношение. Неверно было бы считать, будто вначале складывается общественное отношение, а затем в результате воздействия на него нормы права появляется правоотношение. Процесс возникновения правоотношения неотделим от процесса образования самого общественного отношения. Это происходит потому, что объективная необходимость того, чтобы поведение людей — участников общественного отношения было юридически урегулировано, или, как иногда говорят, введено в юридические рамки, заложена в самом общественном отношении, составляющем предмет правового регулирования. Все дело в том, что общественное отношение — *предмет правового регулирования* — возникает в той «среде», в какой оно иначе как в форме правоотношения появиться не может. Правовая энергия, излучаемая нормой права, охватывает общественное отношение в тот момент, когда оно образуется. Правоотношение, с одной стороны, возникает благодаря «активности» нормы права, а с другой — «выталкивается» самим общественным отношением благодаря заложенной в нем потребности в правовом регулировании»¹.

Критикуя Б. А. Галкина, считающего, что уголовно-процессуальные правоотношения являются основным, но не единственным методом воздействия процессуальной нормы на поведение участников процесса, М. С. Строгович обоснованно упрекает его в том, что он не назвал других способов такого воздействия. Если иметь в виду воздействие на субъектов (участников) уголовного процесса, по-видимому, следует сделать вывод, что не названы эти методы не случайно — их нет. Вместе с тем необходимо отметить, что М. С. Строгович в свою очередь допускает неточность, считая уголовно-процессуальные отношения методом правового регулирования общественных отношений².

¹ Ю. К. Толстой, Еще раз о правоотношении, «Правоведение» 1969 г. № 1, стр. 33—34.

² См. Б. А. Галкин, указ. соч., стр. 87; М. С. Строгович, Курс советского уголовного процесса, т. I, М., 1968, стр. 46. М. С. Строгович и ранее высказывал аналогичное мнение, считая правоотношения одновременно и методом правового регулирования, и результатом действия правовых норм, и способом реализации правовых норм (см. М. С. Строгович, Вопросы теории правоотношений, «Советское государство и право» 1964 г. № 6, стр. 53—54).

Способами реализации правовых норм, как было сказано, являются применение, использование, исполнение и соблюдение правовых норм. Метод регулирования общественных отношений в сфере уголовного судопроизводства — правовой, в соответствии с ним в норме права формулируются права и обязанности субъектов. Результатом действия нормы права, регулирования поведения людей нормами права является правоотношение.

Сказанное не лишает возможности рассматривать уголовно-процессуальные правоотношения как средство претворения в жизнь норм уголовно-процессуального права. Именно этим, по мнению С. С. Алексеева, в механизме правового регулирования определяется место правоотношений, которые он характеризует как средства «перевода» («переключения») общих предписаний юридических норм в плоскость индивидуальных связей, т. е. в плоскость субъективных юридических прав и обязанностей для данных субъектов¹.

Подводя итог сказанному и учитывая конструкцию правоотношения, разработанную в науке общей теории права², уголовно-процессуальные правовые отношения можно определить как *идеологические общественные отношения, урегулированные нормами уголовно-процессуального права, возникающие, развивающиеся и прекращающиеся в сфере уголовного судопроизводства*³.

В науке уголовного процесса предпринимались попытки выявить характерные признаки, свойственные лишь уголовно-процессуальным правоотношениям. В частности, П. С. Элькинд главные особенности уголовно-процессуальных правовых отношений усматривает в том, что они: 1) выступают только в форме правоотношений; 2) органически связаны с уголовно-правовыми отноше-

¹ См. С. С. Алексеев, Проблемы теории права, т. I, Свердловск, 1972, стр. 256.

² См. «Марксистско-ленинская общая теория государства и права. Основные институты и понятия», М., 1970, стр. 545.

³ В литературе иногда отмечается, что уголовно-процессуальные отношения имеют место при расследовании и разрешении уголовных дел (см. М. С. Строгович, Курс советского уголовного процесса, т. I, М., 1968, стр. 36). Это не совсем точно, так как уголовно-процессуальные отношения имеют место и в стадии возбуждения дела, когда еще уголовного дела нет, и в стадии исполнения приговора, в которой правоотношения возникают не в связи с производством по уголовному делу.

ниями; 3) возникают, развиваются, изменяются и прекращаются в неразрывной связи с уголовно-процессуальной деятельностью; 4) характеризуются особым кругом субъектов; 5) отличаются спецификой прав и обязанностей субъектов¹.

Хотя некоторые из обозначенных признаков упоминались и ранее в работах советских процессуалистов (например, в работах Н. Н. Полянского, М. С. Строговича), следует отметить, что П. С. Элькинд впервые попыталась дать систему особенностей правовых общественных отношений в сфере уголовного судопроизводства. При этом она подметила признаки, несомненно, присущие уголовно-процессуальным отношениям. Заметим, однако, что, по нашему мнению, не все эти признаки могут характеризоваться как особенности, позволяющие выделить уголовно-процессуальные отношения из ряда близких им или смежных с ними правовых явлений (уголовно-правовых, гражданско-процессуальных, административно-процессуальных правовых общественных отношений). В самом деле, каждый из признаков, названных П. С. Элькинд, так или иначе присущ и другим, по крайней мере процессуальным, отношениям, чего не отрицает и автор². Следовательно, названные признаки в лучшем случае позволяют выделить процессуальные отношения из общей массы правовых общественных отношений, каждое из которых обладает универсальными свойствами, присущими любому правовому общественному отношению в отдельности и всем в совокупности. Говоря философским языком, это выделение суть выявление особенного из общего, а не единичного, отдельного из общего (под общим мы понимаем всю совокупность правовых общественных отношений в социалистическом обществе).

Б. А. Галкин относит к особенностям уголовно-процессуальных отношений следующие положения: 1) они всегда представляют собой отношения органа власти с гражданином; 2) в правоотношении участвуют не два, а несколько субъектов, причем один (или более) из них — всегда орган власти; 3) содержание нормы в ряде слу-

¹ См. П. С. Элькинд, Сущность советского уголовного процесса, Л., 1963, стр. 7.

² См. там же.

чаев реализуется не в одном, а в нескольких правоотношениях; 4) в уголовно-процессуальном отношении реализуется содержание норм не только уголовно-процессуального, но и материального права¹.

С нашей точки зрения, не все приведенные положения можно признать особенностями. Например, нельзя считать, что уголовно-процессуальное отношение — это всегда отношение представителя власти и гражданина. Известно, что значительное место в сфере уголовного судопроизводства занимают отношения, где субъектами являются только представители власти: между следователем и органом дознания, между следователем и прокурором или начальником следственного отдела, между прокурором и судом, между прокурором и органом дознания или следователем (начальником следственного отдела).

Плодотворным представляется выделение такого свойства, как комплексная реализация норм материального и процессуального права в уголовно-процессуальном отношении. Что же касается остальных специфических особенностей, приведенных Б. А. Галкиным, то они проявляются и в других правоотношениях, например гражданских процессуальных, и потому не могут рассматриваться как присущие только уголовно-процессуальным отношениям.

Думается, что при исследовании уголовно-процессуальных правовых общественных отношений как части правовых общественных отношений методологически более плодотворным был бы такой подход, при котором сначала рассматривался бы переход от общего к особенному (как бы промежуточному и связующему звену между общим и единичным), а затем переход от особенного к единичному, отдельному.

Итак, принимая за общее правовые отношения вообще, за особенное — процессуальные отношения, а за единичное — уголовно-процессуальные, мы считаем возможным следующим образом характеризовать категорию особенного (процессуальные отношения):

1) процессуальные отношения могут существовать не иначе как в форме правовых;

¹ См. Б. А. Галкин, Советский уголовно-процессуальный закон, М., 1962, стр. 73—78.

2) в процессе реализации процессуальных отношений применяются не только нормы процессуального, но и нормы материального права;

3) для всех процессуальных отношений в совокупности существует общий объект, для каждого индивидуального правоотношения — специальный объект;

4) процессуальным отношениям свойственны системность и множественность;

5) процессуальные правоотношения многосубъектны.

Наряду со свойствами, присущими всем процессуальным отношениям и по-разному проявляющимися в различных видах процессуальных отношений (уголовно-процессуальных, гражданских процессуальных), существуют особые признаки (свойства, особенности), присущие лишь каждому виду процессуальных отношений.

В число признаков, присущих уголовно-процессуальным отношениям и потому позволяющих выделить их из числа процессуальных («особенное») общественных отношений, а не вообще правовых отношений («общее»), мы полагаем возможным включить следующие:

1) уголовно-процессуальные отношения играют служебную роль по отношению к уголовным материальным правовым отношениям, что обусловлено тем, что первые служат средством установления вторых;

2) всем уголовно-процессуальным отношениям в совокупности и каждому из них в отдельности свойственно публично-правовое начало;

3) движению и развитию уголовно-процессуальных правовых общественных отношений свойствен много-стадийный характер;

4) уголовно-процессуальные правоотношения изменяются, уголовные материальные правовые общественные отношения стабильны;

5) состав центрального уголовно-процессуального отношения обусловлен соответствующими компонентами материального правоотношения;

6) уголовно-правовые отношения непрерывны (перманентны); уголовно-процессуальные отношения могут быть прерывистыми (дискретными).

В отличие от материальных правоотношений, каждое из которых может существовать само по себе, процес-

суальные отношения существуют лишь в системе, они связаны между собой, взаимообусловлены¹.

Подчеркивая множественность отношений, складывающихся на разных этапах уголовного судопроизводства, необходимо всегда иметь в виду, что эти отношения не разрозненны, а взаимосвязаны и взаимообусловлены: одни сменяют другие, которые в свою очередь вызывают к жизни иные отношения. Например, отношение между следователем и обвиняемым, представляя собой результат функционирования комплекса процессуальных отношений, порождает множество других отношений: между следователем и обвиняемым, между следователем и защитником обвиняемого, между прокурором и следователем, между защитником и прокурором и т. п. Столь тесная взаимосвязь и зависимость процессуальных отношений позволяет сделать вывод о наличии в уголовном судопроизводстве системы уголовно-процессуальных отношений.

В последнее время в литературе высказана мысль, что уголовно-процессуальные отношения необходимо рассматривать как «общее, единое правоотношение и конкретные правоотношения, возникающие в рамках общего, единого правоотношения»². К сожалению, автор не обосновал это положение, в силу чего мы лишены возможности проанализировать его доводы. Однако невольно возникают вопросы: где границы такого правоотношения, каковы его элементы, как выдвигаемое положение согласуется с общетеоретической конструкцией правоотношения и т. п. Не получив ответа на эти вопросы, нельзя признать правильным утверждение автора.

Понятие единого гражданского процессуального правоотношения, развивающегося в ходе судебной деятельности, известно в науке гражданского процесса³.

¹ См. Н. А. Чечина, Гражданские процессуальные отношения, Л., 1962, стр. 57.

² Л. Д. Кокорев, Участники правосудия по уголовным делам, Воронеж, 1971, стр. 30.

³ См. М. А. Гурвич, К вопросу о предмете науки советского гражданского процесса, «Ученые записки ВЮОН», вып. 4, М., 1955; он же, Основные черты гражданского процессуального правоотношения, «Советское государство и право» 1972 г. № 2; В. П. Мозолин, О гражданском процессуальном правоотношении, «Советское государство и право» 1955 г. № 6, и др.

В связи с этим хотелось бы отметить следующее. Гражданскому процессу не свойственна многостадийность в той мере, в какой она присуща уголовному судопроизводству. Нет в гражданском процессе стадий возбуждения уголовного дела, дознания и предварительного следствия, предания суду. В силу этого субъектом всех процессуальных отношений является один представитель власти — суд (в уголовно-процессуальных отношениях субъектом может быть суд, следователь, начальник следственного отдела, прокурор, лицо, производящее дознание).

Изложенное позволяет сделать вывод о недопустимости автоматического перенесения рассматриваемой конструкции в область уголовного процесса¹.

В процессе уголовного судопроизводства функционирует множество отношений. Будучи индивидуализировано, каждое из них играет определенную роль в общей системе уголовно-процессуальных отношений. В систему отдельные правоотношения объединяет общий объект, т. е. содержание материально-правового отношения. Требования ст. ст. 3, 20, 68, 108, 144, 213, 221, 303 и некоторых других УПК РСФСР достаточно определенно убеждают в этом: акцентируя внимание на необходимости установить состав преступления, они тем самым предписывают установить уголовно-правовое отношение. Именно это, а не отвлеченная идея единого уголовно-процессуального отношения объединяет процессуальные отношения в систему.

Сказанное, однако, не означает, что каждое из слагаемых этой системы не имеет самостоятельного значения. Больше того, каждое процессуальное отношение имеет только ему присущие содержание, объект и субъектный состав. Сообразно этому мы считаем методологически оправданной попытку классифицировать эти отношения.

¹ Следует отметить, что концепция единого процессуального отношения не разделяется большинством ученых в области советского гражданского процесса — см. А. Ф. Клейман, Новейшие течения в советской науке гражданского процессуального права (очерки по истории), М., 1967, стр. 7—13; А. А. Мельников, Правовое положение личности в советском гражданском процессе, М., 1969, стр. 72—73.

Первую попытку классифицировать уголовно-процессуальные отношения предпринял М. С. Строгович¹. Он считает, что все они могут быть подразделены на четыре вида. К первому, и основному, виду уголовно-процессуальных отношений он причисляет те из них, которые выражаются в действиях принудительного порядка. Второй вид — отношения, выражающиеся в действиях, которые совершают участвующие в деле лица для защиты своих интересов. К числу третьих отнесены отношения, которые выражаются в различных формах сотрудничества суда и органов следствия, должностных лиц и граждан в осуществлении правосудия. Четвертый вид — отношения между государственными органами, участвующими в уголовном процессе.

Предложенную классификацию мы не можем признать вполне удавшейся. По-видимому, понимая это, автор писал, что отношения всех четырех видов фактически переплетаются друг с другом и во многих уголовно-процессуальных отношениях сочетаются элементы двух видов и более².

Как мы полагаем, недостаток рассматриваемой классификации обусловлен отсутствием единого критерия, положенного в основу научной группировки. В одних случаях таким критерием выступает содержание правоотношения (первый вид), в других — объект (второй вид), в третьих — субъектный состав (третий и четвертый виды). В принципе, одни и те же явления можно классифицировать по разным признакам. Но тогда должно быть несколько классификаций³, а не одна смешанная.

В связи с этим более удачной следует признать классификацию, предложенную Н. Н. Полянским, который различал две группы уголовно-процессуальных отношений: субъектами одних он считал государственные органы, участвующие в уголовном процессе; субъектами

¹ См. М. С. Строгович, Уголовный процесс, М., 1946, стр. 12—13.

² См. М. С. Строгович, указ. соч., стр. 13.

³ Например, Н. А. Стручков классифицировал исправительно-трудовые отношения по виду наказания (одна группировка) и по средствам достижения целей наказания (вторая группировка).

Г. Ф. Поленов классифицировал исправительно-трудовые отношения по субъекту (см. А. Е. Наташев, Н. А. Стручков, Основы теории исправительно-трудового права, М., 1967, стр. 114—118).

других — орган власти (следователь, прокурор, суд) и кого-либо из лиц, привлекаемых или допускаемых к участию в уголовном процессе (обвиняемый, гражданский истец, свидетель и др.)¹.

Р. Д. Рахунов предложил, кроме двух упомянутых групп, выделить третью, в которую вошли бы правоотношения между такими участниками процесса, которые не являются должностными лицами суда, прокуратуры, органов следствия или дознания².

Рассматривая уголовно-процессуальные отношения, возникающие в судебном разбирательстве, Л. Д. Кокорев приходит к выводу, что они могут быть трех видов: отношения между судом и другими участниками процесса; отношения между участниками процесса, субъектом которых суд не является; сложные отношения, которые одновременно связывают в качестве субъектов суд с другими участниками процесса и непосредственно участников процесса между собой³.

Так как мы считаем, что не существует уголовно-процессуальных правоотношений, в которых бы не участвовал представитель власти⁴, классификация уголовно-процессуальных отношений, предложенная Р. Д. Рахуновым и Л. Д. Кокоревым, представляется нам неприемлемой.

Следует отметить, что при множественности уголовно-процессуальных отношений, которым присущи разнообразное содержание и объекты, представляется единственно возможной классификация уголовно-процессуальных отношений, основанная на особенностях их субъектов. Этот критерий позволяет выделить следующие группы уголовно-процессуальных правоотношений:

- 1) отношения между органом власти⁵ и обвиняемым (подсудимым);
- 2) отношения между органами власти в сфере уго-

¹ См. Н. Н. Полянский, Вопросы теории советского уголовного процесса, М., 1956, стр. 48.

² См. Р. Д. Рахунов, Участники уголовно-процессуальной деятельности, М., 1961, стр. 69.

³ См. Л. Д. Кокорев, указ. соч., стр. 40.

⁴ См. § 3 гл. IV.

⁵ Термин «орган власти» в данном случае охватывает круг должностных лиц и государственных органов, ответственных за дело, находящееся в производстве (суд, судья, прокурор, следователь, орган дознания, лицо, производящее дознание).

ловного судопроизводства (между следователем и органом дознания, прокурором и следователем, судом и прокурором и т. п.);

3) отношения между органами власти, с одной стороны, и лицами, защищающими свои процессуальные или иные интересы в уголовном процессе, а также их защитниками или представителями — с другой;

4) отношения органов власти со свидетелями и экспертами, т. е. лицами, привлекаемыми в сферу судопроизводства ввиду их возможности дать показания (заключение);

5) отношения между органами власти и иными гражданами (специалистами, понятыми, переводчиками и т. п.);

6) отношения между органами власти и представителями государственных организаций (работники учреждений связи при наложении ареста на корреспонденцию; представители домоуправления или учреждения по месту производства обыска; представители исправительно-трудовых учреждений и т. п.);

7) отношения между органами власти и представителями общественности и общественными организациями (товарищеские суды, комиссии по делам несовершеннолетних и их представители, наблюдательные комиссии и их представители, общественные обвинители и общественные защитники, иные общественные организации, коллективы трудящихся)¹.

Из этого круга представляется правомерным выделить центральное правоотношение. Таким П. С. Элькинд считает отношение между судом и подсудимым, преступные действия которого составляют предмет уголовного преследования и судебного разбирательства. Все другие правоотношения, как правильно подчеркивает П. С. Элькинд, возникающие и развивающиеся в уголовном процессе, подчинены в конечном счете наиболее правильному, соответствующему интересам со-

¹ В уголовно-процессуальные отношения могут вступать лишь такие общественные организации и их представители, участие которых в сфере уголовного судопроизводства предусмотрено нормами уголовно-процессуального закона, и лишь в тех случаях, когда это допускает уголовно-процессуальный закон (см. ст. ст. 7—10, 95, 108, 250, 363, 364, 370 и др. УПК РСФСР).

диалистического правосудия развитию именно этого, стержневого правоотношения¹.

Правильно определив юридическую сущность центрального правоотношения и очень точно назвав его стержневым, П. С. Элькинд, с нашей точки зрения, не права, сводя это отношение лишь к связи между судом и подсудимым. Правильнее было бы говорить об отношениях между обвиняемым и государственными органами власти в процессе производства по уголовному делу. Эту идею не совсем удачно выразил Б. А. Галкин, который считает, что такие отношения существуют между следователем, прокурором и судом, с одной стороны, и лицом, совершившим преступление, — с другой². Его позиция была бы точнее, если бы вместо упоминания о лице, совершившем преступление, был назван обвиняемый (подсудимый). В то же время Б. А. Галкин правильно подчеркнул, что в этом отношении реализуются нормы не только процессуального, но и материального права³.

С учетом изложенного мы считаем вполне допустимой постановку вопроса о выделении стержневого, или центрального, правоотношения⁴ и не можем согласиться с теми, кто отвергает такую возможность⁵.

До вынесения постановления о привлечении лица в качестве обвиняемого следователь (и орган дознания) направляют свою деятельность именно к тому, чтобы установить, кто и какое совершил преступление. Установив это, следователь (орган дознания) выносит постановление о привлечении лица в качестве обвиняемого, формулируя свое представление о содержании и характере уголовно-правового отношения. С нашей точки зрения, в установлении этого отношения и состоит весь смысл уголовно-процессуальных отношений⁶. В

¹ См. П. С. Элькинд, Сущность советского уголовно-процессуального права, Л., 1963, стр. 32—33.

² См. Б. А. Галкин, Советский уголовно-процессуальный закон, М., 1962, стр. 79.

³ См. там же.

⁴ Мысль о выделении основного вида отношений содержится и у М. С. Строговича (см. М. С. Строгович, указ. соч., стр. 12).

⁵ См. Р. Д. Рахунов, указ. соч., стр. 66.

⁶ Заметим, что предъявление обвинения расценивается как процессуальный акт привлечения к уголовной ответственности, прекращающий течение срока давности, предусмотренного ст. 48 УК

процессе производства по делу может изменяться и уточняться содержание уголовно-процессуального отношения между органом власти и обвиняемым, пока в конечном счете через их посредство суд не сделает в приговоре вывода о наличии уголовно-правового отношения или о его отсутствии либо неустановлении (недоказанности).

РСФСР (см. «Бюллетень Верховного Суда РСФСР» 1974 г. № 4, стр. 8—9). Стало быть, предъявление обвинения — это юридический факт, который имеет уголовно-правовое значение; его наличие исключает погашение уголовно-правовых отношений ввиду истечения давности и означает, что бытие уголовно-правового отношения перешло в новую фазу.

УГОЛОВНО-МАТЕРИАЛЬНЫЕ ПРАВООТНОШЕНИЯ И ИХ ВЗАИМОСВЯЗЬ С ПРОЦЕССУАЛЬНЫМИ ПРАВООТНОШЕНИЯМИ

Характер уголовно-правовых отношений, их специфика, особенности и место в системе правовых отношений представляют значительный интерес для теории права вообще и для теории уголовного права в частности. Между тем совсем недавно, каких-нибудь полтора десятилетия тому назад, наука уголовного права вопросам правовых отношений не уделяла внимания¹. Больше того, в науке отсутствовало даже понятие уголовно-правовых отношений². В последнее десятилетие проблемам уголовно-правовых отношений стало уделяться значительно больше внимания, хотя основные положения теории уголовно-правовых отношений представляют собой предмет спора.

Определенный вклад в научную разработку проблем уголовно-правовых отношений внесли Г. Б. Виттенберг, Н. И. Загородников, В. И. Курляндский, М. И. Ковалев, Ю. Б. Мельникова, Б. С. Никифоров, Н. А. Огурцов, А. А. Пионтковский, В. Г. Смирнов, Н. А. Стручков, П. И. Самошин, Е. А. Фролов, М. Д. Шаргородский и другие ученые. Известное участие в исследовании названных вопросов приняли и специалисты в области науки уголовного процесса — Н. Н. Полянский, М. С. Строгович, А. Л. Ривлин, П. С. Элькинд.

В силу особой и тесной связи уголовных процессуальных и материальных отношений рассмотрение

¹ См. А. Л. Ривлин, Об уголовно-правовых и уголовно-процессуальных отношениях, «Правоведение» 1959 г. № 2, стр. 105.

² См. М. С. Строгович, Уголовно-процессуальное право в системе советского права, «Советское государство и право» 1957 г. № 4, стр. 105.

последних небезразлично для науки уголовно-процессуального права. Не случайно ученые в области уголовного процесса уделили значительное внимание исследованию этих вопросов. Больше того, само понятие уголовно-правового отношения впервые было выдвинуто М. С. Строговичем и Н. Н. Полянским¹ — учеными-процессуалистами². Нам представляется необходимым уделить внимание анализу характера, составных элементов и особенностей уголовно-правового отношения. Без этого невозможно четкое представление о правовой сущности уголовно-процессуальных отношений.

В самом общем виде уголовно-правовыми отношениями признаются такие общественные отношения, которые урегулированы уголовным правом. Разумеется, это не исчерпывающее, а весьма общее представление о материальных уголовно-правовых отношениях. Оно основывается на той универсальной общетеоретической формуле правоотношений, о которой было сказано выше (см. гл. I).

Между тем совершенно очевидно, что уголовно-правовые отношения обладают особыми свойствами, которые позволяют выделить их в особую группу правоотношений. Специфика этих отношений выражается в том, что сама их возникновение обусловлено наличием особого юридического факта — совершением преступления. Таких юридических фактов в общей массе фактов, порождающих всевозможные правоотношения, относительно немного. Однако, как правильно отмечалось в литературе, важность уголовно-правового регулирования и его место в общей системе права определяются не общим количеством юридических фактов, а их существом, которое состоит в том, что с ними как наиболее опасными для общества деяниями людей (преступлениями) связано возникновение уголовных право-

¹ См. М. С. Строгович, Природа советского уголовного процесса и принцип состязательности, М., 1939, стр. 81; Н. Н. Полянский, Вопросы теории советского уголовного процесса, М., 1956, стр. 253.

² Это обстоятельство отмечено в науке специалистами как в области уголовного права (см. В. Г. Смирнов, Функции советского уголовного права, Л., 1965, стр. 154), так и в области уголовного процесса (см. М. С. Строгович, Курс советского уголовного процесса, т. I, М., 1968, стр. 88).

отношений¹. Это в свою очередь позволяет сразу же отличить уголовно-правовое отношение от любого другого.

Для того чтобы возникло правоотношение, одного лишь факта, порождающего общественные отношения, недостаточно. Поэтому в уголовном законе не только даны общее понятие преступления и его признаки (в общей части Уголовного кодекса), но также сформулирована юридическая сущность и объективные признаки каждого преступления (Особенная часть Уголовного кодекса) как юридического факта, с которым связано возникновение уголовно-правового отношения. Чтобы правильно определить, совершено ли в данном случае преступление (как юридический факт), необходимо знать и другие исходные начала уголовного права: виды и формы вины; обстоятельства, исключающие уголовную ответственность; стадии совершения преступления; возраст, с которого наступает уголовная ответственность; вменяемость и др.

Разумеется, четкое определение признаков преступления имеет значение не только для установления юридического факта.

Здесь заложена и более глубокая идея, реализация которой в нормах уголовного права наполняет содержанием уголовно-правовые отношения, порожденные этим юридическим фактом. Нормы уголовного права не только определяют состав юридических фактов, с которыми связано возникновение уголовного правоотношения, но и регламентируют содержание, рамки, объект уголовных правоотношений. «Признаки преступного деяния, данные в Общей и Особенной частях кодекса, определяют в действиях лица состав преступления как основание его уголовной ответственности. Нормы уголовного права, — писал А. А. Пионтковский, — как в санкциях статей Особенной части Уголовного кодекса, так и в ряде положений его Общей части, касающихся наказания и его назначения, определяют объем карательной власти государства в отношении виновного, а равно и

¹ См. Е. В. Болдырев, Общие предпосылки совершенствования уголовного законодательства, «Вопросы борьбы с преступностью», вып. 16, М., 1972, стр. 28—29.

особое субъективное право самого преступника в процессе осуществления карательной власти государства»¹.

Рассмотрение уголовной ответственности в качестве элемента уголовно-правового отношения ставит лицо, несущее уголовную (т. е. юридическую) ответственность, в положение субъекта правоотношения. Говоря о сущности отношений, возникающих в связи с преступлением между лицом, его совершившим, и государством, уместно вспомнить слова К. Маркса: «Всякое право государства по отношению к преступнику есть вместе с тем и право преступника по отношению к государству»².

В уголовном правоотношении, как и в любом правоотношении, при внимательном анализе просматривается двусторонний механизм взаимодействия прав и обязанностей. Принципиально неправ был М. А. Чельцов, когда утверждал: «В уголовном праве нормы устанавливают одностороннюю правовую обязанность граждан не нарушать запретов уголовного закона; этой обязанности не соответствует право какого-либо субъекта»³. Начнем с того, что право государства на привлечение преступника к уголовной ответственности — это и его обязанность, в противном случае государство могло бы отказаться или уклониться от выполнения этой функции⁴. И далее: преступник обязан нести перед государством ответственность. Но, как субъект правоотношения, он вправе требовать, чтобы характер и размер ответственности были ему определены в соответствии с законом, с учетом характера содеянного, размера ущерба, с учетом обстоятельств, характеризующих личность, всех смягчающих обстоятельств, обозначенных и не обозначенных в уголовном кодексе, и т. п. Сказанное свидетельствует, что не вполне был прав М. С. Строгович, полагая, что, лицо, совершившее пре-

¹ «Курс советского уголовного права. Часть Общая», т. I, М., 1970, стр. 14.

² К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. I, стр. 150.

³ М. А. Чельцов, Советский уголовный процесс, М., 1962, стр. 16.

⁴ См. «Курс советского уголовного права. Часть Общая», т. I, Л., 1968, стр. 13.

ступление, ставит себя в определенное отношение к государству, несет перед государством уголовную ответственность за содеянное¹. Как было показано, это одна, но не единственная сторона правоотношения.

Распространенный в общей теории права взгляд на правоотношение как на норму в действии, как на средство реализации велений и запретов, содержащихся в нормах права, в целом является правильным, его значение для всех отраслей права не вызывает сомнений. Но из этого верного и важного положения делается иногда не вполне правильный вывод, что нормы права реализуются лишь через правоотношения². Быть может, это и верно применительно к отдельным нормам и даже правовым институтам. Но такой вывод не может быть принят в качестве общего и универсального положения, притом распространяемого на все отрасли права.

Мы полагаем, что такая конструкция не всегда применима, когда речь идет о реализации норм уголовного права. Как правильно отмечает Л. С. Явич, нормы Особенной части Уголовного кодекса реализуются не только тогда, когда есть преступление, но и во всех случаях соблюдения и исполнения норм, запрещающих тот или иной вариант поведения, поскольку эти нормы установлены для сообразования с ними действий людей, а предусмотренные ими меры воздействия служат юридической гарантией их исполнения³.

В данном случае налицо реализация вне правоотношений норм права, устанавливающих запреты. «Та-

¹ См. М. С. Строгович, Вопросы теории правоотношений, «Советское государство и право» 1964 г. № 6, стр. 56. Позднее М. С. Строгович внес коррективы в свою позицию, четко подчеркнув двусторонний характер уголовно-правовых отношений (см. «Курс советского уголовного процесса», т. I, М., 1968, стр. 90).

² Так, М. С. Строгович утверждает, что непосредственная реализация правовой нормы, предусматривающей определенное поведение и связывающей с ним определенные юридические следствия, производится не иначе как через правоотношения (М. С. Строгович, Вопросы теории правоотношений, «Советское государство и право» 1964 г. № 6, стр. 51).

³ См. «Общая теория советского права» под ред. С. Н. Братуся и И. С. Самощенко, М., 1966, стр. 257. О возможности реализации норм права вне правоотношений Л. С. Явич пишет и в своей новой работе «Право и общественные отношения» (М., 1971, стр. 5, 107—114).

кие нормы в негативной форме определяют поступки людей... Добровольное их соблюдение (исполнение) не связано с конкретными правоотношениями, которые возникают лишь в случаях нарушения правопорядка...»¹. В этом добровольном исполнении гражданами обязанностей (запретов), содержащихся в Уголовном кодексе, и состоит реализация правовых норм. Именно этот путь реализации норм прежде всего имеет в виду советский законодатель, принимая уголовно-правовую норму.

Это свойство уголовно-правовых норм и специфику их реализации, как нам представляется, не совсем точно выразил М. И. Ковалев, который пришел к выводу, что «уголовное право создает целую систему общественных отношений, регулируемых правом, то есть правоотношений, которые становятся таковыми в силу акта издания уголовно-правовой нормы»². К подобным, с нашей точки зрения ошибочным, выводам автора привели не совсем правильные, на наш взгляд, исходные положения, состоящие в том, что:

а) право не существует без правоотношений³;

б) уголовное право создает определенные отношения, которые оно затем и охраняет⁴. Хотел того автор или нет, но он оказался в логически порочном круге.

Выход из этого положения, по нашему мнению, следует искать в том пути, который указывал К. Маркс, когда писал: «Мои исследования привели меня к тому результату, что правовые отношения коренятся в материальных жизненных отношениях...»⁵.

Именно отрыв от материальной основы уголовных правоотношений привел М. И. Ковалева к представлению о безгранично широком характере этих отношений, застывших в безбрежном пространстве. Всеобщий характер этих отношений адекватен правоотношениям с неопределенным субъектным составом. Как известно, таких правоотношений в реальной действительности не существует. Права О. С. Иоффе и М. Д. Шаргородский, утверждая, что «в уголовном правоотношении, если бы

¹ «Общая теория советского права» под ред. С. Н. Братуся и И. С. Самощенко, М., 1966, стр. 256—257.

² М. И. Ковалев, указ. соч., стр. 95.

³ См. М. И. Ковалев, указ. соч., стр. 95.

⁴ Там же, стр. 95, 96.

⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 13, стр. 6.

оно возникло до момента совершения преступления, активную функцию не выполнил бы ни один из его субъектов»¹.

М. И. Ковалеву не удалось опровергнуть этого положения. Его упрек, что суждения О. С. Иоффе и М. Д. Шаргородского носят формальный характер, скорее свидетельствует о слабости его позиции.

М. И. Ковалев пишет: «Коль скоро существует требование закона, обращенное ко всем гражданам, то оно и представляет собой определенную правовую обязанность в отношении тех, кого она касается. Государство же в случае нарушения или неисполнения велений закона имеет право применять соответствующую правовую норму. В этом и заключается уголовно-правовое отношение первого вида. Но как только совершено общественно опасное и уголовно наказуемое деяние, то в этот момент возникает уголовно-правовое отношение второго вида...»².

Наличие установленной законом обязанности — это еще не правоотношение и даже не общественное отношение. Такого нет там, где нет связи субъектов и нет базы для этой связи. Там, где М. И. Ковалев усмотрел наличие уголовно-правового отношения первого вида, по сути дела есть лишь формулирование юридического факта, вызывающего к жизни уголовное правоотношение (как его именует М. И. Ковалев, «уголовно-правовое отношение второго вида»). Мы вполне согласны с Н. Г. Александровым, который считает, что нормы права, устанавливающие общие запреты совершать те или иные действия (в частности, нормы уголовного права), не предусматривают правоотношений, а лишь «предусматривают действия, совершение которых влечет возникновение правовых отношений по применению санкций, и определяют виды и размеры этих санкций»³. Следовательно, возникновение уголовно-правового отношения вызывается не изданием уголовно-правовой нормы, а наличием юридического факта (совершение уголовно наказуемого деяния), который приводит в действие норму права.

¹ О. С. Иоффе, М. Д. Шаргородский, Вопросы теории права, М., 1961, стр. 216.

² М. И. Ковалев, указ. соч., стр. 100.

³ Н. Г. Александров, Право и законность в период развернутого строительства коммунизма, М., 1961, стр. 192.

Одним из дискуссионных в теории уголовного права является вопрос о моменте возникновения уголовных правоотношений.

В. Г. Смирнов, например, считает, что материальное уголовно-правовое отношение возникает в момент вступления приговора в законную силу¹. Близка к этой точке зрения позиция П. Е. Недбайло, полагающего, что уголовно-правовое отношение возникает на основе приговора². Иных взглядов придерживался А. Л. Ривлин. Он, как Я. М. Браинин и Г. Б. Виттенберг, находил, что уголовно-правовые отношения возникают с момента привлечения лица в качестве обвиняемого³.

Большинство советских ученых считают, что момент возникновения уголовно-правовых отношений является момент совершения преступления, которое рассматривается в качестве юридического факта, вызывающего возникновение уголовно-правового отношения. Именно такова позиция Н. Г. Александрова, В. Н. Кудрявцева, Н. А. Стручкова, Н. Н. Полянского, А. А. Пионтковского, М. С. Строговича⁴, М. Д. Шаргородского и многих других.

Представляется правильной последняя точка зрения. Совершение преступления — юридический факт, порож-

¹ См. В. Г. Смирнов, *Функции советского уголовного права*, Л., 1965, стр. 158—159. Аналогичные взгляды им высказывались и ранее (см. «Правоведение» 1961 г. № 3, стр. 98). Позицию В. Г. Смирнова разделяют Р. Д. Рахунов (см. «Участники уголовно-процессуальной деятельности», М., 1961, стр. 62—63) и Н. И. Загородников (см. «О пределах уголовной ответственности», «Советское государство и право» 1967 г. № 7, стр. 44).

² См. П. Е. Недбайло, *Применение советских правовых норм*, М., 1960, стр. 485.

³ См. А. Л. Ривлин, *Об уголовно-правовых и уголовно-процессуальных отношениях*, «Правоведение» 1959 г. № 2, стр. 108, 109; Я. М. Браинин, *Уголовная ответственность и ее основание в советском праве*, М., 1963, стр. 21; Г. Б. Виттенберг, *Вопросы освобождения от уголовной ответственности и наказания с применением мер общественного воздействия (часть первая)*, Иркутск, 1970, стр. 119—121.

⁴ М. С. Строгович в 1957 году занимал не совсем правильную, с нашей точки зрения, позицию, считая, что «в уголовно-правовом отношении фигурирует преступник, т. е. лицо, виновность которого установлена, признана в законном порядке» («Советское государство и право» 1957 г. № 4, стр. 105). В дальнейшем М. С. Строгович последовательно во всех работах утверждает, что уголовно-правовое отношение возникает с совершением преступления (см. «Курс советского уголовного процесса», М., 1958, стр. 49, и др.).

дающий уголовные правоотношения, подобно тому как факт причинения вреда порождает гражданско-правовые отношения независимо от того, когда возбуждено гражданское судопроизводство (разумеется, в пределах срока исковой давности).

Попытку связать возникновение уголовно-правовых отношений с уголовно-процессуальной деятельностью, с принятием тех или других уголовно-процессуальных актов вряд ли можно признать обоснованной. Деятельность субъектов уголовно-процессуальных отношений направлена на установление уголовно-правового отношения, она может быть успешной или нет, но у государства остается право привлечь к ответственности преступника, а у последнего — обязанность отвечать перед государством в соответствии с уголовным законом.

Уголовно-процессуальные отношения, как было показано, являются отношениями субъективными; уголовно-правовые отношения объективны по своему характеру.

Возникновение уголовных правоотношений не может быть следствием реализации уголовно-процессуальных отношений. Суд, равно как и следователь, может установить или не установить уголовно-правовые отношения, может установить их полностью или частично. Но ни суд, ни следователь, ни прокурор не могут создать уголовно-правовые отношения, существующие в силу совершения преступления, т. е. вне и независимо от сознания следователя, прокурора, суда.

Обратимся к анализу юридических положений, высказанных авторами, с которыми мы позволяем себе не согласиться.

Г. Б. Виттенберг считает, что привлечение лица в качестве обвиняемого означает также наличие уголовно-правового отношения, которое с этого момента становится реальным¹. Между тем уголовно-правовое отношение существует реально не потому, что вынесено постановление о привлечении лица в качестве обвиняемого, а потому, что имел место юридический факт — совершение деяния, ответственность за которое установлена уголовным законом. Постановление же, основанное на доказательствах, констатирует лишь его уста-

¹ См. Г. Б. Виттенберг, указ. соч., стр. 121.

новление, и выносится оно не потому, что есть обоснованное предположение о виновности лица, как считает Г. Б. Виттенберг¹, а потому, что следователь убежден в виновности лица, привлекаемого в качестве обвиняемого.

Связывая появление уголовно-правовых отношений с привлечением лица в качестве обвиняемого, Я. М. Браинин, Г. Б. Виттенберг, А. Л. Ривлин (доводы которых существенно не различаются) не проводят различий между уголовно-правовыми и процессуальными отношениями. Между тем привлечение в качестве обвиняемого — акт чисто процессуального значения. Его роль — констатировать появление уголовно-процессуального отношения между лицом, обвиняемым в совершении преступления, и следователем. Подчеркнем, не вообще уголовно-процессуальных отношений (они существуют и до этого момента), а именно отношений между следователем и обвиняемым.

Цель расследования, если ее сопоставлять с проблемой правоотношений, заключается в том, что следователь (как и впоследствии суд) должен установить, существует ли уголовно-правовое отношение, имел ли место юридический факт, породивший его.

Поэтому не вполне точно утверждение П. С. Элькиндр, что уголовное правоотношение на первых порах складывается не всегда достаточно определенно, в силу чего обычно требуется всестороннее расследование и судебное рассмотрение для выявления виновных и содеянного². Расследование и судебное рассмотрение действительно требуются, но не потому, что уголовное правоотношение «складывается не всегда достаточно определенно», а потому, что объективно, реально и определенно существующее уголовно-правовое отношение невозможно реализовать иначе как посредством процессуальной формы и через уголовно-процессуальные отношения. Именно поэтому независимо от того, какое складывается впечатление у лица (следователя, органа дознания и т. п.), получившего первичную ин-

¹ См. Г. Б. Виттенберг, указ. соч., стр. 120.

² См. П. С. Элькиндр, Сущность советского уголовно-процессуального права, Л., 1963, стр. 19. Позицию П. С. Элькиндр разделяют Я. М. Браинин (см. «Уголовный закон и его применение», М., 1967, стр. 98) и Г. Б. Виттенберг (см. указ. соч., стр. 121).

формацию о содеянном, при наличии достаточных данных, указывающих на признаки преступления (иными словами, при наличии предположения о существовании уголовно-правового отношения), возбуждается уголовное дело. При этом с помощью уголовно-процессуальных отношений происходит не уточнение уголовных правоотношений, как иногда считают¹, а их установление.

Поскольку постановление о привлечении лица в качестве обвиняемого следователь может вынести лишь при наличии достаточных доказательств, дающих основание для предъявления обвинения в совершении преступления (ст. 143 УПК РСФСР), постольку можно сделать вывод, что именно в этот момент следователь (как орган государства) впервые формулирует в процессуальном документе свои субъективные представления об объективной действительности, имевшей место в прошлом (т. е. о преступлении как юридическом факте) и существующей в настоящем (его мнение о характере существующего уголовного правоотношения)². Но это субъективное представление может быть либо истинным, либо ложным. Стало быть, вынесение постановления о привлечении лица в качестве обвиняемого не означает, что именно это лицо совершило инкриминируемое преступление³, как не означает и тем более не порождает уголовно-правового отношения. Последнее существует и до вынесения постановления о привлечении лица в качестве обвиняемого, притом далеко не всегда в том виде, в каком его представляет следователь при вынесении постановления о привлечении лица в качестве обвиняемого. Можно себе представить существование процессуального отношения между

¹ См. Г. Б. Виттенберг, указ. соч., стр. 121—122.

² Отсутствие в постановлении о привлечении лица в качестве обвиняемого достаточных данных, подтверждающих правильность квалификации содеянного, — грубое нарушение, искажающее характер уголовно-правового отношения, а тем самым и сущность субъективных прав сторон в уголовно-правовом отношении. По данным Ю. В. Манаева, до 19% постановлений не содержат указания о том, в чем заключается особая дерзость и цинизм хулиганских действий обвиняемого; в 22% постановлений по автотранспортным преступлениям не указывается правило, нарушенное водителем («Советская юстиция» 1973 г. № 21, стр. 14). Подобный недостаток в процессуальном аспекте нарушает право обвиняемого на защиту.

³ См. Л. М. Карнеева, Привлечение к уголовной ответственности, М., 1971, стр. 16.

обвиняемым и следователем и при отсутствии соответствующего уголовного правоотношения. Это имеет место, когда лицо привлекается к уголовной ответственности, а преступления либо не было вовсе, либо оно совершено другим лицом. В подобных случаях уголовно-правового отношения не может быть, так как субъектом такого отношения является то лицо, которое в действительности совершило преступление, а не то, которому предъявлено обвинение¹. И, напротив, может быть такое положение, когда уголовно-правовое отношение существует, а соответствующего ему уголовно-процессуального отношения между обвиняемым и следователем нет. Такое положение создается, в частности, когда преступление не раскрыто, преступник не обнаружен.

По аналогичным основаниям мы не разделяем позицию П. Е. Недбайло, В. Г. Смирнова и других ученых, связывающих возникновение уголовного правоотношения с вынесением обвинительного приговора. Прав был А. А. Пионтковский, утверждая, что подобная позиция — результат смешения двух понятий: возникновения правоотношений и их констатации судом, который, вынося обвинительный приговор, вместе с тем определяет конкретную материальную форму ответственности за содеянное².

«Уголовно-правовое отношение, — пишет Е. А. Фролов, — возникает с момента совершения преступления... Однако учинение преступления как юридический факт, хотя и порождает уголовно-правовое отношение, правового положения лица само по себе не меняет. Это может сделать только суд путем вынесения обвинительного приговора и реализации тем самым уголовной ответственности, причем эта реализация создает для виновного особое состояние, специфической особенностью которого

¹ Это обстоятельство отмечено в литературе: см. М. С. Строгович, Курс советского уголовного процесса, М., 1958, стр. 49; он же, Курс советского уголовного процесса, т. I, М., 1968, стр. 89—90; А. А. Пионтковский, Правоотношение в уголовном праве, «Правоведение» 1962 г. № 2, стр. 89; «Курс советского уголовного права», т. I, М., 1970, стр. 15—16; М. И. Ковалев, указ. соч., стр. 104.

² См. «Курс советского уголовного права», т. III, М., 1970, стр. 9—10.

является ущемленный правовой статус»¹. Приговор суда, таким образом, не делает и не может делать человека преступником, а лишь признает им того, кто стал таковым в момент совершения преступления².

По своей правовой природе уголовно-правовые отношения напоминают гражданско-правовые, возникающие в связи с наличием обязательств из причинения вреда. Между тем в науке гражданского права не вызывает сомнений факт появления гражданско-правовых отношений в рассматриваемых случаях с момента наступления вреда. Здесь, однако, есть и специфика, обусловленная тем, что: а) деяние (действие или бездействие) является уголовно наказуемым (а следовательно, юридическим фактом) даже тогда, когда преступление не доведено до конца по независящим от преступника причинам; б) гражданско-правовая ответственность наступает лишь в связи с наличием имущественного вреда, причиненного потерпевшему. При этом момент наступления вреда может и не совпадать во времени с моментом совершения вредоносных действий (или бездействия), причинивших вред. С момента наступления вреда и начинает течь исковая давность по этим обязательствам³. Давность же привлечения к уголовной ответственности наступает с момента совершения преступления (ст. 41 Основ уголовного законодательства)⁴.

Рассматривая уголовную ответственность в качестве элемента уголовного правоотношения, мы, естественно, имеем основание сделать вывод: уголовное правоотношение в целом и его отдельные элементы возникают одновременно. Их рождение обусловлено юридическим фактом — совершением преступления.

¹ «Советское уголовное право. Часть Общая», под ред. М. И. Ковалева, Е. А. Фролова, Р. Р. Галиакбарова, Свердловск, 1972, стр. 22.

² См. М. С. Строгович, Курс советского уголовного процесса, т. I, 1968, М., стр. 89.

³ См. Б. С. Антимонов, Гражданская ответственность за вред, причиненный источником повышенной опасности, М., 1952, стр. 275—286; И. Б. Новицкий, Сделки. Исковая давность, М., 1954, стр. 177; Б. С. Черепашин, О начальном моменте течения исковой давности, «Вестник Ленинградского университета» 1959 г. № 5, вып. 1, стр. 117.

⁴ См. П. И. Самойлов, Единство уголовно-правовых отношений, «Советское государство и право» 1971 г. № 1, стр. 98.

Весьма спорным в юридической науке оказался вопрос о субъектах уголовного правоотношения. Одни авторы считают им лицо, совершившее преступление¹, другие — осужденного², третьи — осужденного и обвиняемого³, четвертые — лицо, виновное в совершении преступления⁴.

Поскольку мы считаем, что уголовное правоотношение возникает с момента совершения преступления, мы, естественно, придерживаемся первой точки зрения. При этом имеется в виду лицо, в действительности совершившее преступление; в последующем оно может стать обвиняемым, подсудимым, осужденным. Но этого может и не быть, если преступление не раскрыто либо к ответственности по ошибке привлечено другое лицо. Стало быть, лицо, фактически совершившее преступление, обвиняемый, подсудимый и осужденный могут совпадать, а могут и не совпадать. Говоря о субъекте уголовного правоотношения, мы имеем в виду лицо, фактически совершившее преступление.

Предметом дискуссии оказался и вопрос о втором субъекте уголовного правоотношения. Одни авторы считают, что субъектом этого правового отношения является государство⁵, другие признают таким субъектом органы власти (судебные, прокурорские и следственные органы)⁶, третьи — государство в лице его судебно-

¹ См. М. С. Строгович, Курс советского уголовного процесса, М., 1958, стр. 50; он же, Курс советского уголовного процесса, т. I, М., 1968, стр. 91; Н. Н. Полянский, Вопросы теории советского уголовного процесса, М., 1956, стр. 253—254; А. А. Пионтковский, Правоотношения в уголовном праве, «Правоведение» 1962 г. № 2, стр. 89; «Курс советского уголовного права», т. I, М., 1970, стр. 14; «Курс советского уголовного права», т. I, Л., 1968, стр. 14, и др.

² См., например, В. Г. Смирнов, указ. соч., стр. 162.

³ См., например, А. Л. Ривлин, указ. соч., стр. 109; Я. М. Брайнин, Уголовная ответственность и ее основание в советском уголовном праве, М., 1963, стр. 17—18.

⁴ См. Г. Б. Виттенберг, указ. соч., стр. 115.

⁵ См. М. С. Строгович, указ. соч., стр. 91; «Курс советского уголовного права», т. I, Л., 1968, стр. 15; М. И. Ковалев, указ. соч., стр. 114, и др.

⁶ См. Н. Н. Полянский, указ. соч., стр. 253—256; С. Ф. Кечекьян, Правоотношения в социалистическом обществе, М., 1958, стр. 182—183; А. Л. Ривлин, указ. соч., стр. 109; Я. М. Брайнин, указ. соч., стр. 15—18; Г. Б. Виттенберг, указ. соч., стр. 115.

прокурорских органов¹. По сути дела, четвертую точку зрения высказал В. Г. Смирнов, который считает, что, с одной стороны, субъектом является осужденный либо лицо, имеющее судимость, а с другой стороны, — государственный орган, исполняющий приговор, либо общественная организация или коллектив рабочих и служащих, на которые возложены обязанности по исправлению и воспитанию осужденного².

Мы не можем согласиться с мнением В. Г. Смирнова. Как представляется, при такой интерпретации происходит слияние субъектов уголовных и исправительно-трудовых правоотношений.

С нашей точки зрения, субъектом уголовно-правового отношения является государство. Именно государство посредством издания уголовно-правовых норм выражает отношение к содеянному и к лицу, совершившему преступление, устанавливает характер и размер ответственности за те или иные действия. Следовательно, совершая преступление, лицо ставит себя в определенное отношение к государству, а не к его органу³. Тот факт, что государство многие функции осуществляет через посредство тех или других органов, не опровергает сказанного. Уголовно-правовые отношения устанавливаются и реализуются с помощью процессуальных средств, т. е. через уголовно-процессуальные отношения. В уголовном судопроизводстве наделенные властью представители государства (суд, прокурор, следователь, орган дознания) вступают в различные отношения, в том числе и с обвиняемым, подсудимым и т. п. Но это будут не уголовно-правовые, а уголовно-процессуальные отношения.

Итогом функционирования процессуальных правоотношений на предварительном следствии и в суде является констатирование, установление (а не создание) уголовных правоотношений. В стадии предварительного расследования это делает орган дознания, следова-

¹ См. «Курс советского уголовного права», т. I, М., 1970, стр. 14; Н. И. Загородников, О содержании уголовно-правовых отношений, «Советское государство и право» 1963 г. № 11, стр. 86.

² См. В. Г. Смирнов, указ. соч., стр. 162—163.

³ Это обстоятельство отметил М. С. Строгович (См. «Курс советского уголовного процесса», т. I, М., 1968, стр. 91—92).

тель, прокурор, формулируя свои выводы о характере установленных (или устанавливаемых) уголовно-правовых отношений в постановлении о привлечении лица в качестве обвиняемого, в обвинительном заключении. Окончательный вывод об установлении уголовно-правовых отношений и их характере делает суд в приговоре. Но при этом ни следователь, ни суд, ни прокурор не трансформируются в субъекты материальных уголовных отношений, а остаются субъектами уголовно-процессуальных отношений. Поскольку со вступлением приговора в законную силу презюмируется его истинность, постольку презюмируется и установление уголовно-правовых отношений, существовавших до вынесения приговора и продолжающих существовать с его вынесением.

Объектом уголовно-правовой охраны в условиях социалистического общества выступают такие общественные отношения, в сохранении и развитии которых заинтересовано общество и государство. Когда человек совершает преступление, возникают общественные отношения, чуждые природе и интересам социалистического общества. Таким образом, возникают, как их называют некоторые ученые, конфликтные общественные отношения, которые (с точки зрения общества и государства) подлежат разрушению¹.

В соответствии с этим Е. А. Фролов, как мы полагаем, обоснованно выделяет два различных предмета уголовного права:

1) предмет уголовно-правовой охраны — социалистические общественные отношения, в сохранности и развитии которых заинтересовано общество и государство;

2) предмет уголовно-правового регулирования — конфликтные, чуждые социалистическому строю общественные отношения, в разрушении и ликвидации которых заинтересовано советское общество и государство².

¹ См. Н. С. Лейкина, Личность преступника и уголовная ответственность, Л., 1968, стр. 23; Е. А. Фролов, Объект уголовно-правовой охраны и его роль в организации борьбы с посягательствами на социалистическую собственность. Докт. дисс., Свердловск, 1971, стр. 6—7.

² См. Е. А. Фролов, указ. соч., стр. 7—8.

Именно в результате правового регулирования общественных отношений, составляющих второй предмет уголовного права, возникают уголовно-правовые отношения, «регулируемые посредством реализации уголовной ответственности в рамках уголовно-правовых отношений...»¹.

В соответствии со сказанным представляет теоретический интерес анализ соотношения уголовной ответственности и уголовных правоотношений. Но прежде чем к этому обратиться, представляется необходимым рассмотреть вопрос об объекте уголовно-правовых отношений, который недостаточно исследован в теории². Между тем, лишь раскрыв объект правоотношения, как и любого общественного отношения, можно понять идею, смысл самого существования правового (как и всякого иного) общественного отношения.

В принципе, марксистская диалектика исходит из соотносимости понятий объекта и субъекта как составных элементов общественного отношения. «Субъект с точки зрения марксистской философии — это прежде всего деятельное, практическое существо, а объект — предмет его деятельности»³.

Следовательно, объект можно рассматривать как внешний предмет по отношению к субъекту, именно на него нацелена деятельность субъекта⁴. Но его можно рассматривать и иначе, считая объектом то, в связи с чем или по поводу чего совершаются действия субъекта.

Применительно к правоотношениям вообще и уголовно-правовым отношениям в частности нам представляется предпочтительным второй подход к анализу сущности объекта. Тогда понятие объекта правоотно-

¹ Е. А. Фролов, указ. соч., стр. 15.

² Это обстоятельство справедливо отмечено Н. А. Огурцовым в работе «XXIV съезд КПСС и некоторые вопросы развития науки советского уголовного права» («XXIV съезд КПСС о задачах дальнейшего укрепления социалистической законности и правопорядка», Волгоград, 1972, стр. 86).

³ В. А. Лекторский, Проблема субъекта и объекта в классической и современной буржуазной философии, М., 1965, стр. 7.

⁴ См. Н. И. Коржанский, Развитие уголовно-правовой науки об охране социалистических общественных отношений, «XXIV съезд КПСС о задачах дальнейшего укрепления социалистической законности и правопорядка», Волгоград, 1972, стр. 98.

шения становится близким понятию «результат», хотя и не совпадает с ним.

По мнению П. С. Элькинд, объект правоотношения — это то, «на что направлено его содержание»¹. Трудно себе представить, чтобы в уголовно-правовом отношении деятельность всех субъектов была нацелена на достижение уголовно-правового результата, соответствующего предписаниям статей Особенной части Уголовного кодекса (таков, по ее мнению, общий объект уголовного правоотношения). Если с определенными оговорками это характерно для одной стороны (государства), то вряд ли это характерно для другой стороны. Кроме того, о сознательной направленности действий субъектов правоотношения можно говорить, когда речь идет о субъективных отношениях (например, уголовно-процессуальных); объективные правоотношения потому и надлежит установить, констатировать, что в них внешне никак не проявляется эта направленность. Она проявляется лишь на определенном этапе существования приведенных в действие уголовно-процессуальных отношений: когда у следователя возникают определенные представления о сущности и характере возникших в связи с совершением преступления правоотношений.

Итак, мы считаем объектом уголовного правоотношения то, в связи с чем или по поводу чего совершаются действия субъектов правового отношения. Поэтому мы не можем согласиться с В. Г. Смирновым, считающим объектом уголовного правоотношения действия субъектов правоотношения (государства и осужденного)², т. е. отождествляющим содержание и объект правоотношения.

Основываясь на исходном понятии объекта правоотношения, о котором шла речь выше, П. С. Элькинд делает вывод, что «общим объектом уголовно-правового отношения будет наказание (в установленных законом пределах) и тем самым воспитание и перевоспитание лиц, совершивших преступление»³.

¹ П. С. Элькинд, Сущность советского уголовно-процессуального права, Л., 1963, стр. 14.

² См. В. Г. Смирнов, указ. соч., стр. 164.

³ П. С. Элькинд, указ. соч., стр. 14.

Иных взглядов по этому вопросу придерживается Ю. Б. Мельникова, которая считает, что общий объект уголовно-правовых отношений совпадает с задачами советского уголовного законодательства, сформулированными в ч. 1 ст. 1 Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик, а специальный объект — конкретное уголовное наказание за преступное деяние¹.

Подвергнув критике позиции П. С. Элькинд и Ю. Б. Мельниковой, Н. А. Огурцов в свою очередь сделал вывод, что общим объектом уголовного правоотношения является преступление, а непосредственным — конкретный (персонифицированный) состав преступления, содержащийся в деянии лица, совершившего преступление².

Авторы, утверждающие, что существуют два объекта уголовно-правового отношения, к сожалению, не приводят доказательств выдвигаемых положений. Не имея возможности анализировать их доводы, мы считаем возможным не согласиться с такой позицией.

Представляется неверным считать объектом уголовного правоотношения преступление. Преступление — юридический факт, вызвавший правоотношение. Он существует в объективной действительности. Действия участников уголовного правоотношения не могут быть направлены на этот факт, так как в подобных действиях нет смысла. Если речь идет об установлении факта преступления, что можно вывести из рассуждений Н. А. Огурцова, то логичнее было бы сделать вывод об объекте, или предмете, уголовно-процессуальных отношений. Иначе говоря, автор смешивает, по нашему мнению, объекты материальных и процессуальных отношений.

Более правильной представляется позиция П. С. Элькинд и Ю. Б. Мельниковой, рассматривающих в качестве объекта уголовно-правового отношения наказание. Однако, с нашей точки зрения, наказание следует рассматривать лишь в качестве части объекта, так как оно само — часть другого правового явления —

¹ См. Ю. Б. Мельникова, О понятии и сущности уголовно-правовых отношений, «Советское государство и право» 1970 г. № 6, стр. 94.

² См. Н. А. Огурцов, указ. соч., стр. 91.

уголовной ответственности. Мы считаем, что уголовно-правовые отношения необходимы для урегулирования конфликта, возникшего между государством и гражданином вследствие совершения последним уголовно наказуемого деяния. Методом, правовым средством, с помощью которого этот конфликт устраняется, является уголовная ответственность¹.

Разумеется, уголовную ответственность есть основания считать объектом уголовного правоотношения лишь в том случае, если ее сущность воспринимать как причинение преступнику определенных лишений, страданий и ограничений личного, имущественного или иного характера, названных в санкции статьи Уголовного кодекса². Именно «причинение определенных лишений» как исходное начало в понимании уголовной ответственности выражает юридическую сущность правовой ответственности вообще и уголовной ответственности в частности.

Концепция уголовной ответственности как обязанности подвергнуться мере уголовного воздействия, столь распространенная среди ученых в области уголовного права³, ведет к отождествлению понятий субъективной обязанности (лица, в действительности совершившего преступления) и уголовной ответственности. Видимо, это и привело одних авторов к отождествлению понятий объекта и содержания уголовно-правового отношения⁴, других — к стиранию грани между уголовным правоотношением и уголовной ответственностью⁵. Предлагаемая нами конструкция уголовной

¹ См. В. П. Божьев, Е. А. Фролов, Уголовно-правовые и процессуальные правоотношения, «Советское государство и право» 1974 г. № 1, стр. 88.

² Близко к нашей позиции понятие ответственности, данное И. С. Самощенко и М. Х. Фарукшиным (см. И. С. Самощенко, М. Х. Фарукшин, Ответственность по советскому законодательству, М., 1971, стр. 68), а также И. М. Гальпериним (см. И. М. Гальперин, указ. соч., стр. 71).

³ См. Н. С. Лейкина, указ. соч., стр. 31; «Курс советского уголовного права», т. 1, Л., 1968, стр. 225. На подобной позиции стоял А. А. Пионтковский (см. «Советское государство и право» 1967 г. № 12, стр. 40; «Курс советского уголовного права», т. III, М., 1970, стр. 7).

⁴ См. В. Г. Смирнов, указ. соч., стр. 164.

⁵ См. Н. И. Загородников, О содержании уголовно-правовых отношений, «Советское государство и право» 1963 г. № 11, стр. 86; П. И. Самошин, указ. соч., стр. 97, 98.

ответственности позволяет рассматривать ее в качестве элемента (объекта) уголовного правоотношения.

Сказанное вместе с тем не дает оснований согласиться с позицией И. М. Гальперина, по мнению которого уголовная ответственность представляет собой не элемент или часть уголовного правоотношения, а лишь его следствие. Конечно, ответственность лица, совершившего преступление, наступает лишь на определенном этапе существования правоотношения¹, но она не результат, не следствие правоотношения, ибо уголовное правоотношение продолжает существовать и после применения мер уголовной ответственности и прекращается с момента погашения или снятия судимости либо с момента применения акта амнистии, а равно с истечением срока давности².

Лишь рассматривая уголовную ответственность в качестве объекта уголовно-правового отношения, можно в достаточной степени оценить социальную роль уголовных правоотношений. Как было отмечено, уголовно-правовые отношения необходимы для урегулирования конфликта, возникающего между государством, обществом, с одной стороны, и гражданином вследствие совершения последним преступления — с другой. Они являются той правовой формой, в рамках которой происходят разрешение и ликвидация конфликта.

Исходным положением при исследовании проблем взаимосвязи уголовных материальных и процессуальных отношений мы, как и многие другие советские ученые, считаем известные указания К. Маркса о взаимосвязи уголовного материального и процессуального права: «Судебный процесс и право так же тесно связаны друг с другом, как, например, формы растений связаны с растениями, а формы животных — с мясом и кровью животных. *Один и тот же* дух должен одушевлять судебный процесс и законы, ибо процесс есть только *форма жизни закона*, следовательно, проявление его внутренней жизни»³.

¹ Аналогична позиция И. С. Самощенко и М. Х. Фарукшина (см. указ. соч., стр. 69).

² См. «Советское уголовное право. Часть Общая» под ред. М. И. Ковалева, Е. А. Фролова, Р. Р. Галиакбарова, Свердловск, 1972, стр. 22.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 1, стр. 158.

Столь тесная взаимосвязь смежных понятий и явлений приводит к выводу, что наиболее правильным является комплексный подход при исследовании проблем материальных и процессуальных правовых отношений.

М. С. Строгович, интерпретируя приведенные высказывания К. Маркса, правильно, на наш взгляд, подчеркивает, что процессуальные формы неотделимы от материального права, так как первые суть средство проведения в жизнь вторых. Вместе с тем, как нам представляется, М. С. Строгович не вполне прав, отвергая производный характер уголовного процесса от уголовного права¹. Поскольку уголовный процесс суть средство реализации материального права, или, как выражается К. Маркс, *«только форма жизни закона»*, логический вывод здесь может быть только один: уголовный процесс, как и уголовно-процессуальное право, детерминирован уголовным правом. Стало быть, налицо его производный характер. В связи с изложенным уместно вспомнить и другие слова К. Маркса: *«Если бы законы применялись сами собой, тогда суды были бы излишни»*². Однако производный характер уголовного процесса не означает второстепенности его, как не означает того, что уголовный процесс не имеет своего содержания³.

Мы представляем себе связь уголовного процесса и уголовного материального права в следующем виде: уголовный процесс, как и уголовно-процессуальное право, детерминирован уголовным материальным правом; бытие уголовного процесса обусловлено прежде всего необходимостью реализации норм уголовного права в форме их применения. Из этого не следует, что уголовный процесс есть универсальная и единственная форма реализации норм уголовного права. Уголовный закон реализуется и вне уголовного процесса, когда граждане добровольно выполняют его предписания. Наличие столь тесной связи уголовного процесса и уголовного права не исключает того, что уголовный процесс имеет собственное содержание. Диалектика

¹ См. М. С. Строгович, Курс советского уголовного процесса, т. I, М., 1968, стр. 86.

² К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. I, стр. 67.

³ См. М. С. Строгович, указ. соч., стр. 86—87.

содержания и формы состоит не только в их взаимной связи и обусловленности, но и в их относительном характере, а это, в частности, означает: то, что в одной связи является формой, может в другой связи оказаться содержанием, имеющим свои собственные формы¹. Вместе с тем, анализируя предписания ст. 2 Основ уголовного судопроизводства, определяющие задачи уголовного процесса, нельзя не отметить, что на содержание и направление последнего значительное влияние оказывает уголовный закон.

При исследовании уголовно-процессуальных отношений, при определении сущности, содержания, объекта и направления их развития необходимо учитывать их тесную связь с соответствующими компонентами уголовно-правового отношения. При этом ключевое значение отводится уголовно-правовому отношению.

Детерминированность уголовно-процессуальных отношений отношениями материальными означает, что первые возникают тогда и постольку, когда и поскольку имеется потребность установления и последующей реализации уголовно-правовых отношений². Иначе говоря, если уголовно-правовые отношения возникают с момента совершения преступления, то уголовно-процессуальные отношения — лишь после того, как государственные органы получают информацию о готовящемся, совершенном или якобы совершенном преступлении. При этом, как правило, неизбежен разрыв во времени между возникновением уголовно-правового (момент совершения преступления) и уголовно-процессуального (момент получения информации о совершенном преступлении) отношений. Вот почему представляются ошибочными взгляды А. И. Санталова, который одно из проявлений взаимосвязи уголовно-правовых и уголовно-процессуальных отношений усматривает в

¹ См. «Марксистско-ленинская философия. Диалектический материализм», М., 1968, стр. 244.

² Если преступлением причинен материальный ущерб, то это вызывает не только уголовно-правовые, но и гражданско-правовые отношения. Ввиду того, что доказывание гражданского иска в уголовном процессе производится по правилам УПК (ст. 29 УПК РСФСР), уголовно-процессуальные отношения в этих случаях являются средством установления не только уголовных, но и гражданских правоотношений.

том, что они возникают в один и тот же момент¹, и С. Е. Вицына, по мнению которого уголовное правоотношение возникает с того момента, когда надлежащему государственному органу становится известно о совершенном преступлении².

Как было отмечено, мы не согласны с теми авторами, которые считают, что уголовно-процессуальные отношения возникают раньше уголовно-правовых, что последние появляются на определенном этапе развития первых³: сначала возникают уголовно-правовые отношения, потом процессуальные, затем имеет место установление, констатация уголовно-правовых отношений⁴. При этом, как нам представляется, неправы те авторы, которые подчеркивают, что в результате расследования, судебного рассмотрения и вынесения приговора уголовно-правовое отношение должно «развернуться», «конкретизироваться», «уточняться»⁵. Уголовно-правовое отношение к моменту расследования уже сложилось, его формирование происходит в момент возникновения. Оно существует объективно. Поэтому ни следователь, ни суд не могут ни «развернуть» его, ни «уточнить», ни «конкретизировать». У следователя, органа дознания, прокурора и суда могут быть полные или отрывочные (частичные) представления об уголовном правоотношении; могут быть более или менее конкретные знания о нем; эти знания в процессе производства по делу уточняются, изменяются. Но измене-

¹ См. А. И. Санталов, Уголовно-правовые отношения и уголовная ответственность, «Вестник Ленинградского университета» 1974 г. № 5, вып. 1, стр. 128.

² См. С. Е. Вицын, В. Д. Иванов, А. И. Яковлев, И. А. Филиппов, Ответственность по советскому праву (теоретическая конференция), «Правоведение» 1968 г. № 2, стр. 154.

³ См. указ. работы А. Л. Ривлина, Я. М. Брайнина, В. Г. Смирнова, П. Е. Недбайло.

⁴ Сказанное не исключает, что процессуальные отношения могут возникать и развиваться и при отсутствии уголовно-правовых. Но это — исключение, а не правило, свидетельствующее не о закономерностях, а о наличии ошибок при возбуждении, расследовании или судебном рассмотрении дела.

⁵ См. П. С. Элькин, Правоотношения в советском уголовном процессе, «Вестник Ленинградского университета» 1959 г. № 5, вып. 1, стр. 94; С. С. Алексеев, Общая теория социалистического права, вып. 2, Свердловск, 1964, стр. 190; Л. М. Карнеева, Привлечение к уголовной ответственности, М., 1971, стр. 7—8.

ние представления (субъективного убеждения) об уголовно-правовом отношении не может его ни изменить, ни уточнить, ни развернуть, ни конкретизировать.

Мы не можем согласиться с утверждением, что «если материальные правоотношения порождают процессуальные, то последние в дальнейшем могут породить материальные»¹. Напротив, характер и содержание уголовно-процессуальных отношений меняются, в соответствии с чем в процессе производства по делу может неоднократно изменяться представление следователя или суда о содержании уголовно-правового отношения, в связи с которым они возникли. Изменение объема знаний об уголовно-правовом отношении неизбежно приводит к изменению обвинения, а следовательно, и содержания центральных уголовно-процессуальных отношений (между следователем или судом, с одной стороны, и обвиняемым — с другой). Это также вызывает трансформацию прав и обязанностей, так как изменение обвинения порождает или прекращает известные правомочия государственных органов (возможность изменения меры пресечения, изменение подсудности или подследственности; обязательность участия в деле прокурора или защитника, переводчика и т. п.).

Не вполне правильной представляется нам позиция Л. М. Карнеевой, которая, возражая В. З. Лукашевичу, считающему, что уголовно-правовое отношение порождает уголовно-процессуальные отношения, утверждает, что совершение преступления не всегда порождает уголовно-процессуальное отношение, а только в тех случаях, когда этот факт является предметом расследования². Начнем с последнего: факт может и не стать предметом расследования, а уголовно-процессуальные отношения могут существовать (производство по делам, по которым расследование не обязательно; при отказе в

¹ П. С. Элькин, указ. работа, стр. 95. Лишь при определенных условиях в известном смысле можно говорить о том, что процессуальные отношения «порождают» уголовно-правовые: при наличии уголовно-процессуального правонарушения, за которое установлена уголовная ответственность (лжесвидетельство, уклонение свидетеля от дачи показаний и т. п.), иначе говоря, при совершении преступления в сфере уголовного судопроизводства.

² См. Л. М. Карнеева, указ. соч., стр. 10.

возбуждении уголовного дела; в стадии исполнения приговора при решении вопроса о досрочном или условно-досрочном освобождении и т. п.). Кроме того, не точно утверждение, что уголовные правоотношения порождают процессуальные. Первые обуславливают вторые, но не порождают их, возникновение уголовно-процессуальных отношений связано с наличием процессуально значимого юридического факта — информации, указывающей на признаки преступления. Причем полученные сведения вызывают различные правоотношения, в рамках которых возможны различные варианты действий: получение необходимых дополнительных материалов, возбуждение уголовного дела, отказ в возбуждении уголовного дела, передача заявления или сообщения по подследственности или подсудности (ст. 109 УПК РСФСР). Даже в случае возбуждения уголовного дела нельзя утверждать, что функционирующие в последующей стадии уголовного процесса правоотношения порождены фактом совершения преступления. Этот факт должен быть установлен процессуальными средствами и методами, в чем и состоит служебная роль уголовно-процессуальных правоотношений. Поэтому основанием для возбуждения уголовного дела служит не факт совершения преступления, а наличие достаточных данных, указывающих на признаки преступления.

Центральные уголовно-процессуальные отношения характеризуются наличием нескольких процессуальных рубежей, при прохождении через которые их содержание может быть уточнено или изменено. Таковыми, в частности, являются: предъявление (или перепредъявление) обвинения; утверждение обвинительного заключения; предание суду; вынесение приговора, кассационного определения и определения (постановления) надзорной инстанции.

Динамичность уголовно-процессуальных отношений проявляется еще в одном аспекте. За время существования одного и того же уголовно-правового отношения процессуальные отношения могут (и притом неоднократно) прекращаться и вновь возобновляться. Это может иметь место при необоснованном прекращении уголовного дела; при выявлении новых обстоятельств, существенно влияющих на решение вопроса об уголовной ответственности, в период реализации уголовно-правового отношения, т. е. после вступления в силу

обвинительного приговора; при необходимости изменить объем уголовной ответственности в порядке условно-досрочного освобождения от наказания, освобождения от наказания по болезни, досрочного снятия судимости и т. п.

Таким образом, уголовно-правовое отношение существует непрерывно, уголовно-процессуальные отношения могут иметь прерывистый (дискретный) характер.

Правильно решая в принципе вопрос о последовательности возникновения уголовно-процессуальных отношений, некоторые ученые, однако, не вполне точно определяют самый момент их возникновения. Например, С. А. Шейфер, В. А. Стрёмовский, М. И. Ковалев¹ таковым считают возбуждение уголовного дела, П. С. Элькин — момент реагирования органов государства на совершенное преступление².

Поскольку мы считаем, что эти отношения существуют в стадии возбуждения уголовного дела — еще до решения вопроса о возбуждении дела, необходимо на данном вопросе остановиться подробнее.

Основное назначение стадии возбуждения уголовного дела состоит в том, чтобы, установив наличие юридических и фактических предпосылок к расследованию или судебному рассмотрению (по делам, не требующим расследования), принять решение о возбуждении уголовного дела. Если эти предпосылки не установлены, принимается процессуальный акт, которым отказывается в возбуждении уголовного дела. Вынесение такого решения не означает, что стадии возбуждения дела не было. Постановление об отказе в возбуждении уголовного дела, как, впрочем, и о возбуждении дела, — это акт, завершающий стадию возбуждения уголовного дела, подводящий итог тем действиям и правоотношениям, которые предшествовали принятию решения.

¹ См. С. А. Шейфер, О роли правоотношений в советском уголовном процессе, «Вопросы уголовного права и процесса», М., 1958, стр. 129; В. А. Стрёмовский, Участники предварительного следствия, Ростов, 1966, стр. 9; М. И. Ковалев, Советское уголовное право. Курс лекций, вып. 1, Свердловск, 1971, стр. 123.

² См. П. С. Элькин, Сущность советского уголовно-процессуального права, Л., 1963, стр. 19.

Действующими УПК союзных республик установлено, что по поступившим заявлениям и сообщениям о готовящемся или совершенном преступлении могут быть: а) истребованы необходимые материалы; б) получены объяснения; в) проведен осмотр места происшествия в случаях, не терпящих отлагательства (ст. 109, 178 УПК РСФСР).

Основываясь на том, что, кроме осмотра, других следственных действий закон на данном этапе проводить не разрешает, отдельные авторы делают не совсем правильный вывод, что деятельность, предшествующая возбуждению уголовного дела, носит непроцессуальный характер¹. Действия (проверки, получение объяснений) органов дознания, следователя, прокурора и возникающие в процессе этих действий отношения основаны на нормах УПК². Нормы других отраслей права их не регулируют. Стало быть, иных правовых отношений, кроме процессуальных, здесь нет.

Даже после вынесения постановления об отказе в возбуждении уголовного дела не перестают существовать уголовно-процессуальные правоотношения. Данные практики свидетельствуют, что, отменяя необоснованные постановления об отказе в возбуждении уголовного дела, прокуроры в большинстве случаев направляют материалы следователям и органам дознания для дополнительной проверки. Тем самым акт отмены необоснованного постановления автоматически не влечет возбуждения дела, а порождает новый комплекс правоотношений, опять-таки предшествующих решению о возбуждении уголовного дела.

Отказ в возбуждении уголовного дела находит юридическое выражение в постановлении органа дознания,

¹ См., например, М. С. Строгович, Курс советского уголовного процесса, т. II, М., 1970, стр. 22; «Научно-практический комментарий Уголовно-процессуального кодекса РСФСР» под ред. Л. Н. Смирнова, М., 1970, стр. 156.

² Выборочные данные свидетельствуют о том, что в большинстве случаев принятию решения (о возбуждении дела или об отказе в возбуждении дела) предшествуют проверки. При этом обоснованно расценивается как неправильная практика, когда в постановлениях об отказе в возбуждении уголовного дела не указываются действия по проверке заявлений или сообщений (такие постановления составили свыше 1/3 из числа изученных) — см. Ю. Мананев, Проверка законности и обоснованности процессуальных решений следователя, «Советская юстиция» 1973 г. № 21, стр. 14.

следователя, прокурора, судьи. С одной стороны, это постановление—процессуальный акт, подводящий итог тем правоотношениям, которые возникли в связи с имевшимся юридическим фактом—информацией о готовящемся или совершенном преступлении. С другой стороны, постановление об отказе в возбуждении уголовного дела—юридический факт, порождающий у потерпевших от преступления и других заявителей право принести жалобу на постановление, а у прокурора или вышестоящего суда—обязанность рассмотреть жалобу и принять решение¹.

Имеющиеся данные выборочных конкретных социологических обследований позволяют проанализировать эффективность правового регулирования общественных отношений в стадии возбуждения уголовного дела. Так, факт удовлетворения прокурорами до 33% (а в некоторых республиках до 50%) всех жалоб, принесенных на постановления следователей и органов дознания об отказе в возбуждении уголовного дела², свидетельствует об обоснованности жалоб заинтересованных лиц и о выполнении прокурорами обязанностей по их разрешению. Между тем обжалуется лишь 3% этих постановлений; в известной степени это объясняется тем, что лишь в 67,33% случаев заявителям сообщалось об отказе в возбуждении уголовного дела, в 13,6% — разъяснялось право на обжалование принятых постановлений, около двух третей постановлений содержали указания на основания, по которым отказано в возбуждении уголовного дела³.

Приведенные данные достаточно убедительно показывают, что недостатки в стадии возбуждения уголовного дела имеют место не тогда, когда действия на этом этапе проводятся строго в рамках уголовно-процессуальных отношений, а когда таковые в достаточной мере не функционируют. Юридическим фактом, порождающим процессуальные отношения, является не реше-

¹ Почти по половине поступивших заявлений или сообщений отказывается в возбуждении уголовного дела (см. «Социалистическая законность» 1971 г. № 7, стр. 28).

² См. В. Афанасьев, А. Чувилев, Ю. Белозеров, Незаконные отказы в возбуждении уголовных дел, «Социалистическая законность» 1971 г. № 7, стр. 31.

³ См. «Советская юстиция» 1973 г. № 21, стр. 14.

ние о возбуждении дела (или даже о его отказе), а более ранний факт — поступление сведений о совершенном или готовящемся преступлении.

Время прекращения уголовных материальных и процессуальных отношений, как правило, не совпадает. С установлением объективной истины по делу, а следовательно, с установлением уголовно-правового отношения процессуальные отношения исчерпывают себя. Поэтому моментом прекращения уголовно-процессуальных отношений следует, как правило, считать вступление приговора в законную силу, а не его обращение к исполнению, как иногда полагают¹, что является другим важным моментом — началом реализации уголовно-правового отношения.

Возможны, однако, и иные ситуации. Так, при отказе от применения уголовной ответственности в силу акта амнистии или помилования либо в порядке ст. 51 УК РСФСР момент прекращения уголовно-правового и уголовно-процессуальных отношений совпадают, причем это может произойти задолго до вынесения приговора.

Наконец, необходимо подчеркнуть, что совершение преступления отнюдь не во всех случаях вызывает возникновение уголовно-процессуальных отношений, поскольку не обо всех совершенных преступлениях становится известно соответствующим государственным органам. В то же время ложный донос, ошибочная информация и т. п. обстоятельства вызывают уголовно-процессуальные отношения и при отсутствии уголовно-правового отношения. Есть основания рассматривать подобные случаи как юридическую (а вернее, уголовно-процессуальную) аномалию. Их оценка может быть только отрицательной, так как на практике они приводят к судебным и следственным ошибкам.

Реализация уголовно-правовых отношений и совпадающее с ее началом прекращение процессуальных отношений еще не означают, что в связи с данным правовым отношением не могут возникнуть вновь процессуальные отношения. Однако возникающие уголовно-процессуальные отношения не есть уточнение или изменение ранее сложившихся процессуальных отношений и

¹ См. П. И. Самошин, Единство уголовно-правовых отношений, «Советское государство и право» 1971 г. № 1, стр. 99.

отдельных их элементов. Цель возобновления уголовно-процессуальных отношений при пересмотре дела в порядке надзора, например, вызвана необходимостью внести уточнения или изменения в выводы суда об установлении (доказанности) тех или иных уголовно-правовых отношений, их сущности и характере (выраженном в квалификации преступления), а также по поводу изменения вида или форм реализации уголовной ответственности. Вышестоящий суд, таким образом, может уточнить суждения нижестоящего суда об установлении уголовно-правовых отношений, но не может уточнить сами уголовно-правовые отношения, объективно существующие с момента совершения преступления. Поэтому мы не разделяем взгляда П. С. Элькинд, считающей, что вышестоящий суд вносит уточнения в уголовно-правовые отношения¹.

Представляется не вполне правильным высказанное в процессуальной литературе положение, что в стадии исполнения приговора уголовно-процессуальные отношения возникают для уточнения или изменения ранее сложившихся уголовно-правовых отношений или отдельных их элементов². Уголовно-правовые отношения, составляющие предмет расследования и судебного разбирательства, считаются установленными вступившим в законную силу приговором. В стадии исполнения приговора более узкие задачи и возможности: суд (вынесший приговор или по месту исполнения приговора) не может изменить характер установленных уголовно-правовых отношений, так же как он не может изменить квалификацию преступления, которая выражает сущность и характер последнего. Он может, не изменяя приговора, изменить объем или характер, а равно порядок реализации назначенного вида уголовной ответственности (условно-досрочное освобождение, замена наказания более мягким, изменение режима содержания осужденного в местах лишения свободы и др.), причем эти изменения возможны в пределах и в порядке, строго очерченных законом³.

¹ См. П. С. Элькинд, Сущность советского уголовно-процессуального права, Л., 1963, стр. 20.

² См. там же.

³ См. «Бюллетень Верховного Суда РСФСР» 1970 г. № 3, стр. 7; 1971 г. № 3, стр. 15; 1972 г. № 5, стр. 9; № 6, стр. 15; 1973 г. № 9, стр. 15.

Пленум Верховного Суда СССР, например, разъяснил, что, рассматривая представление об условно-досрочном освобождении от наказания, суд не вправе заменить неотбытый срок лишения свободы условным осуждением, сократить неотбытый срок наказания или применить к осужденному условное освобождение от наказания с направлением на стройки народного хозяйства, а может лишь условно-досрочно освободить осужденного либо заменить ему неотбытую часть наказания другим, более мягким наказанием или отказать в этом¹.

Исполнение приговора — сложная, комплексная деятельность, которая складывается из деятельности суда, прокуратуры, исправительно-трудовых учреждений, иных административных органов, общественных организаций. В процессе исполнения приговора возникают различные вопросы, которые может разрешить лишь суд в рамках уголовно-процессуальных отношений и в порядке, установленном УПК. Возникновение уголовно-процессуальных отношений здесь также нередко обусловлено необходимостью решить уголовно-правовые вопросы (условно-досрочное освобождение от наказания, замена наказания более мягким, изменение режима содержания, снятие судимости и т. п.).

Кроме участников уголовно-процессуальных отношений, известных в связи с производством по уголовному делу (суд, прокурор, защитник, осужденный, гражданский истец и гражданский ответчик), в этой стадии появляются и другие субъекты процессуальных отношений (представители администрации исправительно-трудовых учреждений, наблюдательных комиссий при исполнительных комитетах районных и городских Советов депутатов трудящихся, комиссий по делам несовершеннолетних), которые входят в суд с представлениями по различным вопросам (об изменении режима содержания, об условно-досрочном освобождении и т. д.), а суд в судебном заседании (с участием прокурора и других лиц, указанных в законе) разрешает эти вопросы по существу в определении.

Для обращения в суд с представлением и производства в суде необходимы специальные юридические предпосылки: при установленных законом условиях (отбытие

¹ См. «Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР. 1924—1973», М., 1974, стр. 422.

определенной части наказания, соблюдение осужденным условий и порядка исполнения наказания и т. п.) возникает сложный юридический факт, который вызывает возникновение уголовно-процессуальных отношений. Цель этих отношений — не уточнять уголовно-правовые отношения, а изменить порядок их реализации.

Юридические факты, имеющие процессуальное значение, возникают не только в процессе отбывания наказания в местах лишения свободы. Достаточно обратить внимание на обстоятельства, дающие основания для решения вопросов об отсрочке и рассрочке исполнения приговора, о замене исправительных работ штрафом, замене обязанности загладить причиненный вред исправительными работами и т. п. Сказанное позволяет усомниться в правильности позиции П. С. Элькинд, полагающей, что с прекращением уголовно-процессуальных отношений уголовно-правовые отношения приобретают исправительно-трудовой характер¹. Подобные взгляды были обоснованно подвергнуты критике². Подобно тому как уголовно-процессуальные отношения суть форма установления уголовно-правовых отношений, исправительно-трудовые отношения являются формой их реализации, хотя и не исчерпывающей. Прекращение исправительно-трудовых отношений не влечет прекращения уголовно-материальных. Последние прекращаются с погашением или снятием судимости, т. е. с момента полной реализации мер ответственности³.

Если же лицо, совершившее преступление, осталось неустановленным, то различия между уголовными, процессуальными и исправительно-трудовыми отношениями выступают еще очевиднее⁴. В этом случае уголов-

¹ См. П. С. Элькинд, указ. соч., стр. 20.

² См. А. Е. Наташев, Н. А. Стручков, Основы теории исправительно-трудового права, М., 1967, стр. 107—111; П. И. Самошин, указ. соч., стр. 99.

³ См. В. П. Божьев, Е. А. Фролов, Уголовно-правовые и процессуальные правоотношения, «Советское государство и право» 1974 г. № 1, стр. 90.

⁴ Попытки «слить» уголовно-правовые и процессуальные отношения в прошлом имели место в советской юридической науке (см. «Вопросы судопроизводства и судостройства в новом законодательстве Союза ССР», М., 1959, стр. 118; «Важный этап в развитии советского права. Труды научной сессии ВИЮН», М., 1960, стр. 146). Критику этих положений см. А. Е. Наташев, Н. А. Стручков, Основы теории исправительно-трудового права, М., 1967, стр. 108—109.

ные правоотношения прекращают свое существование с истечением давностного срока, исправительно-трудовые отношения не возникают, а процессуальные отношения либо не возникают (если органы государства не получили сообщений о совершенном преступлении), либо закончились, не получив надлежащего развития и не достигнув тех целей, во имя которых они возникли.

Отступление от типичной последовательности прекращения уголовно-правовых отношений имеет место, кроме того, при отказе государства от применения уголовной ответственности в порядке, предусмотренном ст.ст. 48, 49, ч. 1 ст. 50, ст.ст. 51, 52 УК РСФСР, а также в силу акта амнистии или помилования¹. Заметим, однако, что и в этих случаях уголовно-правовые отношения устанавливаются и прекращаются при помощи уголовно-процессуальных.

В практической деятельности суда и органов расследования, с одной стороны, и общественных организаций — с другой, значительное место занимают правоотношения, возникающие в связи с передачей лица на поруки или передачей дела на рассмотрение товарищеского суда либо комиссии по делам несовершеннолетних.

По действующему закону на поруки может быть передано любое лицо, если оно и совершенные им действия не представляют большой общественной опасности. Такая обязанность суда и органов расследования, как всестороннее и полное исследование обстоятельств дела, несомненно, действует и по этим делам. Лишь при наличии внутреннего убеждения в доказанности конкретного обвинения суд или следователь могут принять обоснованное решение о передаче на поруки. В связи с этим установление в УПК запрета передавать на поруки лицо до предъявления ему обвинения представляется вполне целесообразным². Отсутствие такого запрета приводит к тому, что лишь в 15,2% случаев (по отношению к обще-

¹ См. В. П. Божьев, Е. А. Фролов, указ. статья, стр. 90

² Подобный запрет имеется лишь в УПК Эстонской ССР (ст. 6). В литературе высказано предложение установить аналогичный порядок повсеместно (см. С. А. Домахин, В. Г. Степанов, Общественное поручительство, М., 1962, стр. 45; И. М. Гуткин, Взаимодействие милиции с общественностью при производстве дознания, М., 1963, стр. 90; И. М. Гальперин, Взаимодействие государственных органов и общественности по борьбе с преступностью, М., 1972, стр. 107, и др.).

му числу переданных на поруки) подобные действия имели место после предъявления обвинения и допроса обвиняемого¹.

Между тем, как правильно отмечает И. М. Гальперин, акт предъявления обвинения: а) обеспечивает полноту и всесторонность исследования фактических обстоятельств; б) представляет форму закрепления признания обвиняемым своей вины и чистосердечного раскаяния; в) служит гарантией соблюдения прав и законных интересов обвиняемого².

Необходимо иметь в виду, что прекращение уголовного дела в связи с передачей обвиняемого на поруки или его дела в товарищеский суд либо в комиссию по делам несовершеннолетних можно считать протекающим в рамках уголовно-процессуальных правоотношений, если в соответствии с предписаниями ст.ст. 7, 8, 9 УПК РСФСР о прекращении дела ставится в известность потерпевший, который вправе обжаловать постановления прокурора и органов расследования вышестоящему прокурору, а определение суда — в вышестоящий суд³. При этом прекращение уголовных дел по указанным основаниям в стадии предварительного расследования, по УПК РСФСР и большинства других союзных республик, может состояться лишь с согласия прокурора. О прекращении уголовного дела в связи с передачей в комиссию по делам несовершеннолетних или в товарищеский суд уведомляется также обвиняемый, который вправе обжаловать принятое решение⁴.

Прекращению дела (по основаниям, предусмотренным ст. 9 УПК РСФСР), как и направлению дела на рассмотрение товарищеских судов и комиссий по делам несовершеннолетних (ст.ст. 7—8 УПК РСФСР), должно предшествовать предъявление обвинения⁵, так

¹ См. И. М. Гальперин, указ. соч., стр. 106.

² См. там же, стр. 107, 108.

³ По данным И. М. Гальперина, в 8,1% случаев прекращения дела органами расследования в связи с передачей лица на поруки потерпевшие не извещались о прекращении дела (см. И. М. Гальперин, указ. соч., стр. 97), что следует рассматривать как нарушение прав граждан.

⁴ По данным П. М. Давыдова, от 11 до 39% дел в стадии предварительного расследования прекращается по основаниям, указанным в ст.ст. 7—9 УПК РСФСР (см. П. М. Давыдов, указ. соч., стр. 40).

⁵ См. Г. Б. Виттенберг, указ. соч., стр. 99—100; П. М. Давыдов, указ. соч., стр. 40, и др.

как именно в постановлении о привлечении лица в качестве обвиняемого впервые констатируется установление уголовно-правового отношения. Не установив уголовно-правового отношения и субъекта уголовной ответственности, нельзя решить вопрос о замене уголовной ответственности мерами общественного воздействия.

Как нам представляется, прекращение уголовного дела по основаниям, указанным в ст.ст. 7—9 УПК РСФСР, не означает прекращения уголовно-правовых отношений. Приведем правовые основания для этого утверждения. Так, в случае, когда лицо, взятое на поруки, в течение года не оправдало доверия коллектива, нарушило обещание исправиться и не подчиняется нормам социалистического общежития или оставило работу с целью уклониться от общественного воздействия, общественная организация или коллектив трудящихся, взявшие его на поруки, выносят решение об отказе от поручительства и направляют это решение в суд или прокурору для рассмотрения вопроса об уголовной ответственности виновного. В этом случае уголовное дело может быть возобновлено определением распорядительного заседания или постановлением прокурора (ст. 9 УПК РСФСР).

Если исходить из того, что при прекращении дела по ст.ст. 7—9 УПК РСФСР уголовно-правовое отношение установлено, то необходимо прийти к выводу, что возобновление уголовно-процессуальных отношений имеет место с целью приведения в действие механизма уголовной ответственности. Применение же уголовной ответственности возможно лишь при наличии уголовно-правового отношения. Хотя после возобновления дела в рамках процессуальных отношений продолжается установление уголовного правоотношения, ясно, что возможность возобновления уголовно-процессуальных отношений обусловлена тем, что уголовно-правовое отношение не прекратило своего существования.

Мысль о наличии уголовно-правовых отношений в случае прекращения уголовного дела по ст.ст. 7—9 УПК РСФСР находит подтверждение и в том, что уголовно-процессуальный закон не устанавливает сроков, в течение которых может иметь место отмена прокурором или вышестоящим судом состоявшихся решений. Но любая деятельность в сфере уголовного судопроизводства (следовательно, и процессуальные отношения) имеет смысл

при наличии или хотя бы предположении о наличии уголовно-правового отношения. Стало быть, можно сделать вывод, что при применении мер общественного воздействия уголовно-правовые отношения прекращаются только с истечением сроков давности.

Уголовно-процессуальные отношения могут возникнуть между государственным органом и товарищеским судом в связи с реализацией предписаний, содержащихся в ст. 5 Положения о товарищеских судах, действующего в РСФСР. В соответствии с п. 1 б ст. 5 Положения в товарищеские суды могут быть направлены дела (точнее было бы сказать «дела и материалы») о мелком хищении государственного или общественного имущества, о совершенных впервые мелком хулиганстве, мелкой спекуляции, краже малоценных предметов потребления и быта, находящихся в личной собственности граждан, в случае, когда виновный и потерпевший являются членами одного коллектива.

Получив такое дело или материалы, направленные в соответствии со ст. 10 УПК РСФСР, товарищеский суд может прийти к выводу о нецелесообразности рассмотрения дела в товарищеском суде, учитывая личность нарушителя и обстоятельства дела (ч. 2 примечания к п. 1 б ст. 5 Положения). Установив, что лицо уже дважды привлекалось к товарищескому суду за мелкое хищение, товарищеский суд не может рассматривать дело по существу. Наконец, при уклонении лица от явки в товарищеский суд последний возвращает материалы для принятия соответствующих мер (ст. 12 Положения) органам, от которых материалы поступили (суду, органам дознания, прокуратуре).

Во всех случаях между государственными органами и товарищеским судом возникают не только общественные отношения, регулируемые Положением о товарищеском суде, но и уголовно-процессуальные отношения. Если органу дознания, следователю или суду возвращены материалы, которые направлялись в товарищеский суд в силу ст. 10 УПК РСФСР без возбуждения уголовного дела, то в соответствии со ст.ст. 108—110, 112—115 УПК РСФСР государственные органы, получившие эти материалы, обязаны решить вопрос о возбуждении уголовного дела.

При возвращении из товарищеского суда (а равно из комиссии по делам несовершеннолетних) дела, которое

было прекращено производством, компетентные государственные органы (вышестоящий суд в порядке надзора или прокурор) обязаны решить вопрос об отмене определения или постановления о прекращении дела производством. Заметим, что и в этих случаях уголовно-процессуальные отношения возникают потому, что существуют или предполагается, что существуют, уголовно-правовые отношения, ибо, лишь точно установив в процессе функционирования уголовно-процессуальных отношений наличие уголовно-правового отношения, можно применить уголовную ответственность, с тем чтобы в последующем реализовать уголовно-правовое отношение.

Глава IV

СОСТАВ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ

§ 1. Объект уголовно-процессуальных отношений

Уголовно-процессуальные правоотношения необходимы для реализации задач уголовного процесса. Рассматривая их как форму реализации уголовно-правовых отношений, недостаточно остановиться лишь на процессуальных актах, выражающих итоги функционирования тех или других (в данном случае уголовно-процессуальных) общественных отношений. Необходимо проследить соотношение отдельных элементов процессуальных и материальных отношений.

Уголовно-процессуальные отношения можно рассматривать в двух аспектах. Это, во-первых, система или совокупность возникающих в процессе производства по уголовному делу многочисленных общественных отношений, составляющих сущность уголовного процесса. Во-вторых, это единичные процессуальные отношения.

Вполне очевидно, что направленность всей совокупности рассматриваемых общественных отношений и каждого отдельного совпадает лишь в конечном итоге. Поэтому нам представляется вполне обоснованным признание двух объектов процессуальных отношений — общего и специального¹ (и в том и в другом случаях под объектом понимается то, по поводу чего или в связи с чем совершаются действия субъектов правоотношения).

Специальным объектом (т.е. объектом отдельного, единичного уголовно-процессуального отношения) является ожидаемый результат поведения участников каждо-

¹ См. П. С. Элькин, указ. соч., стр. 14—16, 25—26; Л. Д. Кокорев, Участники правосудия по уголовным делам, Воронеж, 1971, стр. 40; С. А. Шейфер, указ. соч., стр. 138, 139; Н. А. Якубович, Теоретические основы предварительного следствия, М., 1971, стр. 54—55.

го конкретного отношения. Иными словами, специальный объект — все то, по поводу чего или ради чего возникает отдельное правоотношение¹. Такими специальными объектами могут быть: пресечение уклонения обвиняемого или подозреваемого от следствия либо суда; обеспечение возмещения причиненного преступлением ущерба; опознание (или неопознание) предъявленного для опознания предмета; удовлетворение заявленного ходатайства; отмена прокурором по жалобе потерпевшего необоснованного постановления следователя о прекращении уголовного дела и т. п. Однако, изучая уголовно-процессуальные правоотношения, нужно учитывать не только специальный, но и общий объект.

В целом есть основания согласиться с мнением П. С. Элькинд, что уголовно-процессуальные отношения всегда складываются в связи с отношениями уголовно-правовыми и по поводу этих отношений². Нам хотелось бы только оговорить, что это правильно лишь в конечном счете: вступая в отдельные правоотношения, некоторые субъекты (свидетели, переводчики, понятые, специалисты и др.) могут и не сознавать этой связи.

В то же время мы не можем полностью согласиться с утверждением, что направленность уголовно-процессуальных отношений определяется интересами «собственно процессуального характера» и только через них — интересом уголовно-правового характера³. Нам представляется, что направленность общественных отношений определяется тем, в связи с чем или во имя чего они существуют. Процессуальные отношения лишены всякого смысла, если они «живут» во имя собственных интересов. Интересы материальные и процессуальные при производстве по уголовному делу так переплетаются (совпадая в конечном итоге), что попытка противопоставить их таит опасность противопоставить форму (уголовно-процессуальные отношения) содержанию (уголовно-правовые отношения). Последовательным, с нашей точки зрения, будет утверждение, что материальные интересы достигаются через посредство процессуальных.

Задачи уголовного судопроизводства, равно как и цели всей совокупности уголовно-процессуальных правоотношений, находят разрешение и выражение в приговоре.

¹ См. П. С. Элькинд, Сущность советского уголовно-процессуального права, Л., 1963, стр. 15; М. С. Строгович, Курс советского уголовного процесса, т. I, М., 1968, стр. 33.

² См. П. С. Элькинд, указ. соч., стр. 15.

³ См. там же, стр. 15—16.

В числе вопросов, подлежащих решению, законодатель (ст. 303 УПК РСФСР) поставил такие, которые имеют как уголовно-правовое, так и в не меньшей степени процессуальное значение. К их числу относятся, например, вопросы: 1) имело ли место деяние, в совершении которого обвиняется подсудимый; 2) содержит ли деяние состав преступления и каким именно уголовным законом оно предусмотрено; 3) совершил ли это деяние подсудимый; 4) виновен ли подсудимый в совершении этого преступления; 5) подлежит ли подсудимый наказанию за совершенное преступление и т. п. Эти вопросы еще раз подтверждают близость конечных интересов уголовных материальных и процессуальных отношений.

Наиболее отчетливо и ярко соотношение направленности этих правоотношений проявляется при рассмотрении такого чисто процессуального вопроса, как содержание истины в уголовном судопроизводстве. В. Н. Кудрявцев правильно подчеркивает, что правосудие не может ограничиться установлением физических свойств событий, игнорируя их социальную сущность¹. Такие свойства деяния, как правомерность или противоправность, не могут быть установлены без обращения к закону. Поэтому в литературе правильно подчеркивается, что без квалификации деяний, составляющих предмет исследования, нельзя определить и установить сумму знаний, составляющих объективную истину по уголовному делу². Не установив этого, невозможно уяснить связь фактов с законом. Между тем именно эту связь — связь между деянием и нормой — отражает уголовное правоотношение³, возникшее в момент совершения преступления.

В то же время установление фактов и их связей с нормой представляет собой то, на что направлено функционирование всей совокупности общественных отношений в сфере уголовного судопроизводства. Поэтому, квалифицируя установленные деяния по определенной норме материального закона, суд тем самым констатирует (устанавливает) наличие уголовно-правового отношения⁴.

¹ См. В. Н. Кудрявцев, *Общая теория квалификации преступлений*, М., 1972, стр. 54.

² См. П. Е. Недбайло, *Применение советских правовых норм*, М., 1960, стр. 229; В. Н. Кудрявцев, указ. соч., стр. 54.

³ См. В. Н. Кудрявцев, указ. соч., стр. 53.

⁴ См. там же, стр. 29; В. Н. Кудрявцев, *Теоретические основы квалификации преступлений*, М., 1963, стр. 21; А. Е. Наташев, Н. А. Стручков, указ. соч., стр. 109.

Следовательно, общей направленностью, а потому и общим объектом уголовно-процессуальных правоотношений является уголовно-правовое отношение в его объективном (т. е. соответствующем действительности) состоянии. Мы не можем разделить точку зрения П. С. Элькинд и Н. А. Якубович, считающих общим объектом уголовно-процессуальных отношений быстрое и полное раскрытие преступления, познание объективной истины, с тем чтобы каждый совершивший преступление был подвергнут справедливому наказанию и ни один невиновный не был привлечен к уголовной ответственности и осужден¹. Подобное определение объекта уголовно-процессуальных отношений представляет собой, по нашему мнению, с одной стороны, отождествление его с задачами уголовного судопроизводства, с другой — отождествление с объектом уголовно-правовых отношений.

Еще менее обоснованной представляется позиция С. А. Шейфера, считающего общим объектом уголовно-процессуальных правоотношений борьбу с преступностью, по поводу которой складываются отношения участников процесса². Сведя объект к общим задачам, которые стоят не только перед уголовно-процессуальным, но и перед уголовным и исправительно-трудовым правом, С. А. Шейфер отождествляет объект правового регулирования (причем ряда отраслей права), осуществляемого через правоотношения, с объектом правоотношений.

Наш вывод о том, что общим объектом уголовно-процессуальных отношений является объективное (т. е. фактически имевшее место) состояние уголовно-правового отношения, основан на признании уголовно-процессуальных отношений единственной формой установления уголовно-правового отношения.

Представляется необходимым подчеркнуть важность самой постановки вопроса об общем объекте уголовно-процессуальных отношений, ибо специальный объект (т. е. объект отдельного правоотношения) не раскрывает особенностей уголовно-процессуальных отношений и их социального назначения, не вскрывает смысл и цель их существования в общественной жизни.

Объект конкретного правоотношения (П. С. Элькинд

¹ См. П. С. Элькинд, указ. соч., стр. 14; Н. А. Якубович, указ. соч., стр. 54—55. Их позицию разделяет и Л. Д. Кокорев (см. указ. соч., стр. 40).

² См. С. А. Шейфер, указ. соч., стр. 139.

первая назвала его специальным объектом), объясняя место и значение каждого общественного отношения в общей системе уголовно-процессуальных отношений, не объясняет социального назначения уголовно-процессуальных отношений вообще и тем самым не раскрывает смысла каждого отдельного процессуального отношения и его места в общественной жизни. Вот почему недостаточно ограничиваться рассмотрением лишь одного объекта, когда речь идет об уголовно-процессуальных отношениях.

§ 2. Содержание и форма уголовно-процессуальных правоотношений

Раскрыть содержание и форму общественных отношений можно, лишь основываясь на марксистско-ленинском учении о категориях содержания и формы как о двух неразрывных сторонах явлений в объективном мире, одна из которых — содержание — рассматривается как главное, решающее в объекте, а другая — форма — как его внутренняя организация, структура¹.

Ввиду неразрывной взаимосвязи формы и содержания нередко бывает трудно, анализируя общественные явления, отделить содержание явления от его формы. С этими трудностями ученые сталкиваются и при анализе содержания и формы уголовно-процессуальных правоотношений. По-видимому, эти трудности до сих пор не преодолены — тем свидетельствует тот факт, что в науке уголовного процесса (как и в других отраслях правовой науки) до сих пор «уживаются» различные взгляды на содержание уголовно-процессуальных правоотношений. Одни к содержанию уголовно-процессуальных отношений относят права (правомочия) и обязанности субъектов², другие — действия³, третьи — возможное поведение субъектов прав и обязанностей для отношений в статике, действительное поведение — для отношений в динамике⁴.

¹ См. «Диалектика развития социалистического общества», М., 1961, стр. 212.

² См. М. С. Строгович, Уголовное преследование в советском уголовном процессе, М., 1951, стр. 33; он же, Курс советского уголовного процесса, т. I, М., 1968, стр. 32; Б. А. Галкин, указ. соч., стр. 100.

³ См. Р. Д. Рахунов, указ. соч., стр. 67; Л. Д. Кокорев, указ. соч., стр. 40, 42; Н. А. Якубович, указ. соч., стр. 54.

⁴ См. П. С. Элькин, указ. соч., стр. 24—25; Т. В. Свищунова, указ. соч., стр. 9.

Существует мнение, что содержанием правоотношения являются процессуальная деятельность, а также права и обязанности субъектов правоотношения¹.

Поскольку мы не согласны с самой постановкой вопроса о существовании каких бы то ни было правоотношений в статике², представляется излишним и обсуждение связанного с этим вопросом двойственного понятия содержания уголовно-процессуального правоотношения.

Авторы, считающие содержанием уголовно-процессуальных правоотношений права и обязанности, обычно ограничиваются ссылкой на общетеоретические конструкции состава правоотношений. Это положение одно время было господствующим в науке общей теории права и считалось традиционным. Однако в связи с развитием теории правоотношений как в общей теории права, так и в отраслевых науках это положение все больше оспаривается и уже не может считаться ни господствующим, ни традиционным.

Если взять за основу общетеоретическое положение, рассматривающее правоотношение как норму права в действии³, то следует сделать вывод, что содержанием любого правоотношения (в том числе и уголовно-процессуального) являются действия субъектов правоотношения. Однако это только одна сторона вопроса.

Другая сторона состоит в следующем. Нормы уголовно-процессуального права направлены на то, чтобы обеспечить возможность совершения тех или других действий субъектами уголовно-процессуальных отношений, с тем чтобы гарантировать выполнение задач, поставленных в ст. 2 Основ уголовного судопроизводства. Но возможность действовать определенным образом для одних лиц предполагает со стороны других лиц обязанность создавать условия для этой деятельности или хотя бы не препятствовать ее осуществлению⁴. Эти возможность и

¹ См. В. П. Мозолин, О гражданско-процессуальном отношении, «Советское государство и право» 1955 г. № 5, стр. 52—53; Д. Р. Жалилов, Гражданское процессуальное отношение и его субъекты, Душанбе, 1962, стр. 27.

² См. гл. I.

³ См. С. Ф. Кечекьян, Правоотношения в социалистическом обществе, М., 1958, стр. 19.

⁴ См. А. С. Пиголкин, Нормы советского социалистического права и их структура, «Вопросы общей теории советского права», М., 1960, стр. 169.

обязанность выступают в виде субъективных прав и обязанностей, ибо первые (права, правомочия) суть меры возможного поведения, а вторые — меры должного поведения. Сказанное позволило И. Жеруолису отнести процессуальные права к категории формы, а не содержания, ибо содержание, по его мнению, отвечает на вопрос, что заключено, что содержится в явлении, а форма — на вопрос, как оно содержится, в каких рамках, пределах может совершаться то или иное действие¹.

Если потерпевшему предоставлено право обжаловать постановление о прекращении дела производством (ст.ст. 53, 209 УПК РСФСР), то этим самым определяются рамки, границы возможного поведения потерпевшего, следовательно, форма правоотношения. Содержанием же правоотношения будут действия потерпевшего, совершенные им на основе и в соответствии с субъективными правами, предоставленными ему законом.

В связи с изложенным представляется уместным напомнить, что К. Маркс и В. И. Ленин, говоря об общественных отношениях, отмечали, что они слагаются из действий людей². «Помимо своих действий,— писал К. Маркс,— я совершенно не существую для закона, совершенно не являюсь его объектом»³.

Как нам представляется, приведенные положения дают основания полагать, что именно в действиях (а не в возможности их совершения) следует видеть существо (т.е. содержание) общественных отношений. Следовательно, содержание правоотношения состоит в реальном поведении субъектов правоотношения, а не в их правах и обязанностях, так как содержание фактического общественного отношения (действия) не меняется от того, что оно урегулировано нормами права⁴.

Представление о субъективных правах и обязанностях как о содержании правоотношения, видимо, в известной мере можно объяснить тем, что уголовно-процессуальные права и обязанности, реализуя которые лицо вступает в правоотношение, будучи зафиксированными в

¹ См. И. Жеруолис, Сущность советского гражданского процесса, Вильнюс, 1969, стр. 34.

² См. В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 1, стр. 424.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 1, стр. 14.

⁴ См. Я. О. Мотовиловкер, Некоторые вопросы содержания и формы советского уголовного процесса, «Вестник Ярославского университета», вып. 4, Ярославль, 1972, стр. 59.

норме УПК, представляют собой содержание последней. Но содержание нормы права не является содержанием правоотношения. В этом нетрудно убедиться, проанализировав, например, содержание ст.ст. 127, 127¹, 119, 120 УПК РСФСР.

В перечисленных статьях определены полномочия (права и обязанности) следователя, начальника следственного отдела, органа дознания. Права и обязанности перечисленных лиц составляют содержание приведенных правовых норм. Эти нормы в свою очередь определяют рамки возможных правоотношений¹, т. е. их форму. Иначе говоря, содержание нормы права становится формой, когда норма права реализуется в правоотношении.

Диалектику содержания и формы в праве четко выразил Л. С. Явич, подметивший, что «в правовых отношениях содержание права (выраженное в качестве коррелятивных прав и обязанностей) *переходит* в форму. Непосредственным содержанием правоотношения является поведение участвующих в нем субъектов, которые обладают правами и несут обязанности»².

Сказанное лишней раз подтверждает, что нормы права существуют прежде всего для достижения определенных результатов. Следователь, прокурор, орган дознания, обвиняемый, потерпевший, гражданский истец могут достигнуть своих целей (локальных или конечных) не потому, что УПК им предоставляет для этого определенные процессуальные возможности в виде прав и обязанностей, а потому, что они действуют в соответствии с ними, пользуясь правомочиями и исполняя возложенные на них обязанности.

Изучение судебной и следственной практики позволяет отметить, например, что такой распространенный недостаток работы следственных органов и судов, как неполнота и односторонность расследования, имеет

¹ Наиболее четкое понятие субъективного права дано М. С. Строговичем: «Субъективное право лица означает выраженные в норме права и закрепленные в ней: а) возможность пользования определенным социальным благом; б) полномочие совершать определенные действия и требовать соответствующих действий от других лиц; в) свободу поведения, поступков в границах, установленных нормой права» (М. С. Строгович, Основные вопросы советской социалистической законности, М., 1966, стр. 168).

² Л. С. Явич, Право и общественные отношения, М., 1971, стр. 117.

место не потому, что следователю или суду предоставлено недостаточно процессуальных прав, а потому, что те права, которыми они наделены по закону, не используются или используются не вполне эффективно, а обязанности выполняются не всегда точно и полно¹.

Верховный Суд СССР признает необоснованными приговоры, если содержащиеся в них выводы получены не в результате всестороннего, полного и объективного исследования всех обстоятельств дела в их совокупности². Обращая внимание на строгое соблюдение требований закона о полноте и объективности расследования и судебного рассмотрения дела, Верховный Суд СССР и Верховный Суд РСФСР указывают на вытекающие из этого обязанности судов: а) тщательно проверять доводы подсудимых о непричастности к совершению преступления³; б) не допускать обоснования приговора показаниями заинтересованных лиц, не подтвержденными другими данными⁴; в) при вынесении оправдательного приговора опровергать имеющиеся обвинительные доказательства, а при вынесении обвинительного приговора опровергать версию, оправдывающую подсудимого⁵.

Итак, мы приходим к выводу, что *содержанием уголовно-процессуальных правоотношений* являются *действия, формой — права (правомочия) и обязанности*.

Высказанное положение отнюдь не противоречит тому, что действие может выступать в качестве юридического факта, с которым связано возникновение одного или нескольких уголовно-процессуальных правоотноше-

¹ Только в связи с невыполнением в процессе расследования требований ст. 20 УПК РСФСР в судах первой инстанции изменяется обвинение по каждому десятому делу о хищении государственного и общественного имущества, убийстве, изнасиловании и хулиганстве (см. «Советская юстиция» 1974 г. № 16, стр. 5). До 4% обжалованных и опротестованных приговоров отменяется в кассационном порядке также ввиду нарушения следователями или судом требований ст. 20 УПК РСФСР (см. «Бюллетень Верховного Суда СССР» 1972 г. № 4, стр. 33).

² См. «Бюллетень Верховного Суда СССР» 1966 г. № 3, стр. 15; № 4, стр. 30; 1971 г. № 2, стр. 33.

³ См. «Бюллетень Верховного Суда РСФСР» 1965 г. № 9, стр. 10—11; «Бюллетень Верховного Суда СССР» 1968 г. № 1, стр. 30.

⁴ См. «Бюллетень Верховного Суда СССР» 1961 г. № 2, стр. 22; 1973 г. № 2, стр. 22; 1973 г. № 4, стр. 27, 37.

⁵ См. «Бюллетень Верховного Суда СССР» 1974 г. № 1, стр. 17.

ний. Например, в результате функционирования совокупности большего или меньшего числа уголовно-процессуальных правоотношений следователь приходит к выводу о наличии достаточных доказательств, дающих основание для предъявления обвинения в совершении преступления. В связи с этим он выносит постановление о привлечении лица в качестве обвиняемого. Совершение действия — вынесение постановления о привлечении лица в качестве обвиняемого — юридический факт, порождающий различные уголовно-процессуальные отношения между следователем и обвиняемым, следователем и защитником, следователем и прокурором. То же самое можно сказать и о действиях следователя по назначению экспертизы, признанию лица потерпевшим, гражданским истцом, прекращению дела и т. п. Но процессуальные действия как юридические факты в то же время являются и действиями по осуществлению процессуальных прав и юридических обязанностей. Посредством выполнения одних и тех же действий, таким образом, реализуются процессуальные права и обязанности, и вызываются к жизни другие, новые процессуальные правоотношения.

Включение всех действий, совершаемых в рамках уголовно-процессуальных правоотношений, в содержание последних не означает, что действие, вызвавшее к жизни другое отношение, становится содержанием последнего, — оно может, быть содержанием другого правоотношения¹.

Подчеркивая, что в состав уголовно-процессуальных правоотношений включаются все процессуальные действия, мы имеем в виду как действия государственных органов (следователя; прокурора; лица, производящего дознание; начальника следственного отдела; суда; судьи), так и действия всех других участников уголовного процесса, наделенных субъективными процессуальными правами и обязанностями и способных вступать в уголовно-процессуальные отношения (обвиняемый, подозреваемый, потерпевший, гражданский истец, гражданский ответчик, защитник, представитель, эксперт и др.).

Однако поскольку в уголовно-процессуальных отношениях всегда участвует представитель власти, которо-

¹ См. Л. Д. Кокорев, указ. соч., стр. 42.

Му в рамках правоотношения принадлежит главная роль, естественно, в системе проводимых действий ведущее место принадлежит именно тем из них, которые проводятся государственным органом. Действия государственных органов в литературе иногда именуют уголовно-процессуальной деятельностью в узком смысле в отличие от деятельности в широком смысле, т. е. от действий, совершаемых всеми участниками уголовного судопроизводства в процессе реализации прав и исполнения обязанностей¹.

Неправильная оценка роли государственных органов, их правового статуса при производстве по уголовному делу, во-первых, и недооценка того, что каждый участник уголовного процесса может совершать действия, вступая в правоотношения, лишь в соответствии со своими субъективными правами и обязанностями, во-вторых, может привести к неправильным выводам. Так, Ю. И. Стецовский пришел к выводу, что защитник за пределами процессуальных форм может беседовать со свидетелями, выяснять у них сведения, необходимые для защиты, осматривать и фотографировать предметы, помещения и местность, составлять планы, поскольку это не нарушает интересов других лиц². Автор ссылается при этом на предписания ст. 70 УПК РСФСР, рассматривая вышеуказанные действия как способ собирания защитником доказательств. Больше того, изготовленные адвокатом фотоснимки и план места происшествия или другого объекта, подлежащего исследованию судом, автор рассматривает как доказательства³.

Между тем собирание доказательств, как определено установлено ч. 1 ст. 70 УПК РСФСР, — исключительная компетенция государственных органов: суда, прокурора, следователя и лица, производящего дознание. Кроме того, собирание доказательств — это дея-

¹ См. Н. Н. Полянский, Вопросы теории советского уголовного процесса, М., 1956, стр. 45—48; П. С. Элькинц, указ. соч., стр. 22.

² См. Ю. И. Стецовский, Адвокат в уголовном судопроизводстве, М., 1972, стр. 113, 115. Аналогичных взглядов по поводу осмотра и фотографирования местности придерживается А. Д. Бойков (см. «Роль защитника в предупреждении преступлений», М., 1971, стр. 61).

³ См. Ю. И. Стецовский, Адвокат в уголовном судопроизводстве, М., 1972, стр. 113, 114.

тельность, которую нельзя проводить вне процессуальных форм: ч. 2 ст. 69 УПК РСФСР перечисляет круг источников доказательств. При этом закон (ст. 70 УПК РСФСР) называет действия, которые могут быть проведены в целях собирания доказательств государственными органами, среди которых защитник, естественно, не назван.

Осмотр и другие следственные действия проводятся в строго установленном порядке, предписанном УПК, а результаты этих действий фиксируются в порядке, предписанном законом. Нарушение требований УПК в этой части может привести и к потере доказательственной силы собранных фактических данных¹. Вполне очевидно, что планы и снимки, выполненные защитником, не могут считаться источниками доказательств. Выполненные адвокатом снимки, планы, схемы и т. п. допустимы лишь, отмечает А. М. Ларин, как наглядные аргументы в обоснование заявленных ходатайств². Как нам представляется, нельзя также признать обоснованными суждения Ю. И. Стецовского о праве адвоката проводить предварительные беседы с лицами, которых предполагается привлечь в качестве свидетелей. Законом предусмотрена возможность свидания наедине и соответственно беседы защитника лишь с обвиняемым.

В отношении же свидетелей существует лишь один допустимый законом способ общения в целях получения информации — это допрос, лишь в рамках которого могут быть обеспечены субъективные права гражданина, а равно выполнение обязанностей лицом, вызванным для дачи показаний. Это и понятно, ибо допрос свидетеля происходит в рамках уголовно-процессуальных правоотношений при обеспечении его процессуальных прав. Позиция Ю. И. Стецовского означает не что иное, как допустимость «параллельного следствия», в основе которого лежат односторонние действия защитника. Подобные действия, с нашей точки зрения, не допустимы, так как не основаны на законе, и потому они не могут

¹ См. «Бюллетень Верховного Суда РСФСР» 1971 г. № 5, стр. 14—15; «Бюллетень Верховного Суда СССР» 1973 г. № 4, стр. 33.

² См. рецензию А. М. Ларина на книгу Ю. И. Стецовского «Адвокат в уголовном судопроизводстве», «Советское государство и право» 1973 г. № 2, стр. 147.

быть проведены в рамках уголовно-процессуальных правоотношений.

Весьма интересно рассмотреть взаимосвязь действий и уголовно-процессуальных отношений. Некоторые ученые исходят из того, что правоотношения имеют второстепенное значение по отношению к действиям. Как отмечалось, подобные взгляды нам представляются не совсем правильными¹. В процессуальной науке не вполне успешно решается вопрос о соотношении действий и правоотношений. Первым попытался решить этот вопрос М. С. Строгович. Однако, как нам представляется, наметив правильный путь, он не разрешил этот вопрос до конца. М. С. Строгович связь деятельности и правоотношений в уголовном процессе усматривает в следующем: «...уголовно-процессуальные отношения представляют собой правовую форму деятельности органов следствия, прокуратуры и суда, осуществляющих возложенные на них законом задачи в области борьбы с преступностью, а сама эта деятельность есть содержание уголовно-процессуальных отношений»². Таким образом, проблема соотношения деятельности (действий) и правоотношений в уголовном судопроизводстве разрешается как проблема формы и содержания. Но автор, по нашему мнению, несколько упростил эти связи, рассматривая правоотношения как форму существования деятельности, которая одновременно составляет содержание процессуальных отношений. Такая взаимосвязь между формой и содержанием вряд ли возможна.

М. С. Строгович, с нашей точки зрения, не вполне учел, что диалектика взаимосвязи и обусловленности содержания и формы относительна. Это значит: то, что в одной связи является формой, в другой объективной связи может оказаться содержанием, имеющим свои собственные формы.

Нам представляется, что, рассматривая уголовно-процессуальные отношения как форму в их связи с уголовно-правовыми отношениями, нельзя отвергать наличие самостоятельного содержания уголовно-процессуальных отношений. Таковыми, как отмечалось, являются уголовно-процессуальные действия. Права и обязанности субъектов уголовно-процессуальных отношений,

¹ См. § 3 гл. I.

² М. С. Строгович, Курс советского уголовного процесса, т. I, М., 1968, стр. 34.

определяя масштабы этих действий, представляют собой форму. Здесь речь идет именно о такой форме, которая сливается с содержанием.

Именно поэтому строгое соблюдение уголовно-процессуальной формы в сфере судопроизводства важно для обеспечения его содержания. Рассматривая это положение применительно к проблеме содержания и формы уголовно-процессуального отношения, важно иметь в виду, что реальное обеспечение процессуальной формы (т. е. прав и обязанностей участников процесса) обуславливает содержание процессуальных отношений. Вот почему ст. 345 УПК РСФСР признает существенными нарушениями уголовно-процессуального закона такие нарушения, которые путем лишения или стеснения гарантированных законом прав участников процесса при рассмотрении дела или иным путем помешали суду всесторонне разобрать дело и повлияли или могли повлиять на постановление законного и обоснованного приговора.

Обращая внимание на строгое соблюдение прав граждан, участвующих в процессе, высшие судебные инстанции усматривают несоблюдение установленной законом процессуальной формы, влекущей отмену приговора, в случаях: а) проведения предварительного следствия или судебного разбирательства без участия переводчика, если подсудимый (обвиняемый) не владеет языком, на котором ведется судопроизводство¹; б) непредставления обвинительного заключения в переводе на язык, которым владеет подсудимый²; в) несоставления нового обвинительного заключения после доследования уголовного дела³; г) проведения дознания вместо предварительного следствия⁴; д) предания обвиняемого суду по закону, по которому обвинение не предъявлялось⁵; е) непредставления подсудимому возможности участвовать в судебных прениях, если он отказался от защитника⁶; ж) непредставления подсудимому послед-

¹ См. «Бюллетень Верховного Суда СССР» 1971 г. № 1, стр. 40.

² См. «Бюллетень Верховного Суда РСФСР» 1971 г. № 9, стр. 9.

³ См. «Бюллетень Верховного Суда РСФСР» 1973 г. № 7, стр. 13.

⁴ См. «Бюллетень Верховного Суда РСФСР» 1972 г. № 4, стр. 16.

⁵ См. «Бюллетень Верховного Суда РСФСР» 1973 г. № 8, стр. 10—11.

⁶ См. «Бюллетень Верховного Суда РСФСР» 1971 г. № 5, стр. 10.

него слова¹; з) нарушения прав потерпевшего, если это привело к ущемлению его права на возмещение ущерба, причиненного преступлением²; и) нарушения существенных прав потерпевшего, если это влечет неполноту исследования фактических обстоятельств дела³.

Сказанное, разумеется, не исчерпывает возможностей кассационной или надзорной инстанции признать существенными те или иные процессуальные нарушения. Они это и делают всякий раз, обнаружив нарушения норм УПК, которые могли бы повлиять на постановление законного и обоснованного приговора. При этом важно иметь в виду указания Пленума Верховного Суда СССР, который в постановлении от 17 декабря 1971 г. «О практике рассмотрения судами уголовных дел в кассационном порядке» разъяснил, что при выявлении существенных нарушений уголовно-процессуального закона, которые должны влечь отмену приговора во всяком случае (ч. 2 ст. 345 УПК РСФСР), кассационная инстанция обязана отменить приговор в отношении всех осужденных, которых это нарушение касается, независимо от того, кто из них подал жалобу и в отношении кого принесен протест⁴.

Итак, приведенные данные судебной практики достаточно ярко показывают, насколько тесно связаны между собой содержание и форма правоотношений в сфере уголовного судопроизводства.

Насколько трудно различимы содержание и внутренняя форма правоотношения, можно судить хотя бы потому, что одни ученые содержанием правоотношения считают права и обязанности субъектов отношения, другие — действия, третьи — действия, а равно права и обязанности.

¹ См. «Сборник постановлений Пленума и определений коллегий Верховного Суда СССР по вопросам уголовного процесса», М., 1964, стр. 26, 261.

² См. «Бюллетень Верховного Суда РСФСР» 1973 г. № 1, стр. 13—14.

³ См. «Сборник постановлений Пленума, Президиума и определений Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РСФСР. 1961—1963 гг.», М., 1964, стр. 340; «Сборник постановлений Пленума и определений коллегий Верховного Суда СССР по уголовным делам. 1959—1971 гг.», М., 1973, стр. 375.

⁴ См. «Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР. 1924—1973», М., 1974, стр. 605.

Что касается внешней формы правового отношения, то она вполне и легко отделима от содержания и представляет собой порядок и последовательность осуществления действий. По-видимому, неточность позиции М. С. Строговича обусловлена тем, что у него внешняя форма как бы «слилась» с внутренней.

Правоотношение имеет свою внутреннюю форму и содержание. Но правоотношение не может быть формой того, что, будучи его содержанием, составляет лишь один элемент явления. Иными словами, целое не может быть формой части. Внутренняя форма не может выступать в одной и той же связи и в качестве содержания. Это чрезвычайно важное положение марксистской диалектики, которое, нам представляется, необходимо учитывать при разработке проблемы содержания и формы правовых явлений.

§ 3. Субъекты уголовно-процессуальных отношений

Субъекты — необходимый элемент каждого правоотношения (как и вообще любого общественного отношения). Уголовно-процессуальным отношениям на разных стадиях судопроизводства присущ различный круг субъектов.

Мы не можем согласиться с утверждением, что между участниками уголовных материальных и процессуальных отношений нет разницы¹. Несмотря на то что в качестве обвиняемых, как правило, привлекаются лица, действительно совершившие преступление, материальные и процессуальные правоотношения отождествлять нельзя.

Мы не можем полностью согласиться с Л. М. Карнеевой, когда она пишет, что субъект уголовно-процессуальных отношений может и не совпасть с субъектом уголовного правоотношения, так как в результате ошибки, допущенной органами расследования и судом, может быть заподозрено, привлечено к ответственности и даже осуждено невинное лицо². Из сказанного вытекает,

¹ См. А. Е. Наташев, Н. А. Стручков, указ. соч., стр. 108.

² См. Л. М. Карнеева, Привлечение к уголовной ответственности, М., 1971, стр. 10—11.

что если подозрение оказалось обоснованным, предъявленное обвинение подтвердилось, а обвиняемый затем осужден, то субъекты материальных и процессуальных отношений совпадут. В действительности разница между субъектами правоотношения есть, и притом весьма существенная. Во-первых, в уголовно-процессуальных отношениях государство не выступает в качестве субъекта правоотношения, от имени государства выступает его орган (суд, следователь, орган дознания, прокурор и др.). Во-вторых, в уголовно-процессуальных отношениях нет преступника (лицо, действительно совершившее преступление), а есть подсудимый, обвиняемый, подозреваемый. В-третьих, помимо основных (центральных) субъектов правоотношений (представитель государства и обвиняемый) существует множество других, которые вступают в различные процессуальные отношения.

Совершая преступление, лицо нарушает запреты, установленные государством, и тем самым у него возникают обязанности перед государством, законы которого оно нарушило. Поэтому государство (и только государство) является субъектом уголовного материального правоотношения. Но государство как субъект права и правоотношения не может реализовать свои права (и обязанности) по отношению к преступнику иначе как через уголовно-процессуальные правоотношения. В силу этого объект материального правоотношения реализуется через объект процессуальных отношений. Аналогичный процесс трансформации происходит с субъектом правоотношения. Когда в отношении с обвиняемым «вместо» государства вступает его представитель, происходит не «уточнение» органа государства, как считает П. С. Элькин¹, а опосредствование одного субъекта другим, вызванное «рождением» уголовно-процессуальных отношений. Поэтому мы не можем согласиться ни с теми учеными, которые считают субъектом уголовного правоотношения не государство, а его орган², ни с теми, кто таковым называет государство в лице его органов³.

¹ См. П. С. Элькин, указ. соч., стр. 34.

² См. Н. Н. Полянский, указ. соч., стр. 253—256; С. Ф. Кечекьян, Правоотношения в социалистическом обществе, М., 1958, стр. 182—183; А. Л. Ривлин, указ. соч., стр. 109, и др.

³ См. «Курс советского уголовного права», т. I, М., 1970, стр. 14; Н. И. Загородников, О содержании уголовно-правовых отношений, «Советское государство и право» 1963 г. № 11, стр. 86; А. Е. Наташев, Н. А. Стручков, указ. соч., стр. 46, 108, и др.

В том и другом случае, по нашему мнению, отождествляются субъекты разных видов правоотношений.

Участники уголовно-процессуальных отношений различны по своей правовой природе, как различна их роль в сфере уголовного судопроизводства, что в свою очередь определяет характер и объем их прав и обязанностей. Заметим, что круг субъектов уголовно-процессуальных отношений значительно шире круга субъектов материальных правоотношений.

В силу публично-правового начала, присущего советскому уголовному судопроизводству, специфической особенностью каждого уголовно-процессуального отношения является участие в нем представителя государственной власти (следователь, прокурор, суд). Без властного начала в уголовно-процессуальных отношениях невозможно развитие уголовного судопроизводства, достижение стоящих перед ним задач. Так, властные полномочия проявляются при применении мер процессуального принуждения, прекращении уголовного дела или его направлении в суд, принесении прокурором протеста на приговор, отмене постановления следователя и т. п. Носителями этих властных полномочий являются на предварительном следствии и дознании следователь, начальник следственного отдела, лицо, производящее дознание, прокурор; в стадии предания суду — суд или судья; в судебном разбирательстве, при рассмотрении дела в кассационной и надзорной инстанциях — суд.

Обычно в уголовно-процессуальном правоотношении участвует один носитель властных полномочий. В этом можно убедиться, анализируя правоотношения, существующие между следователем и экспертом; лицом, производящим дознание, и подозреваемым или свидетелем; прокурором и потерпевшим, который обжаловал постановление следователя.

Существуют и такие правоотношения, в которых оба субъекта являются представителями власти. К их числу можно отнести процессуальные правоотношения, существующие между следователем и органом дознания (ч. 4 ст. 119, ч. 4 ст. 127 УПК РСФСР); между следователем и начальником следственного отдела (ст. 127¹ УПК РСФСР); между прокурором и органом дознания (ст.ст. 211, 212 УПК РСФСР). Причем для этих процессуальных отношений специфично, что выразителем властного начала является лишь один субъект — предста-

витель власти: в первом случае — следователь, во втором — начальник следственного отдела, в третьем и четвертом — прокурор.

Подобное положение типично для отношений в сфере уголовного судопроизводства. Оно не нарушается даже в случае участия в проведении следственных действий наряду со следователем прокурора. Так, если следственное действие проводит прокурор, то он (а не следователь) будет субъектом правоотношений, воплощающим властное начало, даже если следователь участвует в осмотре. Если же прокурор присутствует при проведении следственного действия, всей полнотой власти обладает следователь.

Но прокурор, присутствуя при производстве следственного действия, вправе давать указания следователю. Вступая в правоотношение со следователем, прокурор является выразителем властного начала. Реализуя указания прокурора, следователь выполняет властные предписания, но при этом он может вступать в правоотношения с другими лицами (специалистом, понятым, работником милиции и т. п.), будучи носителем властных полномочий.

Еще ярче высказанное положение находит подтверждение в стадии судебного разбирательства. Подчеркивая, что никто не может быть признан виновным в совершении преступления и подвергнут наказанию иначе как по приговору суда (ст. 7 Основ, ст. 14 УПК РСФСР), закон тем самым наделяет суд исключительной компетенцией. Это обстоятельство ставит суд в особое положение среди органов государственной власти, а также среди участников уголовного процесса и дает основание признать его решающую и руководящую роль в уголовном судопроизводстве. Суд является единственным носителем властного начала в правоотношениях, возникающих в судебном разбирательстве.

В связи с этим представляется не совсем убедительной позиция тех авторов, которые считают, что прокурор в суде первой инстанции не только поддерживает государственное обвинение, но, будучи стороной в процессе, надзирает за законностью действий суда, рассматривающего дело¹. Вряд ли можно признать высказан-

¹ См. В. М. Савицкий, Государственное обвинение в суде, М., 1971, стр. 14—19; В. И. Басков, Прокурор в суде первой инстанции, М., 1968, стр. 79.

ную позицию соответствующей фактическому положению прокурора в судебном заседании. Прокурор в ходе судебного заседания не может оценивать деятельность суда, в работе которого он участвует в качестве равноправного участника процесса. Оценку приговора прокурор может дать лишь после его вынесения в кассационном протесте. Прав был И. Д. Перлов, когда подчеркивал, что «прокурор не осуществляет надзор за деятельностью суда. Он осуществляет надзор за законностью и обоснованностью уже вынесенного приговора. В этом содержится глубокий смысл. Пока суд разбирает дело, прокурор, участвующий в судебном разбирательстве, является стороной в процессе и, естественно, не осуществляет функции надзора за законностью действий суда. Но как только окончилось судебное разбирательство и приговор провозглашен, прокурор осуществляет надзор за законностью и обоснованностью этого приговора»¹.

Заметим, что утверждение о надзоре прокурора за действиями суда в судебном разбирательстве не согласуется с нормативными предписаниями, содержащимися в ст.ст. 228, 251 УПК РСФСР. Согласно ч. 2 ст. 228 постановление судьи или определение распорядительного заседания о необходимости участия в судебном разбирательстве прокурора обязательно для последнего. В соответствии со ст. 251 в случае неявки прокурора в судебное заседание суд разрешает вопрос о возможности слушания дела в отсутствие прокурора. Трудно себе представить, чтобы законодатель установил эти правила для того, чтобы суд мог обеспечить себя во время заседания прокурорским надзором. Не случайно гл. IV Положения о прокурорском надзоре в СССР озаглавлена «Надзор за законностью и обоснованностью приговоров, решений, определений и постановлений судебных органов». Очевидно, цель участия прокурора в суде иная — осуществление функции государственного обвинения², а не надзор за действиями суда.

В литературе высказывалось мнение, что участником уголовно-процессуальных отношений не всегда яв-

¹ И. Д. Перлов, Судебные прения и последнее слово подсудимого в советском уголовном процессе, М., 1957, стр. 37.

² Мы согласны с В. М. Савицким в том, что даже отказ прокурора от обвинения представляет собой, хотя и в негативной форме, акцию обвинения (см. В. М. Савицкий, указ. работа, стр. 215, 220, 222 и др.).

ляется представитель органа государственной власти. Так, М. С. Строгович, писал: «Определенное место в системе уголовно-процессуальных отношений занимают правоотношения между самими участвующими в производстве по уголовному делу гражданами или между гражданами и представителями учреждений и организаций, участвующими в производстве по делу, например между потерпевшим и обвиняемым, между общественным обвинителем и подсудимым или допрашиваемым на суде свидетелем»¹.

Хотя свой вывод М. С. Строгович обосновал весьма общими примерами, но даже из них видна несостоятельность его позиции. Если имеется в виду правоотношение между потерпевшим и обвиняемым на предварительном следствии во время очной ставки, то известно, что это следственное действие проводится по решению и при участии следователя и лишь с его разрешения лица, между которыми проводится очная ставка, могут задавать друг другу вопросы (ст. 163 УПК РСФСР). Что же касается правоотношений между общественным обвинителем и гражданами во время допроса в судебном разбирательстве, то допрос проводится под постоянным контролем суда. В силу этого судьи в любое время могут вести допрос сами, а председательствующий вправе устранить вопросы, не относящиеся к делу (ст. 283 УПК РСФСР); показания даются суду; суд предупреждает об ответственности за отказ от дачи показаний и за дачу заведомо ложных показаний свидетелей и потерпевших. Наконец, М. С. Строгович считает очевидным процессуальное отношение между обвиняемым и его защитником². Автор не показывает эту очевидность. Действующий же закон не дает оснований для подобного вывода. Нам представляется, что у защитника могут быть непосредственные отношения с подзащитным, но они — вне сферы уголовно-процессуального права.

Своеобразную позицию заняла в рассматриваемом вопросе Н. А. Якубович. Она правильно утверждает, что один из субъектов правоотношений на предвари-

¹ М. С. Строгович, указ. соч. стр. 32. Такой же точки зрения придерживаются Р. Д. Рахунов («Участники уголовно-процессуальной деятельности», М., 1961, стр. 64, 65), Л. Д. Кокорев (указ. соч., стр. 36—39).

² См. М. С. Строгович, указ. соч., стр. 32, сноска 3.

тельном следствии — должностное лицо. Однако мы не можем согласиться с утверждением, что при свидании защитника с обвиняемым наедине косвенным участником уголовно-процессуального правоотношения является компетентный государственный орган¹. Как известно, никто, кроме обвиняемого и защитника, при их свидании наедине не присутствует и не участвует; свидание это (как и встреча в юридической консультации, если обвиняемый не содержится под стражей) не является ни процессуальным действием, ни процессуальным правоотношением.

Ни один из участников уголовно-процессуальных правоотношений вне прямой и конкретной связи с представителем государства (следователем; лицом, производящим дознание; прокурором; судом) не может реализовать свои права и выполнить возложенные на него обязанности. Поэтому представитель государственного органа — обязательный участник всех этих отношений².

Б. А. Галкин обоснованно подметил многосубъектный характер уголовно-процессуальных отношений; но он не вполне прав, считая это особенностью лишь рассматриваемых отношений: многосторонний характер свойствен и гражданским процессуальным отношениям.

Трудно согласиться с Б. А. Галкиным и в другом: он считает, что в уголовном процессе двусторонних отношений вообще не существует, что они лишь кажутся таковыми³. Типичным примером двусторонних отношений являются отношения, возникающие между следователем и свидетелем при допросе; у прокурора со следователем, органом дознания, начальником следственного отдела. Каждое из названных отношений в свою очередь может вызвать несколько других. Например, прокурор дал указание следователю в связи с проведением предварительного следствия. Чтобы их выполнить, следователь вступает в ряд других отношений: с органом дозна-

¹ См. П. А. Якубович, Теоретические основы предварительного следствия, М., 1971, стр. 52. Идея «косвенного» участника процессуальных правоотношений ранее была высказана П. С. Элькинц (указ. соч., стр. 32—33).

² Аналогичную позицию высказали в литературе, например, Б. А. Галкин («Советский уголовно-процессуальный закон», М., 1962, стр. 73—74), В. А. Стрёмовский («Участники предварительного следствия», Ростов, 1966, стр. 12—13).

³ См. Б. А. Галкин, указ. соч., стр. 76.

ния (дает поручение), свидетелем, потерпевшим, экспертом и т. п. Если он не согласен с указаниями прокурора, он приносит возражения вышестоящему прокурору и т. п. Как видим, во всех перечисленных случаях наличествуют двусторонние отношения, существующие в связи с другими отношениями. Стало быть, налицо такой признак, как системность правоотношений, а не их многосубъектность.

Многосубъектность имеет место, например, в отношениях, складывающихся при проведении осмотров, обысков, выемок, следственных экспериментов, очных ставок, при рассмотрении дела в судебном заседании¹. Специфика этих многосторонних правоотношений состоит в том, что все они представляют собой не что иное, как сумму двусторонних отношений, в которых один участник — представитель власти. Поэтому кажется не вполне правильным утверждение, что процессуальные отношения между субъектами, не обладающими по отношению друг к другу правом властного веления, возможны лишь в рамках многосторонних уголовно-процессуальных отношений². Обычно авторы рассматриваемой позиции в утверждении своих доводов ссылаются общим образом на очную ставку³ либо обращают внимание на право участников очной ставки задавать друг другу вопросы, игнорируя при этом или не подвергая анализу то место ст. 163 УПК РСФСР, где сказано, что участники очной ставки могут это делать лишь с разрешения следователя⁴. Между тем именно эта оговорка законодателя позволяет не согласиться с той оценкой, которая дается характеру правоотношений при очной ставке; она дает основания утверждать, что при производстве этого следственного действия обязательным субъектом всех возникающих правоотношений является следователь, прокурор или лицо, производящее дознание, т. е. лицо, проводящее очную ставку.

¹ О наличии многосторонних уголовно-процессуальных отношений говорится и в других работах (см. П. С. Элькин д, указ. соч., стр. 30; Т. В. Свистунова, Нормы уголовно-процессуального права и правоотношения. Автореферат канд. дисс., Л., 1969, стр. 10).

² См. П. С. Элькин д, указ. соч., стр. 30; Т. В. Свистунова, указ. соч., стр. 10.

³ См. Т. В. Свистунова, указ. соч., стр. 10.

⁴ См. П. С. Элькин д, указ. соч., стр. 30.

Вызов свидетеля и потерпевшего, предупреждение их об ответственности, определение предмета очной ставки и последовательности вопросов, подлежащих выяснению, установление очередности дачи показаний, постановка дополнительных вопросов, оглашение фрагментов ранее данных показаний — вот те моменты, в связи с которыми или по поводу которых строятся отношения у следователя с каждым участником очной ставки. Участники очной ставки вправе задавать друг другу вопросы лишь с разрешения следователя. Таким образом, следователь не только определяет момент, когда будет задан вопрос, но и санкционирует содержание вопроса. Если вопрос задан не по существу, если он выходит за рамки предмета очной ставки, если он может помешать интересам следствия, следователь не разрешает его задавать. Иначе говоря, вопрос может быть задан, если следователь считает, что он относится к предмету проводимого действия и не нанесет ущерба интересам следствия. Санкционируя постановку такого вопроса, следователь как бы задает его сам. Ответственность за заведомо ложный ответ наступает не потому, что свидетель дал такие показания потерпевшему, а потому, что, отвечая на этот вопрос, он давал показания следователю.

Изложенное приводит к выводу, что: а) следователь (другой представитель власти) — обязательный субъект правоотношений, возникающих при производстве очной ставки; б) непосредственных отношений между участниками очной ставки нет.

Аналогично можно проанализировать и любое другое многостороннее процессуальное действие.

§ 4. Субъект уголовно-процессуального права и субъект правоотношения

Круг участников той или иной сферы общественных отношений или, как его в литературе нередко именуют, субъектный состав определенной разновидности правоотношений либо конкретного правоотношения имеет важное теоретическое и практическое значение.

Регулятивная роль права состоит прежде всего в определении пределов должного или возможного поведения участников общественных отношений. Следовательно, правовые веления (дозволения) и запреты потому и

существуют, что ими регулируется поведение людей. «Социолог-материалист, — писал В. И. Ленин, — делающий предметом своего изучения определенные общественные отношения людей, тем самым уже изучает и реальных *личностей*, из действий которых и слагаются эти отношения»¹.

В связи с этим, изучая любую отрасль права и регулируемую ею область общественных отношений, важно точно определить, чьи действия регулируются данной отраслью права, во-первых, и кто вступает в конкретные правоотношения в процессе реализации норм права, во-вторых. Иначе говоря, нужно определить, кто является субъектом права и кто — субъектом правоотношения.

Разработка понятия субъекта права, таким образом, имеет общеправовое и общетеоретическое значение, так как способствует более четкому разграничению сфер правового регулирования конкретных отраслей права².

Изучение вопроса о субъектах процессуального права, как правильно подчеркивает М. С. Шакарян, имеет теоретическое и практическое значение еще и потому, что в значительной мере процессуальный метод регулирования общественных отношений характеризуется правовым положением субъектов (их правами и обязанностями), а также средствами регулирования их поведения³.

В советской уголовно-процессуальной литературе недостаточно разработан вопрос о субъектах права. Авторы работ по уголовному процессу обычно дискутируют о понятиях участников уголовного процесса⁴, субъекта уголовно-процессуальной деятельности и правоотноше-

¹ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 1, стр. 424.

² См. В. М. Чхиквадзе, Ц. А. Ямпольская, О системе советского права, «Советское государство и право» 1967 г. № 9, стр. 33.

³ См. М. С. Шакарян, Понятие субъектов советского гражданского процессуального права и правоотношения и их классификация, «Труды ВЮЗИ», т. XVII, 1971, стр. 74.

⁴ См. Р. Д. Рахунов, Участники уголовно-процессуальной деятельности, М., 1961, стр. 23—25; В. А. Стремовский, Участники предварительного следствия, Ростов, 1966, стр. 8—26; «Советский уголовный процесс» под ред. Д. С. Карева, М., 1968, стр. 67—70; «Уголовный процесс» под ред. М. А. Чельцова, М., 1969, стр. 69—73; «Уголовный процесс» под ред. Н. С. Алексеева, В. З. Лукашевича, П. С. Элькиндр, М., 1972, стр. 96—100; «Советский уголовный процесс. Общая часть» под ред. Б. А. Викторова и В. Е. Чугунова, М., 1973, стр. 105—108

ний¹, причем с этими понятиями нередко смешивается понятие субъекта права. Между тем их содержание далеко не однозначно и не равнозначно, на что справедливо обращается внимание в ряде работ по общей теории права и гражданского процесса². Как будет далее показано, не каждый субъект права является субъектом правоотношения, но каждый субъект правоотношения — субъект права.

А. В. Мицкевич признание лица или организации субъектом советского права не без оснований связывает с распространением на данное лицо или организацию советских законов, что само по себе еще не вызывает возникновения конкретных правоотношений³. В связи с этим представляется не вполне точным утверждение П. С. Элькинда о том, что признание определенных лиц субъектами уголовно-процессуальных отношений содержится в нормах права⁴. На эту неточность в позиции П. С. Элькинда обратила внимание М. С. Шакарян, обоснованно выразившая сомнение в том, что норма права имеет в виду определенных лиц. По ее мнению, в правовых нормах формулируются типичные признаки, наличие которых предопределяет лишь возможность занять в процессе определенное процессуальное положение. Поэтому в подобных случаях юридически предпочтительнее говорить о признании лиц субъектами права (той или иной отрасли)⁵.

В тех же случаях, когда в уголовно-процессуальном законе не сформулированы или недостаточно полно сформулированы юридические признаки, соответствие которым (или обладание которыми) обуславливает занятие лицом определенного положения при производстве по уголовному делу, на практике возникают различные трудности. Например, на практике нередко возникает необходимость допросить лиц, которым обвинение еще

¹ См., например, М. С. Строгович, Курс советского уголовного процесса, т. I, М., 1968, стр. 204—205.

² См. А. В. Мицкевич, Субъекты советского права, М., 1962, стр. 12—15; М. П. Ринг, К вопросу о гражданских процессуальных отношениях, «Ученые записки ВЮЮ», вып. 16, М., 1963, стр. 63—66; В. Н. Щеглов, Гражданское процессуальное правоотношение, М., 1966, стр. 128; М. С. Шакарян, указ. соч., стр. 71.

³ См. А. В. Мицкевич, указ. соч., стр. 12, 13—14.

⁴ См. П. С. Элькиндр, Толкование и применение норм уголовно-процессуального права, М., 1967, стр. 33—39.

⁵ См. М. С. Шакарян, указ. соч., стр. 79.

не предъявлено, но в отношении которых следователь располагает некоторыми данными, изобличающими их в совершении преступления, хотя и недостаточными для привлечения в качестве обвиняемого. Обычно этих лиц допрашивают в качестве свидетелей, предупреждая их об уголовной ответственности за отказ или уклонение от дачи показаний и дачу заведомо ложных показаний. Такая практика представляется вынужденной и не отвечающей фактическому положению этих лиц, для которых дача правдивых показаний означает саморазоблачение. Таким образом, такое лицо, не являясь ни обвиняемым, ни подозреваемым, ни свидетелем, оказывается в худшем положении, чем любое из названных лиц. Вопрос о правовом регулировании процессуального положения такого рода «свидетелей» заслуживал бы внимания, даже если бы необходимость в их допросе была крайне редкой. Однако практика показывает иное. По данным Л. М. Карнеевой, в 95,8%—98,5% случаев к моменту привлечения в качестве обвиняемого следователи располагали показаниями лиц, которым в последующем было предъявлено обвинение¹.

Представляется поэтому необходимым четко определить в законе процессуальное положение таких лиц, обеспечив их соответствующими правами и наделив обязанностями.

Называя их «заподозренными», Л. М. Карнеева предлагает установить в законе правило, в соответствии с которым эти лица в рассматриваемых случаях (т. е. дачи показаний по поводу обстоятельств, которые в последующем могут быть им инкриминированы) должны допрашиваться по правилам, установленным для подозреваемого². Такое предложение представляется заслуживающим внимания.

Альтернативой этому может быть и другое решение — установить в законе порядок, при котором каждый свидетель может отказаться от дачи показаний по вопросам, ответ на которые может повлечь для него опас-

¹ См. Л. М. Карнеева, Привлечение к уголовной ответственности по советскому праву. Автореферат докт. дисс., М., 1970, стр. 24—25.

² См. там же.

ность привлечения к уголовной ответственности¹. Отсутствие необходимых предписаний в УПК приводит к нарушениям прав граждан, на которые вынуждены реагировать вышестоящие суды. Верховный Суд СССР, например, по делу С. указал, что допрос в качестве свидетеля, лица, подозреваемого в совершении преступления, лишает его возможности осуществлять свое право на защиту и потому не может быть признан соответствующим требованиям процессуального закона².

Субъект права автоматически не трансформируется в субъекта правоотношения. «Для того, чтобы носитель прав стал участником правоотношения и мог использовать свои права, — пишет Ц. А. Ямпольская, — необходимо наличие фактических гарантий, обеспечивающих возможность реализации принадлежащих по закону прав. Поэтому смешение понятий субъекта права и участника правоотношения лимитирует разработку вопросов законности, в частности в плане обеспечения субъективных прав»³.

Нельзя не учитывать и другого момента, характерного для уголовно-процессуального права, — разнообразия регулируемых им общественных отношений. Широкий круг связей (отношений) предполагает возможность участия человека в различном процессуальном качестве в зависимости от оснований этого участия. Например, при производстве предварительного следствия по уголовному делу гражданин может участвовать в процессе либо в качестве следователя, либо в качестве свидетеля, потерпевшего, гражданского истца, гражданского ответчика или их представителя. Такая возможность существует в силу процессуального закона. Когда же эта возможность превращается в действительность, иначе говоря, когда субъект права становится субъектом конкретного правоотношения, лицо может выступать, как правило, лишь в качестве одного субъекта правоотношения.

¹ Такой порядок установлен, например, § 27(4) УПК ГДР (см. «Уголовный и уголовно-процессуальный кодексы Германской Демократической Республики», М., 1972, стр. 148); § 1 ст. 166 УПК Польской Народной Республики; § 100(2) УПК Чехословацкой Социалистической Республики.

² См. «Бюллетень Верховного Суда СССР» 1974 г. № 4, стр. 25.

³ Ц. А. Ямпольская, Субъекты советского административного права. Автореферат докт. дисс., М., 1958, стр. 9.

Скажем, если на следователя Н. совершено нападение с целью ограбления, то он по этому делу может выступать в качестве потерпевшего и гражданского истца. Если он был очевидцем преступления, то он участвует в качестве свидетеля. В том и другом случае он не может быть следователем по делу, в качестве которого он обычно выступает в силу своего должностного положения.

Наконец, возможно положение, когда лицо не совмещает в правоотношениях процессуального положения двух или нескольких участников и тем не менее не может выступать в качестве следователя или судьи. К примеру, такое положение возникает, когда следователь или судья является родственником потерпевшего, гражданского ответчика или имеются иные обстоятельства, дающие основание считать, что следователь или судья прямо или косвенно заинтересован в исходе дела (ст. ст. 59, 64 УПК РСФСР).

Не случайно поэтому в ряде норм УПК мы находим прямые запреты лицу выступать по одному уголовному делу в том и ином качестве (ч. 6 ст. 47, ст.ст. 59, 60, 63, 64, 65, 66, 67, ч. 2 ст. 72, ч. 2 ст. 81 и др.). Наличие таких запретов свидетельствует о неадекватности понятий субъекта уголовно-процессуального права и субъекта процессуального правоотношения.

В то же время нечеткость установленного в законе перечня обстоятельств, препятствующих лицу принимать участие в процессе производства по уголовному делу, вызывает трудности на практике при определении субъектов уголовно-процессуальных правоотношений.

Устанавливая, что одно и то же лицо не может быть защитником двух обвиняемых, если интересы одного из них противоречат интересам другого (ч. 4 ст. 47 УПК РСФСР), законодатель тем самым устанавливает одно из условий, при которых возможен отказ адвоката от ведения защиты. Анализируя положение ст.ст. 59 и 64 УПК РСФСР, следует прийти к выводу, что закон считает недопустимым ведение следствия лицом, находящимся в родственных отношениях с защитником. Поэтому, если защитником по делу является родственник следователя, последний обязан уклониться от участия в деле (ч. 1 ст. 64 УПК РСФСР). Так должен поступить следователь, если ему поручено принять к своему производству дело, по которому ведется расследование, в которое уже вступил адвокат. А если речь идет о вступ-

лении адвоката в процесс, по которому следствие ведет его родственник? В этом случае, с нашей точки зрения, не следователь должен устраниться от ведения дела, а адвокат обязан отказаться от дальнейшего осуществления защиты¹, ибо устранение следователя не отвечает интересам дела и не лишает юридической силы проведенных им действий. Заметим, что Положение об адвокатуре РСФСР, как и Положения большинства других союзных республик, устанавливает запрет принимать поручения в подобных случаях².

Идея процессуальной несовместимости выполнения одним лицом функций защитника и других участников процесса выражена и в других предписаниях Положения об адвокатуре, где идет речь о запрещении принимать поручение, если адвокат ранее участвовал в деле в качестве судьи, прокурора, общественного обвинителя, эксперта, переводчика, лица, производящего дознание, следователя, понятого, свидетеля, секретаря судебного заседания.

Сопоставляя правила ст. 59 УПК РСФСР и ст. 32 Положения об адвокатуре РСФСР, необходимо также прийти к выводу, что не может осуществлять функции защитника адвокат, находящийся в родственных отношениях с потерпевшим. Поэтому следует признать обоснованным вывод Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РСФСР, усмотревшей нарушение права обвиняемого на защиту в стадии предварительного расследования по делу И., осужденного Кемеровским областным судом³. По этому делу обвиняемый просил назначить ему защитника Г. Просьба не была удовлетворена ввиду болезни адвоката Г., вместо которого следователь обеспечил участие в процессе адвоката Б. Обвиняемый отказался от услуг этого защитника — как оказалось, вследствие родственных отношений Б. с потерпевшей. Судебная коллегия признала такое нарушение существенным, поскольку налицо имел место вынужденный отказ обвиняемого от защитника.

¹ Если указанные обстоятельства были известны в момент заключения соглашения, адвокат обязан не принимать поручения на ведение дела.

² См., например, ст. 32 Положения об адвокатуре РСФСР («Ведомости Верховного Совета РСФСР» 1962 г. № 29, ст. 450).

³ См. определение Судебной коллегии Верховного Суда РСФСР по делу Г. «Научный комментарий судебной практики за 1971 г.», М., 1972, стр. 164.

Характерно, что УПК СССР (ст. 61) и Казахской ССР (ст. 43) предусматривают, что при наличии обстоятельств, препятствующих участию лица в качестве защитника, это лицо устраняется от участия в этом качестве. Хотя в УПК РСФСР и большинства других союзных республик подобных предписаний нет, однако они вытекают из ст. ст. 59, 64 УПК РСФСР, четко выразивших идею процессуальной несовместимости выполнения различных процессуальных функций одним лицом.

Наконец, в Положениях об адвокатуре предусмотрен еще один случай, когда адвокату предписано не принимать поручения на ведение дела, в том числе и в качестве защитника, если адвокат оказывает или оказывал по данному делу юридическую помощь другому лицу, интересы которого противоречат интересам обратившегося (ст. 32 Положения об адвокатуре РСФСР).

Такую же позицию занимает и Верховный Суд РСФСР. Так, рассматривая дело по кассационным жалобам осужденных Г., К. и адвоката И., Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РСФСР установила, что С. на предварительном следствии осуществлял функции представителя гражданского истца — торгового отдела, а в суде — защитника обвиняемого К. Судебная коллегия расценила данный факт как грубое нарушение прав обвиняемого на предварительном следствии. Приговор суда первой инстанции был отменен, а дело направлено на новое рассмотрение со стадии предварительного следствия¹.

Мы вполне согласны с определениями субъекта процессуального права как признанного нормами процессуального права потенциального носителя процессуальных прав и обязанностей, а субъекта процессуального правоотношения — как лица, занимающего в процессе по конкретному делу определенное процессуальное положение (обвиняемый, потерпевший, свидетель, эксперт и т. п.)².

Становление конкретного уголовно-процессуального правоотношения, как и цепи правоотношений, обусловлено совершением юридически значимого в процессуаль-

¹ См. «Комментарий судебной практики за 1971 год», М., 1972, стр. 165.

² См. М. С. Шакарян, указ. соч., стр. 81. Хотя определения автора относятся к гражданскому процессу, мы считаем, что они применимы и в уголовном процессе.

ном отношении факта. Юридический факт приводит в действие процессуальную норму и, как следствие этого, порождает правоотношение со всеми составляющими его компонентами (элементами). При этом субъект процессуального права становится субъектом уголовно-процессуального отношения, реализующим предоставленные ему законом права и обязанности¹.

Основываясь на сказанном и учитывая общетеоретические предпосылки правосубъектности в советском праве, есть основания согласиться с А. В. Венедиктовым, Р. Д. Рахуновым и М. С. Шакарян в том, что признание гражданина субъектом права не означает, что он может быть субъектом прав и обязанностей в любой области отношений, независимо от их характера и условий (предпосылок), наличие которых необходимо для признания способности быть носителем прав и обязанностей в данной области правоотношений².

Изучение судебной практики показывает, что отсутствие четкого представления об уголовно-процессуальной дееспособности отрицательно сказывается на определении круга лиц, которые могут вступать в уголовно-процессуальные правоотношения, а также объема их субъективных прав и обязанностей.

Действующее уголовно-процессуальное законодательство (союзное и республиканское) не дает понятия уголовно-процессуальной дееспособности, хотя и имеет его в виду при решении отдельных вопросов. Например, в ст. 49 УПК РСФСР указывается, что участие защитника на предварительном следствии и в суде обязательно по делам несовершеннолетних и лиц, которые в силу своих физических или психических недостатков не могут сами осуществлять свое право на защиту. Аналогичных указаний в процессуальном законе нет в отношении других участников процесса, в частности в отношении потерпевшего. Между тем вопрос о его недееспособности и вытекающих из этого последствиях нередко возникает в практике.

¹ Применительно к гражданскому процессу см. по этому вопросу В. И. Щеглов, Гражданское процессуальное правоотношение, М., 1966, стр. 128; М. С. Шакарян, указ. соч., стр. 81.

² См. А. В. Венедиктов, О субъектах социалистических правоотношений, «Советское государство и право» 1955 г. № 6, стр. 18; Р. Д. Рахунов, Участники уголовно-процессуальной деятельности, М., 1961, стр. 19, 20.

Возбуждение дел так называемого частного и частно-публичного обвинения законодатель ставит в зависимость от наличия жалобы потерпевшего. Если же лицо, которому причинен вред преступлением, недееспособно, право принесения жалобы должно быть предоставлено его законному представителю. Однако только в кодексах некоторых союзных республик имеются специальные указания¹ по данному вопросу, причем далеко не единообразные и, за исключением УПК Грузинской ССР², не совсем четкие.

Вопрос о дееспособности потерпевшего и последствиях недееспособности возникает нередко и в других стадиях процесса. Например, несомненно принципиальный характер имеет решение вопроса о последствиях принесения кассационной жалобы несовершеннолетним потерпевшим. Теоретически вопрос этот решается элементарно: если лицо недееспособно, а следовательно, не может эффективно реализовать свои права, действия в его интересах должен совершать законный представитель. Практика же свидетельствует, что суды рассматривают дела во второй инстанции по жалобам как законных представителей потерпевших, так и самих несовершеннолетних потерпевших, а иногда даже малолетних.

Поскольку ни союзное, ни республиканское уголовно-процессуальное законодательство не определяет возрастного барьера, недостижение которого дает основание считать лицо недееспособным, нет оснований считать эту практику незаконной. Однако, как мы полагаем, можно ставить вопрос о дополнении закона. Причем понятие уголовно-процессуальной дееспособности, по нашему мнению, целесообразно дать не в уголовно-процессуальных кодексах, а в Основах, поскольку этот вопрос требует единообразного решения на территории всего Союза ССР. В республиканском же законодательстве должны быть регламентированы все вытекающие из этого специальные вопросы применительно к отдельным участникам и стадиям уголовного процесса.

¹ См. ст. 105 УПК Азербайджанской ССР, ст. 89 УПК Казахской ССР, ст. 111 УПК Латвийской ССР, ст. 115 УПК Грузинской ССР.

² В ст. 115 УПК Грузинской ССР указано: «Если потерпевшим является лицо несовершеннолетнее или не могущее по своим физическим или психическим недостаткам выступить в защиту своих законных интересов, дело может быть возбуждено и по жалобе его законного представителя».

Мы рассмотрели вопрос о дееспособности применительно к одному участнику уголовного процесса. Однако совершенно очевидно, что он имеет практическое значение и для других участников процесса.

§ 5. Субъекты уголовно-процессуальных правоотношений и участники уголовного процесса

Основы уголовного судопроизводства к числу участников уголовного процесса относят обвиняемого, его защитника, потерпевшего, гражданского истца, гражданского ответчика и их представителей.

УПК РСФСР в число участников уголовного процесса включил также подозреваемого и переводчика (ст. ст. 52, 57 УПК РСФСР), а УПК некоторых других союзных республик относят к участникам процесса государственные органы и их представителей, ведущих производство по уголовному делу¹.

Некоторые ученые считают, что в Основах дан исчерпывающий перечень участников процесса. При этом делается вывод, что всем участникам процесса присущи следующие общие признаки: а) они допускаются или привлекаются органами власти; б) каждый из них имеет свою особую процессуальную задачу, для осуществления которой закон наделяет его рядом прав; в) осуществляя эти права, участник процесса влияет на ход и исход процесса; г) они участвуют в ряде стадий процесса; д) каждый из них заинтересован в исходе дела².

Однако в процессуальной литературе получил распространение и другой взгляд, согласно которому участниками процесса признаются все те лица, которые фактически участвуют в процессе, имеют процессуальные права и несут процессуальные обязанности³. Сторонники

¹ См. ст. 21 УПК Казахской ССР, гл. гл. II—VI УПК Азербайджанской ССР. Аналогично решен вопрос в УПК Узбекской ССР (ст. ст. 28—36).

² См. «Уголовный процесс» под ред. М. А. Чельцова, М., 1969, стр. 71; «Советский уголовный процесс» под ред. Д. С. Карева, М., 1968, стр. 67—70.

³ См. «Советский уголовный процесс. Возбуждение уголовного дела и предварительное расследование», М., 1968, стр. 69—70; «Уголовный процесс» под ред. Б. А. Викторова, М., 1970, стр. 49—52; «Уголовный процесс» под ред. Н. С. Алексеева, В. З. Лукашевича, П. С. Элькин, М., 1972, стр. 96—100.

Этой точки зрения считают, что круг участников процесса не ограничен перечнем, содержащимся в разделе втором Основ, так как в общесоюзном и республиканском законе содержится ряд норм, в которых участниками процесса названы и другие лица.

Представляется предпочтительной вторая точка зрения. Она в наибольшей степени отражает фактическое положение в сфере производства по уголовному делу. При таком подходе реально учитывается, что каждой стадии уголовного процесса присущ различный круг участников процесса, как различны характер и направление их деятельности, основания и степень их участия, объем их прав и обязанностей. Все это позволяет говорить о различном правовом положении участников процесса, создает предпосылки для их классификации, дает основание включить в число участников уголовного процесса тех лиц, которые, обладая процессуальными правами и соблюдая процессуальные обязанности, вступают в уголовно-процессуальные отношения, т. е. участвуют в реализации уголовно-процессуальных норм. Имеются в виду представители государственных органов, эксперты, свидетели, понятые, специалисты.

Для столь широкого понятия участника процесса есть не только фактические, но и формальные основания: в общесоюзном уголовно-процессуальном законе, в уголовно-процессуальных кодексах союзных республик законодатель в ряде норм упоминает как участников процесса лиц, не указанных в главах и разделах, специально посвященных участникам процесса. Например, ст. 18 Основ, говоря об отводе судьи, прокурора и других участников уголовного процесса, дает весьма широкое представление о круге участников процесса, не совпадающем с тем, который обозначен в ст.ст. 21—27 этого же закона. Еще более широкий круг лиц имеет в виду ст. 11 Основ, обеспечивающая участвующим в деле лицам, если они не владеют языком, на котором ведется судопроизводство, право делать заявления, давать показания, выступать на суде и заявлять ходатайства на родном языке или на языке, которым каждый из них владеет. Правовые основания для широкого понимания круга участников процесса дают ст. ст. 27, 40 Основ, а также многие нормы УПК союзных республик (ст. 262 УПК РСФСР, ст. 262 УПК БССР и др.). Вместе с тем необходимо подчеркнуть, что ограниченное толкование участника процесса порожд-

дает ряд противоречий: при таком толковании нельзя признать участником уголовного процесса подозреваемого, законного представителя обвиняемого, прокурора, государственного и общественного обвинителя, эксперта, специалиста, общественного защитника и др. Научно обосновать такую позицию вряд ли можно.

Классификация лиц, участвующих в уголовном процессе, без достаточного учета их правового положения приводит к необъяснимым противоречиям. Так, появляются утверждения, что каждый участник уголовного процесса при производстве дела в суде первой инстанции является участником судебного разбирательства, но не каждый участник судебного разбирательства, в том числе прокурор, является участником процесса¹. Логическое несовершенство и внутреннее противоречие этого утверждения очевидны. Как раз наоборот, участник любой стадии процесса является одновременно участником процесса. Здесь соотношение части и целого. Нарушение общих логических конструкций неминуемо приводит к противоречиям при решении частных вопросов.

Таким образом, по нашему мнению, участником уголовного процесса является лицо, наделенное процессуальными правами и обязанностями, осуществляющее уголовно-процессуальную деятельность и вступающее в уголовно-процессуальные отношения с другими участниками в процессе реализации своих прав и обязанностей. Иначе говоря, нельзя быть носителем прав и обязанностей, реализуемых в уголовно-процессуальных правоотношениях, не будучи участником уголовного процесса. При этом мы исходим из того, что понятия «участник уголовного процесса» и «субъект уголовно-процессуального отношения» совпадают².

Различен круг участников процесса в каждой стадии, как различны характер и направление их деятельности, основания их участия, степень участия, объем их прав и обязанностей. Все это создает предпосылки для их классификации по групповым признакам, но не дает оснований для противопоставления участников процесса субъ-

¹ См. «Советский уголовный процесс», под ред. Д. С. Карева, М., 1968, стр. 69.

² Это обстоятельство отмечено в литературе. См., например, Р. Д. Рахунов, указ. соч., стр. 27, 37; Н. А. Якубович, Теоретические основы предварительного следствия, М., 1971, стр. 49.

ектам процессуальной деятельности, которых без достаточных к тому оснований некоторые авторы не включают в число участников процесса¹. Нам представляется, что нельзя установить различие между участниками уголовного процесса и участниками уголовно-процессуальной деятельности (закон, кстати, этого не делает), как нельзя провести границу между участниками уголовно-процессуальной деятельности (действий) и уголовно-процессуальных отношений², учитывая, что первые (действия) представляют собой содержание вторых (отношений).

Отстаивая весьма широкое понятие участника уголовного процесса³, мы не отрицаем различий в их правовом положении. В процессе нет двух одинаковых участников процесса. Однако при всем различии процессуального положения участников процесса есть основания для их разделения на определенные группы.

Вряд ли можно признать обоснованным признание субъекта участником процесса в зависимости от его отношения к процессу доказывания, хотя этот критерий может быть учтен при классификации субъектов (участников) уголовно-процессуальных отношений. Именно с учетом этого, а также такого признака, как право принимать решения по делу, Н. А. Якубович разделила участников предварительного расследования на три группы: 1) должностные лица, осуществляющие процесс расследования, несущие обязанности по доказыванию и принимающие в пределах своей компетенции решения по делу (лицо, производящее дознание, следователь, начальник следственного отдела, прокурор); 2) лица, привлекаемые по уголовному делу или допускаемые к участию

¹ См. «Уголовный процесс» под ред. М. А. Чельцова, М., 1969, стр. 71.

² Подобную попытку предпринимали некоторые ученые (см. М. С. Строгович, Уголовное преследование в советском уголовном процессе, М., 1951, стр. 21; он же, Курс советского уголовного процесса, т. I, М., 1968, стр. 204—205; Ц. М. Каз, Субъекты доказывания в советском уголовном процессе, Саратов, 1968, стр. 27; С. А. Шейфер, О роли правоотношений в советском уголовном процессе, «Вопросы уголовного права и процесса», М., 1958, стр. 133). Критику этих взглядов см. «Правоведение» 1960 г. № 1, стр. 151—152; Н. А. Якубович, указ. соч., стр. 50.

³ Подробный анализ различных точек зрения, высказанных в литературе по поводу понятия участника уголовного процесса, см. В. Н. Шпилев, Участники уголовного процесса, Минск, 1970, стр. 5—14; Л. Д. Кокорев, Участники правосудия по уголовным делам, Воронеж, 1971, стр. 5—23.

в расследовании, но не несущие обязанностей по доказыванию и могущие выразить свое мнение по вопросам, подлежащим решению (подозреваемый, обвиняемый, защитник, гражданский истец, гражданский ответчик и их представители); 3) граждане, не обладающие правами по доказыванию и не имеющие права высказывать свои суждения по вопросам, подлежащим решению (свидетель, эксперт, специалист, понятые, переводчик)¹.

Данная классификация участников процесса (а следовательно, и правоотношений) представляется не вполне совершенной. Заметим, что для первой группы характерно обладание полномочиями по применению норм уголовно-процессуального и материального уголовного права. Не отмечен наиболее специфический признак второй группы — наличие собственного (или представляемого) законного интереса. Что же касается последней группы, то ее выделение представляется наименее удачной: во-первых, она не исчерпывает всех лиц, участвующих в уголовном судопроизводстве; во-вторых, субъекты процесса в ней объединены по признакам, которыми они не обладают (отсутствие права на участие в доказывании).

Представляется более полной и дифференцированной следующая классификация субъектов правоотношений с учетом их интересов и задач (общих или локальных), обуславливающих их участие в сфере уголовного судопроизводства:

1) представители органов государственной власти (суд; судья; следователь; лицо, производящее дознание; начальник следственного отдела; прокурор);

2) лица, имеющие в уголовном процессе правовой интерес (подозреваемый, обвиняемый, потерпевший, гражданский истец, гражданский ответчик);

3) защитники и представители лиц, перечисленных в пункте втором;

4) общественные обвинители и общественные защитники;

5) лица, участие которых обусловлено тем, что их показания или заключения являются источниками доказательств (свидетели, эксперты);

6) лица, выполняющие вспомогательные задачи: специалисты, переводчики, понятые, статисты (лица, среди

¹ См. Н. А. Якубович, указ. соч., стр. 51

которых находится лицо, предъявляемое для опознания), секретарь судебного заседания;

7) лица, участвующие в деле в связи с избранием меры пресечения (поручитель, залогодатель);

8) граждане, руководители учреждений и организаций, общественные организации и их представители, участвующие при проведении или в связи с проведением отдельных процессуальных действий (лица, у которых производится обыск, выемка, осмотр; лица, присутствие которых предусмотрено при проведении обыска или выемки; лица, на переписку которых наложен арест; лица, которым описанное имущество передано на хранение, и т. п.);

9) представители мест лишения свободы при решении процессуальных вопросов в стадии исполнения приговора (об изменении режимов содержания, об условно-досрочном освобождении и т. п.);

10) представители общественности в стадии исполнения приговора (наблюдательных комиссий, комиссий по делам несовершеннолетних и др.).

Вступая в уголовно-процессуальные отношения, все перечисленные субъекты (участники уголовного процесса) реализуют процессуальные права и обязанности. Неодинакова их роль в уголовном судопроизводстве, различна степень их влияния на ход и конечный результат уголовного процесса. Сообразно этому далеко не одинаков объем их правомочий. Одни из них участвуют в процессе непродолжительное время, другие — эпизодически, третьи — в двух или нескольких стадиях уголовного судопроизводства. Большинство субъектов уголовно-процессуальных правоотношений не имеют личного материального или процессуального интереса. Другие такой интерес имеют (обвиняемый, потерпевший, гражданский истец и ответчик, защитники и представители), и закон наделяет их правами для отстаивания законного интереса. Главная же роль в уголовном процессе принадлежит государственным органам и должностным лицам, ответственным за уголовное дело (суд, судья, прокурор, следователь, начальник следственного отдела, лицо, производящее дознание), которые наделены правом применения норм закона и принятия решений по уголовному делу. От этих лиц в решающей степени зависит движение дела, его исход, от этих лиц зависит возможность реализации прав другими участниками процесса. Поэтому за-

кон их обязал не только разъяснять права обвиняемому, потерпевшему и другим участвующим в деле лицам, но и обеспечить возможность осуществления этих прав (ст. 27 Основ, ст. 58 УПК РСФСР).

Государственные органы взаимодействуют между собой и с другими участниками процесса. Действия участников уголовного судопроизводства взаимосвязаны и протекают в рамках регулируемых нормами уголовно-процессуального права общественных отношений. Субъектами этих уголовно-процессуальных отношений, являются все лица, обладающие процессуальными правами и обязанностями. Тот или иной субъект может быть участником одного или нескольких процессуальных правоотношений. При этом участники уголовно-процессуальных правоотношений вне прямой и конкретной связи с представителем государства (следователем, лицом, производящим дознание, прокурором, судом) не могут реализовать свои права и выполнять возложенные на них обязанности. Поэтому представитель власти, ответственный за уголовное дело, — обязательный участник уголовно-процессуальных отношений.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава I. Общественные отношения, правоотношения. Уголовно-процессуальные отношения	3
§ 1. Социалистические общественные отношения в советском обществе	3
§ 2. Правовые отношения в системе социалистических общественных отношений	17
§ 3. Общественные отношения как предмет регулирования уголовно-процессуального права	21
Глава II. Нормы уголовно-процессуального права и правоотношения	29
§ 1. Нормы уголовно-процессуального права — регулятор общественных отношений	29
§ 2. Применение уголовно-процессуальной нормы — основная форма реализации ее предписаний в правоотношении	42
§ 3. Источники норм права, регулирующих общественные отношения в сфере уголовного судопроизводства	62
§ 4. Уголовно-процессуальные правоотношения	77
Глава III. Уголовно-материальные правоотношения и их взаимосвязь с процессуальными правоотношениями	98
Глава IV. Состав уголовно-процессуальных отношений	136
§ 1. Объект уголовно-процессуальных отношений	136
§ 2. Содержание и форма уголовно-процессуальных правоотношений	140
§ 3. Субъекты уголовно-процессуальных отношений	151
§ 4. Субъект уголовно-процессуального права и субъект правоотношения	159
§ 5. Субъекты уголовно-процессуальных правоотношений и участники уголовного процесса	169

Божьев Вячеслав Петрович

«УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ПРАВООТНОШЕНИЯ»

Заведующий редакцией *Я. Я. Свит*
Редактор *М. М. Левина*
Младшие редакторы *И. Ю. Козлова, Т. В. Харламова*
Обложка художника *В. В. Гарбузова*
Художественный редактор *Э. П. Стулина*
Технический редактор *Н. Л. Федорова*
Корректоры *В. А. Терехина, Г. А. Чехерева*

Сдано в набор 27/XI 1974 г. Подписано в печать 19/II 1975 г. Бумага типографская № 3. Формат 84×108¹/₃₂. Объем: усл. печ. л. 9,24; учет.-изд. л. 9,94. Тираж 8000 экз. А-06664. Заказ № 7546. Цена 60 коп.

Издательство «Юридическая литература»,
103064, Москва, К-64, ул. Чкалова, 38/40.

Областная типография управления издательств, полиграфии и книжной торговли Ивановского облисполкома, г. Иваново-8, ул. Типографская, 6.